

P2
A-84
238790

Владимир Арро

ПОВЕСТИ

Издательство «Детская литература»

В л а д и м и р А р р о

РЗ
А-84

П О В Е С Т И

Рисунки Андрея Пахомова и
Светозара Острова

ЛЕНИНГРАД «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1982

РН в МПУзССР
238 796

Описано

ОБ АВТОРЕ ЭТОЙ КНИГИ

«Трудно ли быть писателем? Трудно ли писать книги?» Наверняка нет такого писателя, кому бы не задавали ребята подобных вопросов.

Я не знаю, как отвечает на эти вопросы Владимир Арро. Но вот что удивительно: когда читаешь его повести, вдруг начинает казаться, что писать книги — очень легко и просто. А впрочем, ничего удивительного в таком ощущении нет. Потому что я давно уже заметил: когда человек хорошо умеет делать своё дело, когда человек талантливо исполняет свою работу, со стороны невольно начинает казаться, будто работа эта даётся ему без особого труда, как бы играючи, будто стоит только захотеть, и ты сам сумеешь сделать всё ничуть не хуже.

Вот и у Владимира Арро в его книгах события развиваются так просто и естественно, герои ведут себя так живо, а слова так непринужденно, легко и весело складываются в предложения, словно писателю и правда не пришлось тратить особых усилий для того, чтобы написать свои повести, словно они возникли сами собой. А писателю оставалось лишь взять шариковую ручку или сесть за пишущую машинку и перенести эти повести на бумагу.

На самом деле такое впечатление, конечно, обманчиво. Потому что настоящая книга начинается вовсе не тогда, когда писатель садится за письменный стол и начинает выводить первые строки на чистом листе бумаги. Нет, настоящая книга начинается гораздо раньше.

Может быть, кому-нибудь это покажется странным, но я даже скажу так: многие книги начинались тогда, когда их будущие авторы ещё и не помышляли о том, что станут писателями. Потому что в настоящей книге всегда есть ответ той жизни, которую прожил её автор. И те события, которым он был свидетелем, и те люди, с которыми он дружил или враждовал, и те чувства, радостные или печальные, которые испытывал, — всё так или иначе ложится на страницы книг.

Книги Владимира Арро начинали складываться ещё тогда, когда мальчишкой во время войны он жил в эвакуации в заснеженном уральском городке, и тогда, когда значительно позже он сам уже учителем входил в класс.

Слово «талант» мы чаще всего произносим, когда речь идёт об артистах или художниках, композиторах или писателях. Но, конечно же, слово

это применимо к любой профессии. Можно быть талантливым врачом или талантливым токарем, талантливым инженером или талантливым учителем. И я уверен: когда Владимир Константинович Арро работал в школе, он был талантливым учителем. Ведь что такое, на мой взгляд, быть талантливым учителем? Это значит быть таким человеком, который умеет понимать ребят и которого понимают ребята. Это значит быть таким человеком, с которым ребятам интересно. Вот и выходит, что между талантливым писателем и талантливым учителем немало общего.

Оттого-то на страницах книг Владимира Арро бурлит настоящая, а не придуманная ребячья жизнь, с её настоящими горестями и радостями.

Вот сейчас вы откроете первую страницу этой книжки и прочтёте:

«Наш берег правый. Их берег левый. Нам их видать, всё, что они делают, кильки паршивые! Это мы их кильками зовём. Они-то себя называют кильковские — деревня, значит, у них Кильково. А мы — равенские, наша деревня Равенка. Нас никак не обзовёшь. Они уж пытались: и равены, и равки. К нам не прилипает. Равенские мы. А они кильки, кильки!»

Эй, кильки, килечки! На копейку сто башок!»

Не знаю, как вам, а мне, когда я читаю эти строки, сразу хочется улыбаться. И сразу становится любопытно: что же там дальше произойдёт между этими «кильками» и мальчишками из деревни Равенки.

Казалось бы, о самых обычных, повседневных событиях идёт речь в повестях Владимира Арро, но, рассказывая об этих событиях, то забавных, то грустных, писатель незаметно заставляет нас задумываться о вещах важных и серьёзных.

Владимир Арро написал немало книг. Это разные книги. О ребятах в школе, о путешествиях по нашей стране, о знаменитых заводах и фабриках. А в последние годы он стал писать пьесы. Эти пьесы уже идут на сценах театров.

Но что бы ни писал Владимир Арро, любую работу он делает от **всей** души, с увлечением. И это увлечение, как мне кажется, передаётся нам, его читателям.

Борис Никольский

ВОТ МОЯ ДЕРЕВНЯ

ПОВЕСТЬ

НАШ БЕРЕГ ПРАВЫЙ

Наш берег правый. Их берег левый. Нам их видать, всё, что они делают, кильки паршивые! Это мы их кильками зовём. Они-то себя называют кильковские — деревня, значит, у них Кильково. А мы — равенские, наша деревня Равенка. Нас никак не обзовёшь. Они уж пытались: и равены, и равки. К нам не прилипает. Равенские мы. А они кильки, кильки!

Эй, кильки, килечки! На копейку сто башок!

Деревня у нас хорошая, на горке стоит. Ветерок дунет — ни слепней нет, ни комаров.

По берегу крутому вязы растут, это деревья такие, у них кора будто вязаная, а на этих вязах гнездится всякая птенчура.

Слышали, как скворец в мае поёт? Выделяет всякие колена, даже трясётся от радости, а потом помолчит и будто струночку оборвёт, слышали?.. «Д-день!» Помолчит и ещё разок: «Д-день!» Ну, ясно, это он про день говорит. Я скворцов очень уважаю. Если кто скворчиное гнездо разорит, пусть лучше на глаза мне не попадается. Я и ласточек не позволю обижать, и стрижей. Но вот что ты скажешь, не люблю воробья! Может, это и неправильно, но я воробья не люблю.

Вора-бей — слышали как? Это значит: бей вора. Вот что это значит. И не зря. Если стая прилетит в огород, все семена с грядок склюёт, все ростки повывёргивает, а разве ж так можно? Ведь мы же трудились, и брат Паша приезжал из города помогать.

У нас огород большой, ухоженный. Вот погодите, у меня скоро подсолнухи такие вырастут, что под каждой шляпой

хоть от дождя хоронись. А луку будет, а моркови, а огурцов, а всячины всякой!..

С нашего огорода за реку красиво глядеть. Сначала идут луга заливные, это пойма, там щавель растёт. В момент можно набрать полную рубаху. Дальше там вика с овсом, тут же гороховое поле, а к лесу ближе будто море синее колыхается — это люпин. Лес есть ближний, роща по-нашему, а есть и дальний. За дальним лесом солнце встаёт.

Вот только Кильково всё время в глазу маячит, тьфу, хоть бы и не глядел! Мне Кильково потому поперёк кишок встало, что там не ребята, а одни кильки родятся, зануды и лишаи.

У нас ребята совсем иные, кого хочешь возьми. Нет у нас, среди равенских, худых ребят, все очень замечательные люди. Вот хотя бы Коля Семихин, ведь он под водой кого хочешь пересидит, уж он нырнёт — так нырнёт. И Федяра у нас ничего себе парень, правда, шкода. А лучше Саньки с Ванькой ни в одной деревне не найти. Санька с Ванькой очень хорошие полузащитники. Они у нас близнецы. Сначала Санька родился, а там и Ванька появился.

У КОЛИ СЕМИХИНА ЕСТЬ МАЛЕНЬКИЙ БРАТЕЦ

У Коли Семихина есть маленький братец — Вовка. Коле надо его всюду с собой таскать. Он Вовке вместо няньки, пока мама с отцом на работе, — а с таким грузилом разве далеко уйдёшь? Прямо никудышное положение образовалось. Ни в футбол сыграть с кильковскими, ни в лес сходить, ни рыбу позагонять.

Истошала наша равенская команда. Толик Малышин со всей семьёй по осени в город подался. Замечательный был нападающий. Орловы теперь живут в Кильково, отец их там построился. А Сизиковы возле магазина дом купили, им теперь способнее за кильковскую команду играть.

Слабый стал наличный состав. Приросту никакого. Да нынче и ребята больно долго растут. Я вон как быстро вырос: одно лето, другое, а я уже в четвёртый класс перешёл. А Вовке как раньше под носом утирали, так и теперь надо утирать. Вот что ты будешь с ним делать, а ведь бросать маленького

нехорошо, что-то придумывать надо. Я и говорю Коле Семихину:

— Вот что, Коля, с таким грузилом далеко не уйдёшь, а бросать нехорошо, что-то придумывать надо. Давай, Коля, носилки сплетём.

— Это какие такие носилки? — Коля спрашивает. — Это которые с ручками? Как у Любы в амбулатории?

Я говорю:

— С ручками и с ножками. На ножки ставить, за ручки носить. Ты спереди, я сзади, а то с Федярой попеременно.

— Это ты правильно придумал, — говорит Коля. — Давай. Взяли мы два шеста, поперёк натянули верёвок, положили телогрейку, чтобы Вовке помягче сидеть. Хорошие носилки получились. Мы сначала друг друга для пробы поносили, Федяре — впору, Саньке с Ванькой — впору, а уж мы с Колей для таких носилок больно тяжелы, чуть не сломали.

Погрузили мы Вовку, он доволен, руками размахивает. Вот как хорошо!

— Вы саткать меня будете? — это Вовка спрашивает. А Коля его правильно говорить приучает:

— Не саткать, а таскать. Скажи: тас-кать!

Но Вовке некоторые слова нипочём не сказать. Маленький ещё. Ничего, в школе обучат. Там как Мария Яковлевна влепит кол, сразу начнёшь правильно говорить.

Погрузили мы, значит, Вовку и понесли.

В КИЛЬКОВЕ И СЕЛЬСОВЕТ

В Килькове и сельсовет, и магазин, и клуб, и автобусная остановка.

Как же это получается, в одной деревне всё, а в другой только амбулатория? И в школу нам с Колей Семихиным придётся в Кильково ходить. Свою-то мы через год закончим.

Я ныне похвальную грамоту за успехи в учёбе получил. Я способный к учёбе. Отец говорит: «Раз ты, Антошка, способный к учёбе, то будем тебя учить. Учись, сынок. Паша вот неспособный к учёбе, так мы его маленько недоучили, а тебя — стало быть, меня — будем учить».

Коля до похвальной грамоты не дотянул, у него почерк какой-то корявый, и он не понимает, что такое икс. Но благодарность ему всё-таки вынесли.

Уж как мы будем ходить в Кильково, не знаю. Там не то что грамоты, а и спасибо не получишь.

ВОТ ПРИШЛИ МЫ К МОСТУ

Вот пришли мы к мосту, а мост у нас на две половины поделен: одна половина кильковская, другая наша, равенская. Там даже зарубка на бревне имеется, а как же иначе, — без зарубки, того и гляди, будет раздор.

Стоит Шурка Шаров на своей половине, рыбу ловит, а Тришка на нашу уже перешёл.

Взошли мы на мост, я и говорю:

— Поди с нашей-то половины!

Тришка подчинился, ушёл с нашей половины, видно, не захотел обостренья, да и так уж у нас с ними остро, дальше некуда. Ушёл Тришка, а мы свои удочки закинули с нашей половины, вот это порядок.

Вдруг смотрю — с той-то стороны целая ватага кильков-

ских идёт. А во главе Сенька Морозов, он в пяте классы третий год ходит, до того ему надоело, что он папиросы курить хочет и на танцах с большими парнями рядом сидит.

Идёт Сенька, а в руках у него намётка. Сеньке что наша половина, что своя — всё одинаково, он прёт напролом.

— Хыть! — говорит. — Амба итальяна!

Плюхнул он намётку возле наших поплавков, еле я успел удочку вытащить, а Коля-то Семихин не успел. Зацепился он крючком за намётку.

Коля говорит:

— Кончай, ты-ы, кончай...

— Амба американа! — говорит Сенька Морозов и как рванёт у Коли удочку. — Моя твоя не понимай. Катись отсюда. Хыть!..

Вот что ты ему на это скажешь, ведь он таблицы умножения не знает, а за иностранца уже вторую неделю себя выдаёт.

А кильковские все: «Ха-ха-ха!» Вот дохлые кильки!

Я говорю:

— Сенька, ведь и на тебя иностранец найдётся.

— Ай, нехорошо. Твоя — равка, его — килька, моя — американа. Секим башка будем делать. — Это Сенька Морозов-то говорит. Совсем как полоумный.

А кильковские пуше прежнего: «Ха-ха-ха!»

Сенька носилки наши с моста поднял.

— Это что есть? — спрашивает. — Это есть намётка, хороший намётка. Будем шука ловить.

— Не тронь, — говорю, — не тронь носилок, не тобою сделаны!

Но где уж!.. Пошёл Сенька куролесить. То на голову их кому-нибудь наденет, то в воду макнёт. А то вдруг сел. «Несите меня, — говорит, — как персидского царя». Подняли его кильковские, понесли по мосту, а Сенька направо-налево фуражку снимает, раскланивается, представляется полудурком; полудурок и есть. Вдруг один шесток под ним — хрясь! Не выдержал шесток, я ещё раньше знал, что он сучковатый. Сенька ногами в верёвках запутался, лежит на мосту, барахтается. Тут я не вытерпел, схватил мокрую его намётку да сверху Сеньку и накрыл. Все кильковские хохочут, животики надрывают, а нам не до смеху. Подхватили мы Вовку и давай чесать к себе в Равенку.

МИТЯ У НАС УЕХАЛ

Митя у нас уехал, вот что нехорошо. Без Мити мы будто бы обедняли. Он куда хочешь с нами ходил, хоть ему восемнадцать. Его в армию не взяли по причине плоскостопия, это такая болезнь.

А уж как Митя на баяне играл! Как заиграет он на баяне, так вся деревня на берег собирается. А на тот берег, бывает, кильковские сойдутся, заказы дают Мите. Мужики кричат: «Давай военную!» А бабы: «Песню!» А Митя что-то своё, непонятное играет. Вот и сидят кильковские, на наших, равенских, глядят.

А сейчас Митя уехал. «Хочу, — говорит, — постичь я настоящую музыкальную гармонию, да и репертуар у меня бедноватый; ведь я самоучка, нотной грамоты не понимаю, вот потому я и собрался в районный центр. Да и жизнь надо понять, ребята, для общего развития

мысли, как она там прорастает, вот что главное. Прощайте, — говорит, — как поумнею, так вернусь».

С Митей у нас авторитету больше было. А теперь что? Коля по рукам по ногам Вовкой связан, какая в нём сила? Федяра ростом мал, и если уж может чем взять, так это только шкойдой, а я этого не уважаю. Санька с Ванькой и вовсе ещё мелкота.

ВОТ СИДИТ НА ЗАВАЛИНКЕ ГОШКА КУВАРИН

Вот сидит на завалинке Гошка Куварин, на кур смотрит и травину жуёт. В руках у него длинный прут, наподобие удилища.

Я спрашиваю:

— Куварин, а Куварин, чего сидишь?

— Возле своо двора сижу, — он отвечает, — не возле твоео. Вот потому и сижу.

Я говорю:

— Давай с нами ходить, Куварин, всё-таки у нас силы больше будет, хватит тебе кур пасти.

— А я. — говорит, — кур и не пасу.

— А на кой же прут в руке держишь?

— Это удочка у меня, а не прут.

Присмотрелся я, и правда, в руках у него удочка. И леска, и поплавок, как полагается, и червяк на леске привязан. Взял Куварин несколько червяков из баночки и бросил курам. Петухи загоготали, крыльями захлопали, куры бросились друг у друга червей отнимать. А Куварин тем временем удочку свою в самую их сумятицу закинул и сидит, травину жуёт.

Я спрашиваю:

— Куварин, ты это зачем делаешь?

— Мне рябую поймать надо, — отвечает Куварин. — Она, подлая, яйца клюёт.

— Ну, а потом-то пойдёшь с нами? — я спрашиваю.

— Нет, — отвечает, — не пойду и потом.

Вот какой у нас Куварин.

В НАШЕЙ ДЕРЕВНЕ НИ КЛУБА, НИ МАГАЗИНА

В нашей деревне ни клуба, ни магазина, ни сельсовета, а только амбулатория. Мы в амбулаторию каждый день ходим, но это ведь не кино. Там Люба работает, журналы читает, инструменты надраивает, чтобы блестели, а мы ей мешаем. Но нам ведь тоже надо куда-нибудь ходить.

Вот пришли мы утром в амбулаторию, а Люба сидит за столом и пишет. Коля Семихин говорит:

— Люба, дай витамин!

— Сейчас, только закончу, — отвечает Люба. Она нам каждое утро витамины даёт.

Витамины — это такие жёлтые шарики. Они сначала сладкие-сладкие, потом никакие, потом кислые-кислые, потом снова сладкие.

Мы стоим посреди амбулатории и плакаты рассматриваем, а на плакатах нарисованы всевозможные бактерии. Их простым глазом никогда не различишь.

Федяра говорит:

— Во какие личинки! На них небось рыба хорошо берёт! Это он на бактерии подумал, что они личинки.

Я говорю:

— Федяра, это же бактерии! Правда, Люба? На них нужно смотреть в микроскоп.

— А где они живут? — спрашивает Федяра. Сразу видно, что он только два года учился.

Я говорю:

— В земле небось. Правда, Люба?

Люба голову подняла и говорит:

— Везде! Например, много видов бактерий находится на коже человека.

— На коже? — удивился Федяра и посмотрел себе на руки. — А где?..

Я тогда засмеялся.

— Ты, Федяра, всё простым глазом хочешь различить, а их и не видно простым глазом, верно, Люба?

— Конечно, — говорит Люба. — Хотя их тут миллион.

— Миллион?.. — вскричал Федяра и давай руку об руку колотить, бактерии стряхивать.

И Санька с Ванькой стали руками обмахиваться. Люба хохочет. И мы с Колей хохочем, потому что нам-то ведь медицина понятна, мы уже в четвёртый класс перешли.

Я говорю:

— Да они же безвредные!

Правда, Люба, безвредные?.. спросил Федяра.

— Безвредные, — отвечает Люба. — Только вы на всякий случай пальцы не суйте в рот.

Пока мы сосали витамины, Люба обмакнула щечку в пузырёк с йодом и мне вчерашнюю ссадину помазала. А Ваньке — локоть какой-то мазью. А Федяре — ухо ядовитой синькой. Всех незаметно разукрасила.

Коля говорит:

— Люба, покажи шприц!

— Нет, — отвечает Люба, — и так много времени я с вами потеряла! А ведь кильковские ребята сейчас на осмотр придут.

— Это как же кильковские? — спросил я.

— А вот так, — отвечает Люба. — Очень просто.

— А мы когда же?

— Вы в последнюю очередь. Сначала кильковских осмотрю, а вы у меня всегда под рукой.

Вижу, мне Коля Семихин подмигивает и на дверь кивает.

— Ладно, — говорю, — мы пошли.

ОТ ДЕРЕВНИ НАШЕЙ РАВЕНКИ

От деревни нашей Равенки идёт склоном тропинка. Она в кукурузное поле уходит и выныривает прямо на боевую дорогу. Это главная дорога называется боевой.

Когда кильковские вошли в кукурузу, мы бросились на них с пиками и стали их гнать. Их было человек семь или восемь, они, конечно, нападения нашего не ожидали и поэтому разбежались кто куда.

Вот попрятались они все в кукурузе, никого не видно и не слышно, а мы-то, знаем, что они где-то здесь сидят.

— Эй, — говорю, — кильковские, где вы тут, вылезайте!

А они молчат. Я говорю:

— Эй, не слышите, что ль?..

Вдруг Тришкин голос спросил:

— А вы гнать нас будете?

— А неуж не будем!

— Что ж вы, не понимаете, а?.. — закричал Шурка Шаров. — Ведь нам на медицинский осмотр надо! Нам Люба велела!

— Мало ли велела! — кричу. — Может, мы сами ещё не осматривались!

— А мы почём знаем!

— Ну и давайте отсюда!

Ваша, что ли, амбулатория? — крикнул Тришка.

— Наша! — крикнул я. — Наша амбулатория! И Люба у нас живёт!

— А вот если мы вас в кино не будем пускать, тогда как?

— Вы-то?

— Мы-то!

— Ха-ха! Испугали! У вас и власти такой нет. Нас кино-механик Слава каждый раз дожидается. Без равенских началось хоть одно кино?

Тришка с Шуркой даже из кукурузы вылезли.

— Думаете, что это из-за вас, да? — Шурка даже засмеялся. — Дураки, и не из-за вас это. Славка Любу каждый раз ждёт.

— Ну вот! — крикнул я. — Не всё ли равно! Люба тоже равенская.

— А может, она скоро кильковской будет?

— Вот сказал! Это почему?

— Почему, почему... — сказал Шурка. — Не понимают они.

— Люба замуж за Славку собирается! — крикнул Тришка. — Что, не видели, как он её после кино провожает? А как на лавочке они сидят, не видели?..

Уж этого я не выдержал. Я поднял пику и закричал:

— Бей килек!.. Вперёд!

И все наши ребята закричали:

— Бе-ей!..

Мы бросились на кильковских, и они побежали. Мы гнали их до самой дороги. Они потом ещё много раз останавливались и что-то нам кричали. И мы им кричали, и грозились им, и обзывали по-всякому, пока они не взошли на мост.

КАК ЖЕ ТАК, ЛЮБА ЗАМУЖ СОБИРАЕТСЯ

Как же так, Люба замуж собирается! А она ведь с Митей ходила. Митя, когда на учёбу в район уезжал, она его провожала до самого поворота, и глаза у неё были заплаканные, и письма он ей пишет, а теперь, значит, Митю побоку, не может этого быть!

Мы подошли к амбулатории и увидели в окне Любу. Она сказала:

— Что это вы под окнами топчетесь, шли бы на реку или в лес. Да рубашки свои снимайте, вон как солнце печёт.

Я сказал:

— Ничего, мы уж здесь посидим, в рубашках...

И сели на завалинку. А возле меня Коля Семихин. А с другой стороны Федяра. А возле Федяры Санька с Ванькой. Весь наш наличный состав.

А сверху Люба на подоконник облокотилась.

— Что это, — говорит, — вы такие квёлые?

Я сказал:

— Мы-то ничего...

— Может, щавеля объелись? Животы, может, болят?

Я сказал:

— Животы-то у нас не болят, и щавеля мы ещё сегодня не ели, а вот тебе, Люба, нехорошо нас обманывать.

Люба круглые глаза сделала и за косынку схватилась.

— Хотя бы и Тришка с Шуркой?
— Ха-ха-ха! — засмеялся я. — Тришка твой первый от нас подрапал! А Шурка твой и вовсе трус!
— А ты что на меня орёшь? — вдруг спросила Люба.
— Я и не ору. А ты зачем, — говорю, — замуж тишком от Мити выходишь?
— Опять за своё? Так вот тебе, вот!
Люба схватила ведро и окатила меня водой.
— Ну, хорошо, гляди же! — крикнул я. — Тебе это так не пройдёт!
— Ещё и грозитя, бесстыдник, — сказала Люба. Она показала нам язык и ушла в комнату.
Федяра сказал:
— А вот я сейчас ей муравьёв подпущу!
И вынул из кармана коробочку. У Федяры всегда с собой какая-нибудь пакость. Он приоткрыл коробочку и бросил её в окно.

ЗА НАШЕЙ ДЕРЕВНЕЙ РАВЕНКОЙ

За нашей деревней Равенкой, если идти по реке вниз по течению, есть Юрский овраг. Он весь зарос ельшаником и малиной. Туда дядя Лёша, Саньки с Ванькой отец, стадо наше равенское гонят. А на другом берегу кильковский пастух пасёт.

Кильковский пастух по утрам кнутом щёлкает. Вот хозяйки и выгоняют скотину. А наш пастух, дядя Лёша, на заре играет в рожок. Встанет посреди деревни и заиграет сгонную:

«На заре да на зорьки-и-и и эх да па-а-а сыро-о-ой тра-а эх да тра-а-авушки-и!..»

Я, бывает, от этой его игры просыпаюсь. Тихо, светло в деревне, только рожок заливадается да птицы в вязах шебуршат.

Гонят пастухи скотину — один по левому, другой по правому берегу. Покрикивают, посвистывают, будто незнакомы, друг на друга не глядят.

Потом дядя Лёша на солнышко взглянет, сумку поправит и крикнет:

— Максим Данилыч!

А с того берега:

— Эй!

— Покурим, что ли?

— Покурим, Лексей, покурим. Ты чего нынче куришь? Всё сигареты? А я сигареты не могу, я всё больше «Прибой».

Сядут два пастуха друг против друга и беседуют. Максим Данилыч старый уже, как закурит, так и кашляет.

— Чего это, — говорит, — кхы-кхы, Лёха, всё дождя нет? Трава горит начисто, не будет нынче покосу...

А с нашего берега дядя Лексей отвечает:

— Будет скоро дождь, вон радио передаёт.

— А откуда ему знать, твоему радиву? Что они там, в радиве, сидят, так им видать разве, какая тучка идёт к нам в Кильково? Или, допустим, в Брехово? Радиво ведь не бог.

— А бог чего знает?

— Да бог-то знал, да тоже нынче всё перезабыл. А я вот думаю, Лёха, нет в нашей земле в настоящее время притяжения, вот нет и дождя. А было бы притяжение, так дождик бы — кхы-кхы! — он бы и был.

Долгий у них идёт разговор, с одного на другое перелетает, я с пастухами сколько раз сидел.

В обед дядя Лёша пригоняет стадо ближе к деревне, на стоянку. И сигнал подаёт Саньке с Ванькой, напористый такой, звонкий.

«Ки-ри-ла! Ки-ри-ла!»

идите, мол, мне на подмену, победать надо да по хозяйству кое-что справиться. «Ки-ри-ла!»

Мы все ему на подмену идём.

А кильковский пастух на обед не ходит.

Мы говорим:

— Дедка, ты почему на обед не ходишь?

А он отвечает:

— Аппетиту у мене, дети, нет.

Старый Максим Данилыч, морёный, уж, наверно, последний год пасёт.

Лежат коровы полусонные, отдыхают, ждут своих хозяек. А бычок один — Фомушка — никогда не ляжет, всё бы ему резвиться, овец пугать. Мы когда приходим, он к нам бежит вприпрыжку, чуть с ног не сбивает.

У Саньки для него хлеб припасён, он его кормит и приговаривает:

— Фома ты, Фома, нет в тебе ума...

Санька лучше всех знает, как со стадом управляться, у него ни одна корова со стоянки не уйдёт.

Мы с Фомушкой играем, играем до усталости, а потом Санька скажет:

— Да полно, Фома, бегать-то. Ты поешь, поешь.

Хорошо на стоянке, вот слепни только надоедают.

Мы кричим через реку:

— Дедка, отчего же столько слепней?

— Слепней? Слепень тоже скотина нужная, — отвечает Максим Данилыч. — Что слепень, что комар — имеют значение. Они воздух в полёте своём рассекают, а не станут летать, то воздуху застоюному быть.

Может, это и так, а зачем же кусаться? Пока сидим на стоянке, я их, окаянных, штук двадцать поймаю. Со слепнём вот что надо делать: поплевать на него и в пыль опустить. А после подбросить.

Такой слепень за реку почему-то летит.

ЗАИГРАЛ ДЯДЯ ЛЕКСЕЙ

Заиграл дядя Лексей, мы и побежали.

Прибегаем на стоянку, а на кильковском берегу хозяйки с подоюниками собрались. Сколько коров, столько и хозяек. Чего это они всем скопом, никогда прежде такого не бывало.

Шурки Шарова мать говорит:

— Ещё и нынче допасёт ли до холодов. Допасёшь ли, Максим Данилыч?

— До холодов, може, и допасу, — отвечает кильковский пастух, — а на другой год, кхы-кхы, мене уже не хватит, у мене ведь, бабы, рвадикулит.

— Так, так! — говорит мать Шурки Шарова. — Кончается наш Максим Данилыч. Слышь, Лексей, к чему клоним, ты уж приходи на другой год наше стадо пасти.

Кильковские хозяйки зашумели.

— Приходи, Лексей, не обидим!..

— У нас стадо хорошее, большое, не то что равенское, столько да ещё полстолька будешь получать!

Максим Данилыч, растерянный, стоит среди них, будто его заживо хоронят.

— А чего, — говорит, — Лёха, и впрямь, иди...

Подумать надо, — говорит дядя Лёша.

— А уж как заиграешь ты на дуде, — сладким голосом говорит мать Шурки Шарова, — уж как заиграешь...

Хозяйки засмеялись:

— Приходи, Лексей Иваныч, будем тебя любить!

Тут я как закричу:

— Вы что же это, пастуха у нас переманивать, а? Не известно вам? Дядя Лёша наш, равенский! К вам он не переметнётся! Ты, дядя Лёша, их не слушай, у нас паси!

— Это кто же там такой бойкий? — засмеялись кильковские хозяйки.

— Антошка, Палагеи внучок.

— Не видать вам нашего пастуха! — кричу. — Вот кликну сейчас мужиков, они вам покажут!..

— А у вас мужиков-то раз, два и обчёлся! — Это мать Шурки Шарова кричит. — А ты ещё не дорос, чтобы нам указывать! Ишь он, худой элемент!

А тут и наши равенские хозяйки подоспели. Что тут у них началось!

Дядя Лёша покачал головой, усмехнулся и пошёл к деревне.

Любу сманивают, теперь дядю Лёшу сманивают, куда ж это годится? Эдак всю деревню по пёрышку растаскают!

Мы и с Фомушкой в этот день не играли. Я всё слепней ловил и от досады за реку, в Кильково, их насылал.

ЭХ, РАБОТАТЬ НАДО ПО ХОЗЯЙСТВУ

Эх, работать надо по хозяйству, гляди-ка, сорняки как на огороде бойко растут! Когда мы с мамой пололи — в субботу, а они снова отросли, что за такая порода вредная!

— Не липни, не липни, да отвяжись ты, — это я липучке-гадючке, — отстань ты от меня, кому говорю! А ты, бурьян-барабан, давай не колись, всё равно не поможет. Ну, не проси, травка-муравка, ты мягкая, безобидная, но не на месте ты выросла, не проси. Ну что, болван-одуван, выглядываешь, думаешь, тебя не видно? Вылезай, вылезай давай, ишь какой хвостике отрастил, а ты не путайся, лук, не путайся в это дело, стой и молчи. Ах ты беда-беда, сколько раз говорит тебе, не толпись, не старайся, всё равно вырву, поди вон, ишь, расклюнявилась! А это кто ещё тут? Чистотел, вот чего захотел, ну-ка лучше полечи мне цыпки. Посиди, посиди пока, крапива, доберусь до тебя, сейчас только вьюнков вытяну. Ах вы, вьюнки-долгунки, вредные какие, распутывай вас тут, а ты, лук, помалкивай, тебя не трогают, сиди и молчи. Ну что, крапивка-паршивка, давай сразимся, думаешь, боюсь? Да я тебя, знаешь как, я тебя голыми руками, за корешок, уж больно ты много о себе понимаешь. А ты, мак-чудак, зачем здесь вырос, кто тебя просил? Ну, сиди уж, ладно, места хватит, только смотри, чтобы коробочка была — во!

Я когда сорняки на огороде рву, всегда с ними разговариваю, как будто они живые, они, конечно, живые, но ведь не слышат ничего, с ними что говори, что ни говори. Но я говорю.

ВЕЧЕРОМ МЫ ЕЩЁ ОДНУ ШУТКУ ПРИДУМАЛИ

Вечером мы ещё одну шутку придумали. Вот нырнул Коля Семихин с нашего берега, а вынырнул почти у кильковского. И была у Коли верёвка в руках.

Привязал он верёвку к лодке Шурки Шарова, а тут как раз по кильковскому прогону Шурка, бригадирский сынок, идёт. А с ним Тришка, у него руки все в бородавках. А с ними Надька, Шуркина сестра. А с нею Ленка-дачница, я таких зануд ещё не видел.

Пришли они к берегу, удочку разматывают, в нашу сторону даже не смотрят, будто нас на реке и нет. А мы-то ведь здесь: Санька с Ванькой рыбу ловят, Федяра пиявок дразнит, а у Коли верёвка в руках. Даже Куварин здесь, сидит, улиток из раковин выковыривает.

Надька вошла в лодку, а за нею и Ленка, дура душой, хочется ей на нас посмотреть, а она не глядит.

Шурка стоит на берегу, в лодку не входит. «Ну что же ты, — думаю, — Шура, входи, входи!»

— Вы, мальчики, с берега пока половите, — говорит Надька, — а мы в заводь сплаваем.

Кувшиник, значит, заботели парвить.

Наконец и Шурка голос подал:

— Шу что, равки, клюёт?

— Пока нет, — отвечаю, — но, может, ещё и клюнет.

— Да они никак на верёвку ловят!.. — крикнул Тришка. — Равки-то совсем помешались, на верёвку шуку хотят поймать!

— Шуку не шуку, — говорю, — а какая-нибудь килька, может, и клюнет.

Коля от смеха давится. Лодка-то ведь их привязана, а конец верёвки у Коли в руках!

Надька вывела лодку в тростники. Коля знай себе верёвку отпускает. Это я такую большую верёвку принёс.

Ленка с Надькой уселись вместе на корме и вдруг как затаянут:

Как в одном небольшом городке-е
Колумбина с семьёю жила-а...

Это ж надо такую молитву выдумать! Неужто в Килькове других песен нет?

Мы иначе поём. Коля Семихин у нас очень хорошо песни запекает. Я его подтолкнул: давай, мол, Коля. И мы как заорём:

Каменный век — эгей!
Пещера среди гор!
И человек — эгей!
Несёт в руке топор!

«Эгей» — это припев такой, он у Федяры лучше всех получается. Прямо непонятно, такой маленький, а голосина у него истошный, даже в ушах звенит. Этой песне нас брат Паша научил, когда в отпуск весной приезжал. Весёлая песня! Когда её поёшь, нужно руками и ногами всякие кренделя выделывать.

Э-э-ей, мама Ева!
Э-э-ей, папа Адам!
Э-э-ей, маму съели!
Э-э-ей, папу не дам!

Шурка с Тришкой на нас уставились и хохочут, а Надька с Ленкой, что ты скажешь, ноль внимания, знай свою молитву тянут, распевают про Колумбину. Слушать тошно!

Шурка кричит:

— Эй вы, рыбаки в кавычках, давайте ещё!

Я говорю:

— Сами-то вы в скобках!..

Шурка подумал и говорит:

— А вы с вопросительным знаком!..

— А вы кильки! — кричу. — Эй, кильки, килечки! Вас самих надо ловить и в банке мариновать!

Потянули мы верёвку, лодка сначала пошла тяжело, девчонки ничего даже и не заметили. Но потом лодка стала всё быстрее от тростников отдаляться, Надька тут и крикнула:

— Ой, а куда ж это мы плывём?..

— Ага-а! — закричали мы. — Попались!..

И давай изо всех сил тянуть верёвку.

А Надька в лодке вскочила и орёт:

— Отпустите!.. Слышите, отпустите!

— Вы чего там? — кричит Шурка.

— Клюёт рыбка, клюёт!

— Дураки!.. Отпустите сейчас же, чего мы вам сделали?..

Шурка вопит на берегу:

— Надька, развязывай верёвку, чего орёшь!

— Кильки, какие крупные кильки! — кричим мы. — Тянем-потянем! Тянем-потянем!.. Эге-е!.. Ого-го-о!..

Лодка уже совсем к нашему берегу приблизилась. И тут Надька с Ленкой сели тихонько на корме и стали реветь.

А я, честно скажу, не могу терпеть, когда ревут девчонки. Крикнул я нашим ребятам:

— Погодите тянуть!.. Да ну их!..

Вынул я перочинный нож, зажал его зубами и к лодке поплыл. Девчонки как увидели в зубах у меня нож, так и замерли. Надька-то реветь совсем перестала, а Ленка как завизжит:

— Ай, ай, ай! Режу-ут!..

Ну, думаю, пока доплыву до лодки, ты криком всю деревню соберёшь. Пропадай моя верёвка! И разрезал её чуть ли не посередине.

Девчонки увидели это, успокоились, Надька стала к берегу грести, а Ленка кричит:

— Вот равки, думают, мы их испугались! Я нарочно визжала!

Надька говорит:

— Пусть бы только вытянули, я бы этому Антошке-картошке все глаза выцарапала.

И запели как ни в чём не бывало, только громче прежнего:

Знать, судьба их такая была-а...

Так погибли они, оба друга-а.

Ну не зануды ли? Верёвка-то теперь пропала. И рубаху свою я только зря измочил.

У МЕНЯ БАБУШКА В КИЛЬКОВЕ ЖИВЁТ

У меня бабушка в Килькове живёт. Бабушка у меня не то чтобы очень старая, но и не молодая. Она уже пять лет на пенсии. Приду я к ней, она и говорит:

— Ну, Антон Иванович, давай чай пить.

А я и не возражаю. Самовар у бабушки к моему приходу всегда готовый, она каждое воскресенье меня ждёт.

Я сажусь на лавку под самым окошком.

— Давай, — говорит, — Антон Иванович, чай пить...

Бабушка любит всё по многу раз повторять.

— Давай, сударик ты мой, чай пить, — в третий раз говорит бабушка.

А когда уж вынет она яйца из самовара и нальёт нам по чашке чая, когда я уж полкуска булки с вареньем съем, бабушка вздохнёт и всё равно скажет:

— Давай, Антон Иванович, чай пить...

Ну и что? У людей и похуже привычки бывают. Вон Федяра — он ногти грызёт. А бабушке, может, весь день не с кем поразговаривать. Бабушка ведь одна.

Я у неё спрашиваю:

— Тебя тут не обижают, бабушка?

— А кому, — говорит, — меня обижать?..

— Как же! Щурка с Тришкой, часом, не балуют? Фонариком в глаза ночью не светят? Под окнами псами не лают?

— Да по-олно тебе, чего им лаять, — отвечает бабушка, — чай, они люди, а не полканы...

А я говорю:

— Будто ты не знаешь, какие они злыдни, ваши кильковские, и-эх! А ты мне скажи, чуть обидят, я им вмиг хвосты позакручиваю!

— Да будет тебе, Антон Иванович, больно ты грозен, — отвечает бабушка. — Не тронь их, помилуй, они ребята нехудые, редко когда примутся баловать.

— То-то, — говорю, — ты не бойся. Чуть чего, ты на речку выйди и меня покличь.

— Чего мне бояться, — говорит бабушка. — За таким заступником мне бояться нечего.

У бабушки с огорода калитка к реке есть. Она её тряпкой завязывала, а я проволоку нацепил. Вообще я ей много полезных вещей сделал, например, вертушку на огород — кротов распугивать, потом лесенку, чтобы ей на печь лазить, починил. Можно бы и дальше перечислять, но тогда выйдет, что я хвастаюсь.

— За таким заступником, — говорит бабушка, — мне жить да жить.

ВОТ ПОШЕЛ Я К БАБУШКЕ В ВОСКРЕСЕНЬЕ

Вот пошёл я к бабушке в воскресенье. В Кильково-то я не стал входить, а поймой, камышами пробрался, да только в камышах будто тоже кильковские сидят, за мной наблюдают. Я по камышам из автомата — хлобысь! Они врассыпную! Ага-а, побежали!.. Я ползком ползу, ужом извиваюсь, а тут мне засада — трое сидят за кустом. Что ты будешь делать! Я — бегом! Отхожу, отстреливаюсь. Вбежал в бабушкин огород, а за мной погоня. Крикнул я: «Равенские не сдаются!» — и к бабушке на двор. А на дворе-то меня уже четверо поджидают и — врукопашную, бей не жалея. Летят все вверх тормашками, только вёдра громыхают! Я — в избу!

Бабушка спрашивает:

— Ты чего таким супостатом пришёл?

— Насилу, — отвечаю, — отбился.

— От кого? — спрашивает бабушка.

— От ваших, кильковских.

— Да их же никого нет в деревне, Антон Иванович.

— Как нет? А где же они?..

— А вот нынче тут мимо меня проходили. Слыхала, на полные сутки в лес ушли...

— Это как же... В поход, значит?..

— А я этих дел, сударик, не понимаю, — говорит бабушка. — Может, и в поход. Котелок, видела, картошку варить, несли. Ещё кое-какую амуницию... Да ты взмокший весь, сядь отдохни. Поешь вареньица.

Варенья-то с лепёшками я поел, а чай пить отказался, какой уж тут чай. Я спросил:

— А в какой же лес они ушли, бабушка?

— Кто их ведаёт, не могу я тебе сказать.

«Ну, — думаю, — ладно, отыщем мы вас, килечки, отыщем. Видно, недалеко вы ушли».

ПРИБЕЖАЛ Я В РАВЕНКУ

Прибежал я в Равенку, а ребята по деревне скачут, конников изображают: «Эх! эх!»

Я кричу:

— Игры играете, а кильковских-то проворонили! Кильковские-то в поход ушли! А ну, кто со мной в погоню?

Все закричали:

— Мы! Мы!

И запрыгали от нетерпения, плётками замахали, вот молодцы-кавалеристы!

Выехали мы на дорогу. Скачем рысью, пыль столбом! Федяра всё норовит меня обогнать.

Крикнул я на него:

— Куда вперёд командира! А ну назад!

Санька с Ванькой скоро притомились. А тут как раз и горох. По правой руке поле зеленеет. Спешились мы, коней в кусты поставили, нехорошо гороховое поле топтать. Горох-то на поле ещё молодой, сладкий, горошин почти нет, а стручки сочные, жевать вкусно.

Наелись мы гороха сколько хотели, полные карманы напихали, только вышли на дорогу, смотрим, навстречу нам мотоцикл тарыхтит. Мало ли машин по дороге ездит. Мы думали,

что проедет мотоцикл, а он остановился. На нём председатель колхоза сидит. Подманивает нас пальцем:

— Подите-ка сюда. Вы кто такие?

— Мы равенские, — говорю.

— Что-то я вас никогда не видел, для равенских, вроде бы, крупноваты.

Я говорю:

— Да равенские мы, факт, равенские! Мы подросли!

— Тогда, — говорит, — другое дело. Горох ели?

Я говорю:

— Ели...

— Значит, с таких-то лет расхищаете колхозное добро? Ай-яй-яй!

— Мы и не расхищали, — говорю, — мы только попробовали.

— Вот-вот, попробовали... А ещё неизвестно, вырастете, так будете ли колхозу пользу приносить.

Я говорю:

— Будем, будем!

— Знаю я вас, — говорит председатель, — гороху нашего наедитесь, а после драпака в город!..

Коля Семихин совсем губы распустил, а сторону смотрит:

— Да не...

Я кричу:

— Нет, дяденька председатель, нет!..

— Ну, ешьте тогда, — говорит он, — тогда ешьте. Бобовая культура очень питательная для организма, в ней крахмал, белки... Ешьте, чтоб хорошие из вас мужики вышли. А кукуруза поспеет, то и кукурузу ешьте. Но из деревни — ни-ни! Поняли?

— Поняли...

И председатель на своём мотоцикле дальше запылит.

А мы пошли к лесу. На коней садиться не стали, пешком пошли.

— Видали? — говорю. — Вот как дело оборачивается!

Федяра опять вперёд меня забегаёт:

— Ага! И горох, и кукурузу есть разрешил!

Да разве я про это? Я говорю:

— Федяра, я вовсе не про горох, а про то, что вот мы какие председателю нужные! Оставайтесь, говорит, не

уезжайте. Да разве я куда-нибудь уеду? Всю жизнь буду жить в нашей Равенке! До гроба!

— И я буду в Равенке всю жизнь! — сказал Коля Семихин. — До гробовой доски!

— А я до берёзки! — крикнул Федяра.

Я спросил у Саньки с Ванькой:

— Ну а вы?

— Мы и так никуда не уедем, — сказал Санька.

— Мы и так никуда не уедем, — повторил Ванька. Они всегда всё говорят вместе.

— Мы будем пастухами, — сказал Санька.

А Ванька сказал:

— Мы будем коров пасти.

— А я, когда вырасту, стану трактористом! — сказал Коля Семихин. — Буду прицеп возить, вжи, вж-жи!..

— А я, — крикнул Федяра, — не угадаете, кем я буду!

— Ну кем?

— Кем, Федяра, скажи!

— Я буду рыбнадзором на нашей реке! Буду рыбу у браконьеров отбирать и жарить!

— Ну, как хочешь, — сказал я. Мне Федярина мечта не понравилась. — У меня план другой.

Кинемехаником? — спросил Федяра.

— Нет, не кинемехаником.

— Ну, шофером, значит.

— Нет, и не шофёром. Сказать кем? Я буду над вами председателем.

— Во куда махнул!..

— А что, — говорит Коля Семихин. — Давай двигай, Антон, в председатели. Мы тебя на собрании выберем.

А я в самом деле председателем колхоза стать решил. Я бы им в Равенке восьмилетнюю школу открыл.

Я говорю:

— Я вам восьмилетнюю школу в Равенке открою, никуда бегать не придётся.

Федяра говорит:

— У нас избы подходящей нету.

— Это ничего. Построим. Найдём плотников, которые поменьше возьмут да чтоб не очень вино пили, и построим.

— Так ты нам и клуб, Антошка! — говорит Коля Семихин.

— А клуб, — отвечаю, — мы из Килькова перевезём. Хва-

тит, попользовались. Разберём и на новом месте поставим, напротив Федяриногo дому. И сельсовет, и контору перевезём. А магазин пускай у них остаётся, мы себе новый построим, вроде универмага.

Коля кричит:

— Видал, как задумал! Значит, у нас в Равенке будет центр?

— Центр. А как же.

— А в Килькове?

— А кильки пускай как хотят. Я не у них председатель, а у вас.

Свернули мы с боевой дороги на просёлочек. Оглянулся я, а солнце уже над Равенкой зависло, скоро за скотный двор опускаться начнёт.

Я говорю:

— Ну, Федяра, ты всё время меня обогнать норовил, давай дуй в разведку.

— И я хочу в разведку, — сказал Санька.

— И я хочу в разведку, — сказал Ванька.

Коля Семихин говорит:

— Пожалуй, я тоже с ними пойду вперёд.

— Что же, — говорю, — я один останусь? Пошли уж все вместе в разведку. Только чтобы с маскировкой, по всем правилам. Сигналы подавать только птичьими голосами.

Покрались мы с Колей вдоль одной стороны дороги, а они вдоль другой. Так мы и в рощу вошли.

РОЩА У НАС ХОРОШАЯ, ЧИСТАЯ

Роща у нас хорошая, чистая, тут каждое дерево другому расти не мешает и само хорошо растёт. Подлеска нет вовсе, видно далеко. Кустарник у нас не какой-нибудь заваливающий, а полезный — можжуха или орех.

Вот идём мы с Колей Семихиным в разведку, солнышко из-за наших спин светит, осины освещает. Как же мы не догадались раньше кильковских пойти в поход, в лесу-то как хорошо! Уж мы пойдём, мы в такое место зайдём, что они ввек не отыщут нашу стоянку. Вот только бы нам их найти.

Я у Коли спрашиваю:

— Что же мы с кильковскими сделаем, когда их найдём?

— Отлупить надо бы, — отвечает Коля.

— Так их, может, много. А ну как с ними Сенька Морозов? Разве справишься?

— Тогда напугаем!

Я остановился и крикнул:

— Ку-ку!..

Это сигнал такой, мы с Федярой условились. Коля Семихин тоже кричит:

— Ку-ку!

А от них ни ответа, ни привета. Может, чего заметили? Как же тут быть?

Вдруг впереди сразу три кукушки закуковали:

— Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку!

Кукуют и остановиться никак не могут, какая же это маскировка! Тут всякий поймёт.

Мы с Колей к ним побежали, а они на нашей стороне стоят и всё кричат кукушками. Я им замахал, Федяра-то понял, остановился, а Санька всё своё:

— Ку-ку! Ку-ку!

А если уж Санька, то без Ваньки тут никак не обойдется.

Я кричу им:

— Вы всю маскировку раскрыли!

А Ванька:

— Ку-ку!

Махнул я рукой и говорю им:

— Идите подле нас, и чтобы никаких кукований! Лучше воздух нюхайте, может, дымом потянет.

Принюхались мы, а в лесу воздух крепкий, травами пахнет.

Вдруг Ванька говорит:

— Ой, матушки!..

Я говорю:

— Что? Что?

— Кто-то фырчит! — говорит Ванька.

Спрятались мы в орешнике возле дороги, слушаем. И различаю я за кустами какой-то скрип... А потом шорох долгий... А потом тяжёлое топанье... А тут и правда как фыркнет!

— Э-э, — говорит Коля, — да это лошадь фырчит.
И я сразу догадался, что это лошадь едет. А при ней, значит, телега.

Федяра шепчет:

— Что это за телега такая?.. Давайте за ней следить.

Я говорю:

— Что за ней следить-то, видишь, люди сено везут.

Но тут потемнело, зашуршало, заскрипело, это сено мимо нашего куста проехало, клок сеной на кусту повис.

Только я смотрю: чья ж это голова с возу торчит такая знакомая? Да это ж Куварин! А впереди отец его лошадью правит.

Вышли мы на дорогу.

Я говорю:

— Эй, Куварин, кильковских не видел?

Он помолчал, потом отвечает:

— А чего мне их видеть, я их и видеть не хочу. Вот потому и не видел.

Я говорю:

— Слазь, Куварин, пойдём с нами, где-то они здесь прячутся, костёр жгут.

— Не, — отвечает Куварин, — не слезу. Сено домой повезу.

Проехал воз, простукал, лес опять замолчал.

Скоро и мы за свежим сеном поедем. Вот выделяют нам покос, тогда и брат Паша приедет из города помогать.

МЫ ПО РОЩЕ ДОЛГО ХОДИЛИ

Мы по роще долго ходили — и слушали, и воздух нюхали, и на дуб высокий взбирались. Только никаких кильковских мы не встретили. А уж и сумерки начались.

В лесу сумерки ранние, быстрые, так в глазах всё и мелькает. Ну, думаю, кильковских мы не нашли, так надо хоть по венику наломать, чтобы обратно не идти с пустыми руками.

Наломали мы по венику, только Федяра не стал ломать.
Я говорю:

— Федяра, ты почему веник-то не ломаешь?

— А зачем, — говорит, — я буду его ломать? Может, меня этим венником мама и вздует.

Но тут вдруг всё кругом посветлело, роща кончилась, и между последними деревьями мы увидели большое голубое поле.

Санька с Ванькой закричали:

— Лён! Лён!

Известно, что лён.

— А вот и Березницы, — сказал Коля Семихин.

Это деревня такая, она за полем, в низине лежит. А отсюда только крыши виднеются. Я там Андрюху знаю, потом Лёньку Лысого и других.

Я говорю:

— Кильковских профукали, давайте хоть на березницких-то нападём...

Подползли мы тихонько к деревне и устроили наблюдение.

В ДЕРЕВНЕ У НИХ ВСЁ НЕ ПО-НАШЕМУ

В деревне у них всё не по-нашему: посреди улицы какой-то амбар стоит, а у нас улица чистая, трава да вётлы. А комар-то какой у них ядовитый, ба-атюшки, какой-то мохнатый у них комар, злой! И реки, само собой, у них не имеется. У них и земля похуже нашей будет, одно слово — лесная сторона. Эх, думаю, как же вы тут живёте? Не пробовали вы нашего житья, а лучше-то всего у нас в Равенке. У нас ведь река, простор!

Смотрю, Андрюха, Лёнька и другие ребята стоят под берёзой и шапками в неё зачем-то кидаются. Вроде, силятся что-то достать.

Вышли мы из засады.

— Ах, — говорю, — да это ж они майских жуков ловят!

Мы тоже майских жуков любим ловить, только сейчас они называются июньские, потому что уже июнь.

У нас в Равенке самые хорошие жуки как майские, так и июньские.

Я говорю:

— Вы чего шапками-то их ловите, так ловить не мудрено, а ну-ка вы с лёту!

Я веником махнул и летящего жука — трах! Поднял его, а жук небольшой. Я говорю:

— Небольшой жук-то у вас. А есть ли у вас пилоты? Ну, которым под крылья нитку привязать можно?

— Пилоты-то есть, — отвечает Андрюха, — да ниток больше никто не даёт.

— Ну конечно, — говорю, — без ниток какие ж пилоты...

А пилоты летают с нитками. Иной пилот так высоко летит, что полкатушки ниток разматывает, во как летит! Мы с кильковскими соревновались, самые выносливые пилоты у нас. Наши пилоты к ним через реку летают, а их — к нам не летят.

Половили мы с березницкими ребятами жуков, тут и стадо пошло. Когда стадо идёт, жуков ловить лучше не стоит. Мы один раз не заметили, как в деревню вошло стадо, и всё ловили жуков. Что тут было! Две тёлки запрыгали, бараны обратно метнулись, бычок Фомушка заревел. Всё стадо перепугалось и умчалось к реке. Нам от дяди Лёши тогда попало.

Андрюха говорит:

— Половите ещё с нами.

Я говорю:

— Нет, мы пойдём.

Распрощались мы с березницкими и пошли домой по большой дороге.

ЗАЖГЛИСЬ ОГНИ УЖЕ В НАШЕЙ РАВЕНКЕ

Зажглись огни уже в нашей Равенке. В Килькове в эту пору тоже огни горят. Самый яркий фонарь у них у магазина, его всю ночь не выключают.

Земля вся в темноте, крыши тёмные, кусты на реке тёмные, а небо над нашей деревней ещё голубое. Река между кустами поблёскивает, а на реке лягушки кричат.

Только смотрю я, что же это за белый дымок там вдали из береговых ракич поднимается?.. Стойте, стойте, думаю... Вот так та-ак!

Коля Семихин тоже тот дымок заметил.

— Вот те номер, — говорит. — Да это ж они!

— Ага-а, вот вы где, килечки... — шепчет Федяра.

Я говорю:

— Значит, побоялись они уходить далеко от дома, решили на бережке устроиться...

Побежали мы берегом, впереди я, сзади Коля Семихин, а за нами все наши ребята, слышно мне, как они там за спиной у меня пыхтят.

Подкралась к кустам, слушаем. Сидят, голубчики, костёр у них тлеет, видно, картошку пекут. Разговор у них тихий идёт. Я себе думаю: ах вы! Нащупал в траве деревяшку, из-за куста высунулся и — швырк! Искры из костра вверх ударили, разговор сразу же и затих. «Ага, боитесь, — думаю, — только первым никто свою трусость показать не решается». Тут Коля Семихин консервную банку запустил.

Они вскочили, и чей-то голос, вроде Шуркиного, спросил:

— Эй, кто там кидается, ты, Ломтик?

А другой ответил:

— Ломтик уже спать лёг.

— Ну, Куканов, значит...
«Какой ещё, — думаю, — тебе Куканов». И метнул я по
ним веник.

А тот же голос сказал:

— Вот паразит!..

Тут и Федяра что-то бросил, и Санька с Ванькой, от ко-
стра аж искры летят. А девчонка какая-то, наверное Надька,
говорит:

— Какой бессовестный!

Вдруг слышу, рядом запыхтело что-то и Федярин плакси-
вый голос крикнул:

— Ну, чего ты!.. Отцепись!

Бросился я туда, навалился сразу на двоих и тут уж
кричу во всю мочь:

— Бей их, круши!.. Колька! Налетай!..

Только меня сразу же оттолкнули, в кусты откинули и
сверху прижали. Слышу — голоса кругом, орут. Много голо-
сов! Да вдруг какой-то женский, сердитый:

— Что тут за переполох?

— А мы сами не знаем, Полина Марковна, на нас тут
какие-то придурки напали!..

— Палками кидались!

— И вениками!

— Мы думали это Куканов...

— Опять Куканов!.. Всё на Куканова, а я в палатке спал.

— Вот мы тут одного держим, — сказали надо мной. —
Вырывается, какой-то бесноватый!..

— А мы двоих поймали!..

«Ну, — думаю, — плохо дело, ошибка вышла. Какие-то
городские туристы, теперь греха не оберёшься».

Подняли меня на ноги, подвели к костру. Гляжу, а тут
уже и Колька стоит. И Саньку кто-то за руку держит. Разгро-
мили весь наш наличный состав. А кругом-то всё чужие, ни
одного знакомого лица нет. Уж пусть бы лучше Сенька Мо-
розов...

Санька кричит:

— Ванька, ты где?..

А из-за кустов Ванькин голос:

— Здесь я!.. Я свободный!..

— Выходи сюда, — говорит Санька, — вместе ответ дер-
жать будем!..

Тут и Ванька подошёл, встал рядом с братом. Только одного Федяры нет, вырвался.

Окружили нас, подбросили хворосту в костёр, чтобы виднее им было, значит, нас допрашивать. Один лопухий и говорит:

— Вы что, ненормальные, да? Вы почему кидались?

Я говорю:

— Мы килек искали. Мы и не знали, что вы здесь.

— Кого они искали? — спрашивает девчонка с чёлкой.

Тот, которого назвали Кукановым, говорит:

— Дать им банок, да и всё.

Я говорю:

— Килёк мы искали, кильковских! Шурка у них есть Шаров, потом Тришка... Из деревни Кильково, вон там за мостом!..

— А сами-то вы откуда?

— Мы из Равенки.

— Что это за Равенка? У нас на карте такой нет.

— Равенки-то нет? — удивился я. — Что ж это у вас за карта?

— Нормальная. Государственная. А вот вы почему кидались? Ведь вы в голову кому-нибудь могли попасть.

Куканов говорит:

— Дать им банок да и всё.

Я возмутился:

— В голову? Да мы в голову и не метились! Колька, правда, мы не метились в голову?

Колька говорит:

— Я в костёр кидал!

Я говорю:

— Да если даже попадёшь по голове веником, это что, больно? Больно, да?..

Колька кричит:

— Что, нельзя обознаться, да? Ведь уже темно!

Я кричу:

— А вы руки сразу крутить. Ведь вас вон сколько, а нас только четверо, да один убежал!..

Чувствую я, как растёт во мне возмущение.

— Ещё надо проверить, — кричу, — что это вы у нас тут на берегу разлеглись на ночь! Есть у вас на то разрешение или нет? А ну документы!

Это я вспомнил, как брат Паша у одних туристов, которые зашли в Равенку, тоже документы проверял.

— Ишь вы какие проверяльщики! — закричал лопухий. — Думаете, если вы местные, то это ваша река!

А Куканов говорит:

— Дать им банок, да и всё!

Тут их старшая вмешалась:

— Вы, мальчишки, неправильно поступили. И напрасно вы так агрессивно настроены...

Что-то она ещё говорила. Вдруг на реке раздался истошный крик:

— Тону-у!..

Я сразу догадался, что это Федяра, он один может так кричать. Только неужто он взаправду тонет?..

Бросились мы к реке. Прибежали, я кричу:

— Федяра, ты, что ли?..

А Федяра с того берега спокойненько отвечает:

— Конечно, я. А вы чего же не убежали? Я нарочно панику устроил, чтобы вам убежать.

Тут все закричали:

— Ах вот что!.. Какие бессовестные! Это ж надо так напугать. Да с вами после этого знаете что надо сделать?..

Тут мы и припустили! Сначала я, за мной Коля, а зади Санька с Ванькой. А по другому берегу Федяра.

Погнался было за нами Куканов, но Полина Марковна ему закричала:

— Куканов, вернись сейчас же!

Вот так мы и спаслись.

ВЫСКОЧИЛИ МЫ НА ДОРОГУ

Выскочили мы на дорогу, с Федярой соединились, только хотели домой двигать, вдруг слышим, кто-то нам навстречу шагает и песню поёт. А это идёт Люба в белом сарафане. Как увидела нас, так и замолчала. И говорит с презрением:

— Ишь, идут бандиты с большой дороги... Это кто мне напустил муравьёв? В лечебное-то учреждение!..

Мы стоим, головы потупили. Потому что ведь это мы!

— А я, беспонятная, сколько витамина им скормила, а они вон что!

И пошла Люба в белом сарафане, на нас даже не оглянулась. Свернула на кильковскую дорогу.

Мы постояли, поглядели ей вслед. Я Федяре говорю:

— Вон чего наделал.

А Федяра отвечает:

— Ничего, одумается ещё.

Тут я понял, что Люба-то пошла в кино. Я и говорю:

— Давайте, пока кильковских нет, в кино сходим.

Федяра говорит:

— И за Любой будем следить!

И мы повернули в Кильково.

СРАЗУ ВИДНО, ЧТО КИЛЬКОВСКИЕ В ЛЕС УШЛИ

Сразу видно, что кильковские в лес ушли, — народу возле клуба немало, а сутолоки никакой. Все ждут, когда кино-механик Слава начнёт впускать.

Раньше-то мы проходили в кино с Любой, Слава с нас никаких денег не спрашивал. А теперь как пройдёшь? Что-то придумывать надо.

Я говорю Федяре:

— Давай, Федяра, что-то придумывать надо.

И он убежал. А мы тем временем за Любой присматривали... Сидит Люба на лавке под вязом с кильковскими девушками, посмеивается, а напротив них трактористы стоят, курят, Сенька Морозов у них на побегушках, и всё ещё за иностранца себя выдаёт. Девчонки кильковские в догонялки между взрослыми бегают, а возле крыльца Куварин стоит, держит наготове десять копеек.

Я говорю:

— Куварин, никак лучшее место себе занять хочешь?

А он отвечает:

— А чего ж мне не хотеть? Я первым пришёл. Вот потому и хочу.

Но вот Слава встал у двери и начал всем продавать билеты.

Куварин прошёл первым. Прошли и девушки, и трактористы двинулись вслед за ними, а Федяры всё нет.

Прошла Люба, а на нас даже не оглянулась. Вот и остались мы одни у порога. Слава спрашивает:

— Ну все?

Я говорю:

— Все, да вот мы ещё...

— А вам, — говорит Слава, — к чему это? Картина про любовь, так что вам это без пользы дела.

Коля говорит:

— Слава, пропусти!..

— А свистеть не будете при демонстрации?

Я говорю:

— Это кильковские всегда свистят, мы не будем!

— А ну карманы выворачивай!.. Жуков нет?

Я говорю:

— Нет жуков, какие жуки, мы всех отпустили...

— А кто скамейки всегда раскачивает? Я уже три раза отремонтировал инвентарь.

— Мы инвентарь не раскачиваем! — кричит Коля. — Мы всегда сидим на полу!

— Ну, подите, — говорит Слава. — Да садитесь культурно, на скамейку, зачем же на полу.

И мы вошли

КУВАРИН СИДЕЛ НА ПЕРВОМ РЯДУ

Куварин сидел на первом ряду, а между скамейками, на полу, прятался Федяра.

Он сказал:

— Я ведь на задней двери крючок откинул, чего же вы не шли?

Я говорю:

— Надо было сигнал дать, откуда мы знали.

— Я Куварина прошу-прошу, — говорит Федяра, — а он не идёт.

Я сказал Куварину:

— Куварин, ты чего же не идёшь нам сигнал давать, ведь тебе безопасно, ты по билету.

— А бывает, что туда выйдешь, — ответил Куварин, — а обратно не войдешь.

Я говорю:

— Эх ты, Куварин! Как дам сейчас!..

А с задних рядов кричат:

— Ну, там, впереди — тише!..

Глянул я на экран, а картина-то уже идёт.

Стали мы смотреть картину. Там один парень на грузовой машине всё ездил. Комнату в городе получил, каких-то женатых поселил, а сам уехал. Я Куварину всё равно тычка дал. Но тут кончилась часть.

Коля говорит:

— Мы сегодня целый день голодом. А ты, Куварин, небось поел? Молока попил?

— А чего ж мне не поесть? — отвечает Куварин. — Я как из лесу с сеном приехал, так и поел.

Затрещал опять аппарат, быстро Слава части меняет.

Вот сидит парень на большом ковре среди иноплеменного народа. Как он туда попал — не могу понять. Сидит, вино выпивает и курицей закусывает.

Вдруг Федяра шепчет:

— А давайте Куварина-то кувырнём!..

Посмотрел я, Куварин сидит такой блаженный. И сразу мне захотелось его кувырнуть. Взялись мы за ножки, как нажали — Куварин и грохнулся на пол. А скамейка на него.

— Чего вы! — в полный голос говорит Куварин. — Я вам мешаю, да?

А сзади кричат:

— Эй, мартышки, уймётесь ли вы!

Но тут опять кончилась часть. Куварин не захотел больше рисковать и сел рядом с нами на пол.

Коля зевнул и говорит:

— Что-то уж больно тягомотно и есть хочется.

Я говорю:

— Ладно уж, досмотрим, потерпи.

Только на экране вздумали поцеловаться, а сзади кто-то как чмокнет! Я тоже так умею чмокать, это нужно в кулак. И тут мы закричали: «Э-э-эй!..» Вдруг кто-то свистнул и крикнул басом:

— Легче на поворотах!..

И все замолчали.

Но тут опять кончилась часть.

Только Слава аппарат наладил, кто-то жуков выпустил.

Я говорю:

— Федяра, ты, что ли?

А он шепчет:

— Ага!.. Я березницких десять штук в коробку напихал.

И как они у него там, десять штук, поместились?

Сзади кто-то кричит:

— Эй, кончайте жуков пускать!

Летают жуки, носятся в светлом луче прямо над самыми головами, и на экране мелькают большие чёрные тени от жуков.

Вдруг одна кильковская как закричит:

— Ай, ай, ай!..

Руками она замахала, жук у неё, значит, в причёске запутался, вскочила она, и тень её тоже прыгнула на экран, лохматая такая, руками машет.

Кто-то как засвистит, кто-то как крикнет:

— Ну, паршивцы, дайте картину досмотреть!

Тут и другие кильковские завизжали, замахали руками, а жуки носятся как угорелые, стучаются об экран.

Вдруг один жук залетел прямо в будку кинемеханика. Аппарат и потух. Слава лампу зажёл и вошёл в зал.

— Ну, граждане, так больше демонстрировать невозможно. На таком-то месте, ай-яй-яй!

— Это там у пацанов жуки, выставить их! — закричал Сенька Морозов и уже к нам двинулся.

— Ничего подобного! — сказал Слава. — Я у них перед началом карманы проверял. Это кто-то из взрослых забавляется.

Пока Слава говорил, трактористы всех наших жуков переловили.

— Все! — кричат. — Порядок! Славка, начинай!

Все уселись, и картина началась снова.

Только я смотрю, а Санька-то с Ванькой на полу спят. Привалились друг к дружке и носами выводят. Хотел Федяра им букашками поздрить позатыкать, а я говорю:

— Не тронь ты их, не тронь!.. Уморились люди, пусть отдыхают.

А тут скоро и кино кончилось. Мне эта картина не понравилась. Я люблю про войну смотреть.

ПЯТЬ КУКУШЕК НА РАССВЕТЕ

Пять кукушек на рассвете за рекой перекликались, не меньше. Вся река в тумане стояла, а на лугу кто-то косы яркие точил.

КТО ПЕСКАРЕЙ ХОЧЕТ ЛОВИТЬ

Кто пескарей хочет ловить, у нас может поучиться. Мы в песке канавку прорываем, в неё вода из реки заходит, а с нею и пескари, они ведь любят по песчаным отмелям

гулять, оттого рыба и зовётся пескарь. А в конце канавки у нас бутылка установлена — в горлышке пробка, а дна нет. Отбито дно камнем начисто, для безопасности сточено, в том-то вся и штука, что дна нет.

Побежим мы по канавке вслед за пескарями, а они — в бутылку! А куда ж ещё, больше-то им деваться некуда, а тут и надо закрывать бутылку рукой. Вот как надо пескарей ловить.

Вот ловим мы пескарей, уже у нас их скоро пол-литровая банка будет, вдруг по кильковскому прогону Шурка и Тришка бегут.

— Эй, равки! — кричат.

Я шепчу своим:

— Молчите!..

И мы молчим. Будем мы ещё с вами разговаривать, кильки несчастные, сколько мы из-за вас вчера километров наколесили да ещё людей невиноватых в испуг ввели.

Загоняем пескарей, а Шурка снова:

— Эй, равенские! Антошка! Колька! Оглохли, что ли?

— От глухого слышу! — кричит Колька. — У тебя и дед глухой.

Тришка говорит:

— У него дед глухой, а ты шербатый!

— А у тебя руки в бородавках!

Ах ты, Колька снова не выдержал.

— Молчите вы, ребята, — говорю я. — Молчите!..

Но куда уж там! Пошло-поехало!

— А у вас в деревне, — кричит Шурка, — два очкарика! Это он про Саньку с Ванькой. А они очки только в школу носят. Тут и я не выдержал.

— Ты физических недостатков не касайся!

— А у Тришки что, не физические?

— У Тришки, может быть, и физические, а пусть жаб не трогает!

— А я жаб и не трогаю! — кричит Тришка.

— Он не трогает! Это у него от обмена веществ!

— Что это ещё за обмен веществ? — кричу я Шурке.

— Обмена-то не знаешь? Что у тебя, чирий никогда не вскакивал?

— Чирий-то вскакивал, — говорю, — только это отношения не имеет.

— А вот имеет!

— Почему ты знаешь?

— Знаю! Нам Люба говорила!

Ах вот что, Люба им говорила, а нам, значит, нет. Тоска на меня напала.

А Шурка кричит:

— Мы пришли вас в клуб звать!

Звать они, видишь, нас пришли, какие вдруг вежливые. Мы их в амбулаторию не пустили, а они к нам с приглашением. Видать, мы им сильно понадобились.

Я кричу:

— А что у вас там?

А Шурка с Тришкой не отвечают.

— Эй, — говорю, — кильки, вас спрашивают!

А на том берегу молчат. Дразнят, значит. Отвернулись от нас и камешки в руках перебирают.

Очень мне любопытно стало, что же у них в клубе. Я кричу:

— Ну как, будете отвечать?

Подождали мы ещё немного, я и говорю:

— Коля, поди к Куварину за велосипедом, сгоняй в Кильково. У клуба так и так объявление висит.

— А вот и не висит! — говорит Шурка. — Это нам с Тришкой поручение в сельсовете дали ребят собрать.

— А что же не собираете?

— Мы-то собираем, да вы откликаться не хотите.

Я от возмущения даже в воду ступил.

— Вы не собираете, а людей оскорбляете, особенно ты, Тришка!

А Тришка тоже в воду ступил.

— Да?.. Я сам от вас оскорбление понёс, будто я жаб трогаю! А я и не трогаю жаб! Я их боюсь!

— Ну и трус!

— Нет, не трус, а брезговаю!..

— Я и сам брезговаю...

— Вот так!

— Вот и так!..

— Ну ладно, — говорит Шурка и камешки свои в воду бросает. — Приходите, значит, в четыре. Пионерский лагерь из Красной Горы прибудет. Концерт поставят, в футбол хотят с нами сыграть.

— В футбол — это можно, — говорю.

— Ну вот. Так надо бы собрать нам с двух деревень сборную команду.

Я говорю:

— Ну ладно, поглядим... Мы тут у себя в Равенке подумаем...

— Думайте, думайте, — говорит Шурка, — только чтобы трусы справные были, не так, как у Саньки с Ванькой в прошлый раз.

Шурка с Тришкой к себе побежали.

А Санька тут покраснел.

— Я, — говорит, — и вовсе, может, не приду...

— И я, может, вовсе не приду, — говорит Ванька.

Вот те раз! А это у нас в Равенке самые сильные полузащитники. Не то чтобы у них хорошая техника или там точный удар, нет, а просто они выручают друг друга сильно. Если противник, допустим, напал на Саньку, то Ванька тут как тут. Вертится, крутится, толкается, ну просто замечательно выручает. И наоборот.

Я им говорю:

— Вам что, не дорога честь деревни Равенка?

— Честь-то дорога, — отвечает Санька, — да трусов справных нет.

Я говорю:

— Так неужто из-за трусов пойдём на попятную?

— Не пойдём! — кричит Коля Семихин. — Не ходили и не пойдём на попятную! Это пусть кильки идут!

Тут мы спрятали бутылки в кусты и пошли к себе на гору готовиться к встрече.

У САНЬКИ С ВАНЬКОЙ ДОМА

У Саньки с Ванькой дома была только их сестра Зойка. Она грызла семечки и баловалась с котёнком.

Я сказал:

— Зойка, а ну выдавай мужикам трусы!

Зойка плюнулась шелухой и сказала:

— А ты кто такой, чтобы указания давать?

— Я?.. Да я... Я, Зоя, капитан сборной команды.

Зойка подумала и сказала:

— А мне больно наплевать.

Я говорю:

— Да ты погоди, Зойка, не злись. Вот скажи, тебе дорога честь деревни Равенка?

— Ну и что?

— А то, что без Саньки с Ванькой мы никак не можем играть. Ведь они же лучшие полузащитники!

Тут и Санька молвил слово:

— А у нас, Зойка, понимаешь ли, сегодня мач...

— Не мач, а мачт, — шепнул ему Ванька.

— Ну, матч... Вот нам и надо полузащищать...

Зойка засмеялась:

— Говорить-то правильно не умеете, полузащитники. Горе мне с вами. Ванька, утрись! Надо говорить — матч.

Ванька шмыгнул носом и утёрся. Утёрся на всякий случай и Санька.

— Вот мы, Зойка, тебя и приглашаем, — сказал я. — Зови всех девчонок и приходите за нас болеть. Ты бы поискала, Зоя...

— Напасёшься на них! — фыркнула Зойка, но всё же вынула откуда-то ключи и открыла шкаф. Из кучи чистого белья она достала две пары трусов, и Санька с Ванькой пошли в клеть переодеваться.

МЫ ВЫШЛИ НА ДОРОГУ

Мы вышли на дорогу в тот момент, когда возле нашего поворота остановился автобус. Он как раз в это время из Красной Горы в Кильково идёт. У нас остановка называется «по требованию». Если потребуешь, автобус и остановится, а не потребуешь, то и нет. Но он остановился, значит, кто-то потребовал.

Нас было шесть человек, все мальчишки деревни, даже Куварин. В сборную я назначил себя, Колю Семихина и Саньку с Ванькой, а остальных запасными. Пока шли, Федяра всё ныл: возьми да возьми его в основные. А ведь он правил не знает, как же мне его взять?

Я говорю:

— Федяра, ты ведь правил не знаешь!

— Знаю, — говорит, — знаю!

— А вот что такое офсайд?

Федяра думает, что офсайд — это когда мяч в овёс закатится.

У нас возле футбольного поля овёс растёт. Только туда мяч кто-нибудь запузырит, Федяра кричит: «Овсайт, овсайт!»

— Я знаю, — говорит Федяра, — только выразить не могу.

Я говорю:

— Ну вот, когда выразишь, тогда и возьму, а пока, Федяра, тебе в основные рановато.

Но возле автобусной остановки положение резко изменилось. Из автобуса вышла тётя Валя Семихина, мать Кольки. Она нас увидела и говорит:

— Коля, поди-ка сюда, чего скажу...

Колька думал, что она из города чего-нибудь ему привезла, и так скоренько к ней подходит. А она сумку поставила и — хватить его за ухо!

— Ты на кого Вовку бросил, а? А ну-ка марш домой!

А Вовку мы оставили бабке Тарарихе, она всё равно всегда сидит у своего двора.

И вот Коля пошёл обратно.

В автобусе все смеются, а Федяра с Кувариным вдруг: га-га-га! Ну, Куварин — понятно, он одиночка, а Федяра чего? Он же Кольке друг.

— Нет, — говорю, — Федяра, мы хоть и потеряли одного из лучших нападающих, но тебя всё-таки не возьму в основные.

Набились мы все в автобус, чтобы, значит, через мост переехать и по берегу до Килькова — чтобы ноги зря не ломать.

Шофёр дядя Коля дверцу закрыл и спрашивает:

— Куда это равенские собрались?

Я улыбаюсь ему и отвечаю:

— В гости к вам, дядя Коля, в Кильково.

Дядя Коля говорит:

— Ну, тогда плати.

— Мы, дядя Коля, значит это... городские пионеры к нам едут, дядя Коля...

Я подталкиваю ребят, мол, помогайте, не могу же я один, в таких случаях нужно всем скопом нажимать.

— Мы, может, так проедем, дядя Коля, — загудели наши, — мы вот и садиться не будем, постоим тут у двери...

Я говорю:

— Мы, дядя Коля, с городскими сегодня встречаемся, у нас тут сборная...

— Ну да, — говорит дядя Коля. — Это конечно...

Вдруг он на обочину свернул, дверь открыл и говорит:

— А ну-ка, сборная-крохоборная, вылезай!

Глянул я вниз, а подо мной канава, а в ней крапива выше нашего роста. «Ба-атюшки, — думаю, — как же тут быть?!»

В автобусе все смеются, а дядя Коля подгоняет:

— А ну поживей тут у меня, поживей, чтобы мигом!..
Все как один!

Прыгнул я в крапиву, а за мной и все наши повывкаты-
вались.

Стоим посреди канавы, руки-ноги поджимаем, шипим от
боли, а она во как жжёт! А дядя Коля ещё не отъезжает,
смеётся.

— Ну как, будете в другой раз платить?

— Откатывай! — кричу. — Кильковские зажималы! Своих
небось бесплатно возите, кильки вы и есть! И все пацаны
у вас кильки, и девки кильки!..

В автобусе все хохочут, носы давят об стекло. Наконец
он отъехал, и мы выбрались на дорогу...

Федяра больше всех ноет:

— Ой, обстрекался!.. Ой как обстрекался!

Я говорю:

— Не визжи, Федяра! Плюнь на больное место да слю-
нями разотри!

А Федяра всё равно ноет:

— Ой, больно!.. Где же я слюней столько возьму!

Вот стоим мы посреди дороги и плюёмся. А ноги у всех
палёные, красные, да и руки горят.

Я говорю:

— Ещё землёй хорошо потереть.

Санька с Ванькой самые терпеливые оказались: сели на
дорогу и молча ноги себе посыпают землёй.

Федяра говорит:

— Кольке-то Семихину как повезло!

— Нет, — говорю, — Федяра, я тебя в основные не возь-
му, ты второй раз слабину проявляешь.

Минут пять только сильно болело, а потом отлегло.

ВОЗЛЕ КЛУБА

Возле клуба, когда мы пришли, ещё никого не было. Мы
пока зашли в магазин.

Продавщица говорит:

— Ну что, равенские, бутылки принесли сдавать?

Я говорю:

— Нет. Дайте мне конфет на пятнадцать копеек.

Это мне бабушка в воскресенье три пятака дала.

Отвесила нам продавщица сто грамм кругляшей, «Театральные» называются. Я тут же в магазине всем роздал: основным игрокам по две, запасным по одной.

Сели мы на крыльце магазина, сосём конфеты, смотрим, что у кильковских делается. А у них чайную строят для трактористов, два плотника стропила оседлали, молотками колотят. Стоит у сельсовета автобус с открытой дверцей, четырёх часов дожидается. Дяди Коли нет поблизости, видно, в сельсовет зашёл.

Федяра говорит:

— Ну, погоди, мы ему ещё что-нибудь придумаем.

Я лично человек не злопамятный, но тут уж и я говорю:

— Давай.

Только что-то мне подозрительным показалось безлюдье такое.

Я говорю:

— Не попались бы мы в ловушку, а, Федяра?

Но тут из клуба вышла Евдокия Петровна, кильковская учительница, а с нею Шурка, Тришка и ещё несколько ребят.

Ну, вот, — говорит Евдокия Петровна, — молодцы, что пришли пораньше, мы тут клуб подметали, а ещё не всё подготовили. Бог кто, например, сможет прочесть?

И разворачивает она листок из тетрадки.

Тришка говорит:

— Пусть Шурка. У него по чтению пять.

— Ты только, Шура, сначала ознакомься, — говорит Евдокия Петровна. — А когда читать будешь, то остановки делай и глаза от бумаги всё же отрывай.

— А это какая цифра? — спрашивает Шурка.

— Две тыщи пятьсот.

Тут на велосипедах быковские подъезжают, Иван да Тимофей. Следом за ними березницкие, все, как один, горохом увитые.

Мы к ним:

— Дайте горошку! Дайте горошку!

Разодрали подчистую все их венки.

А потом как стали кильковские с двух своих улиц стекаться, да наши девчонки подошли, да бреховские подъехали.

Будто первое сентября наступило. Галдёж стоит возле клуба, велосипеды по площади круги делают, мячики над головами летают — ой-ой!..

Мы пока тренировку устроили с кильковскими — в одни ворота.

Евдокия Петровна на крыльце с девчонками дирижирует, а они кричат:

— Здрав-ствуй-те!.. Здрав-ствуй-те!..

Репетируют, значит, как гостей встречать.

Только недолго всё это продолжалось. Кто-то вдруг закричал:

— Идут! Идут!

ЗАИГРАЛ В КОНЦЕ УЛИЦЫ БАРАБАН

Заиграл в конце улицы барабан и показались городские пионеры, их человек тридцать было, все с рюкзаками и в галстуках. Я как увидел впереди лопухого, так у меня меж рёбер зашекотало, я говорю Федяре:

— Федяра, никак, они...

А Федяра отвечает:

Они, это точно.

Санька говорит:

— А вон чёрненький, который меня за руку держал. Я и Полину Марковну узнал, и девчонку с чёлкой, и Куканова.

Городские напротив нас остановились, Полина Марковна и говорит:

— Миша, давай...

Тут же на середину вышел чёрненький мальчишка, сунул руки в карманы и закричал девчоночьим голосом:

— От пионеров красногорского лагеря наш пионерский...

И все городские крикнули:

— Привет!

Тут все захлопали. А вокруг пионерского строя народу-то собралось: и мамы с грудными детьми, и кильковские старушки, и председатель колхоза, а среди всех моя бабушка. Даже продавщица вышла из магазина на своё крыльцо.

Когда чёрненький своё приветствие выкрикнул, Полина Марковна подошла к нему и что-то сказала, и он сразу руки из карманов вынул.

Евдокия Петровна после этого вся вздрогнула и сказала:

— Три, четыре!

И наши все разом крикнули:

— Здрав-ствуй-те!

И снова все захлопали. Надька Шарова выбежала вперёд и подала Полине Марковне букет цветов.

А чёрненький всё с середины не уходит. Полина Марковна тихонько ему шепчет:

— Миша, давай...

Тогда он сунул руки в карманы и сказал:

Мы к вам приехали сюда,
Чтоб с вами подружиться.
Давайте вместе навсегда
Плясать, петь и кружиться.

Я к Евдокии Петровне обернулся и спрашиваю:

— А в футбол разве не будем?

Городские это услышали и засмеялись. Евдокия Петровна каким-то игрушечным голосом говорит:

— Антон, ты слушай, не перебивай...

— Вот я, — сказал чёрненький, — я лагерный поэт. А среди вас поэтов нет?

Мы стали смотреть среди наших Верку Онуфриеву, она частушки хорошо сочиняет, но из пионерского строя вышла длинная рыжая девчонка. Она отвернулась и сказала:

— А я спою вам песни, чтоб было интересней.

И городские стали выходить один за другим.

Я по секрету вам скажу:
Я шить умею и вяжу.
— А я пустил ракету
Гулять по белу свету.

Вдруг Шурка оборачивается и говорит:

— Евдокия Петровна, я листочек-то ваш потерял.

А сам бледный-бледный.

— Как так? — спрашивает Евдокия Петровна.

— А вот, наверно, когда в футбол мотались...

— А что же мы теперь делать-то будем?

Мы все от городских отвернулись и на них обоих смотрим. Лицо у Евдокии Петровны такое, что даже стало жалко её.

— Ну, не знаю, Шура... — говорит она. — Поищи хорошенько...

— Да я поискал...

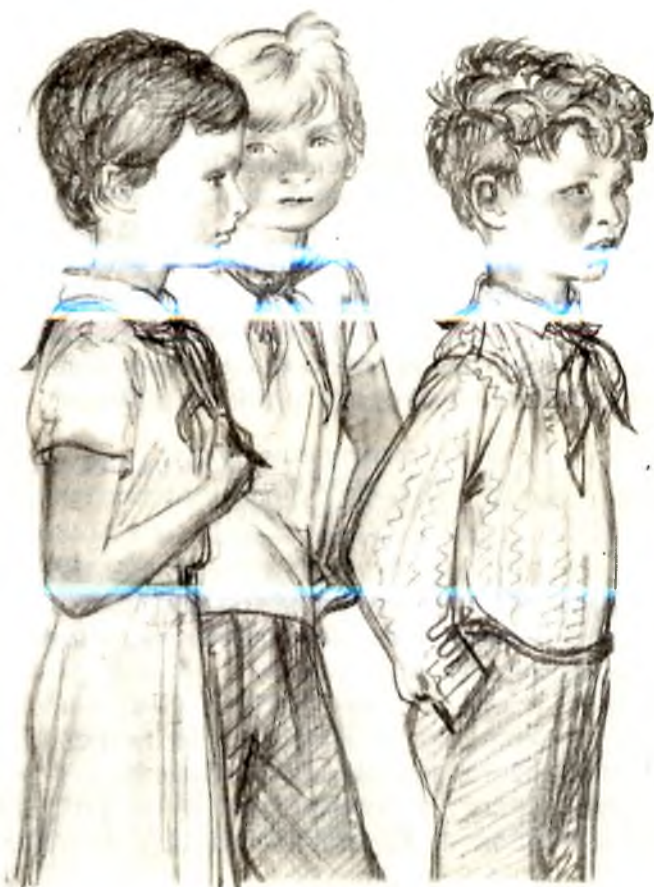
— Может, ты запомнил?..

— Одну цифру-то я запомнил, — говорит Шурка. — Две тыщи пятьсот.

— Ну, скажи своими словами. Скажи, Шура, как отдыхаем, как работаем... Не хуже, мол, чем другие. Веников навязали пятьсот двадцать, цыплят на ферме вырастили две тыщи пятьсот...

Я говорю:

— Запомнить-то легко, в одной цифре пятёрочка, потом двоечка, а в другой цифре наоборот!

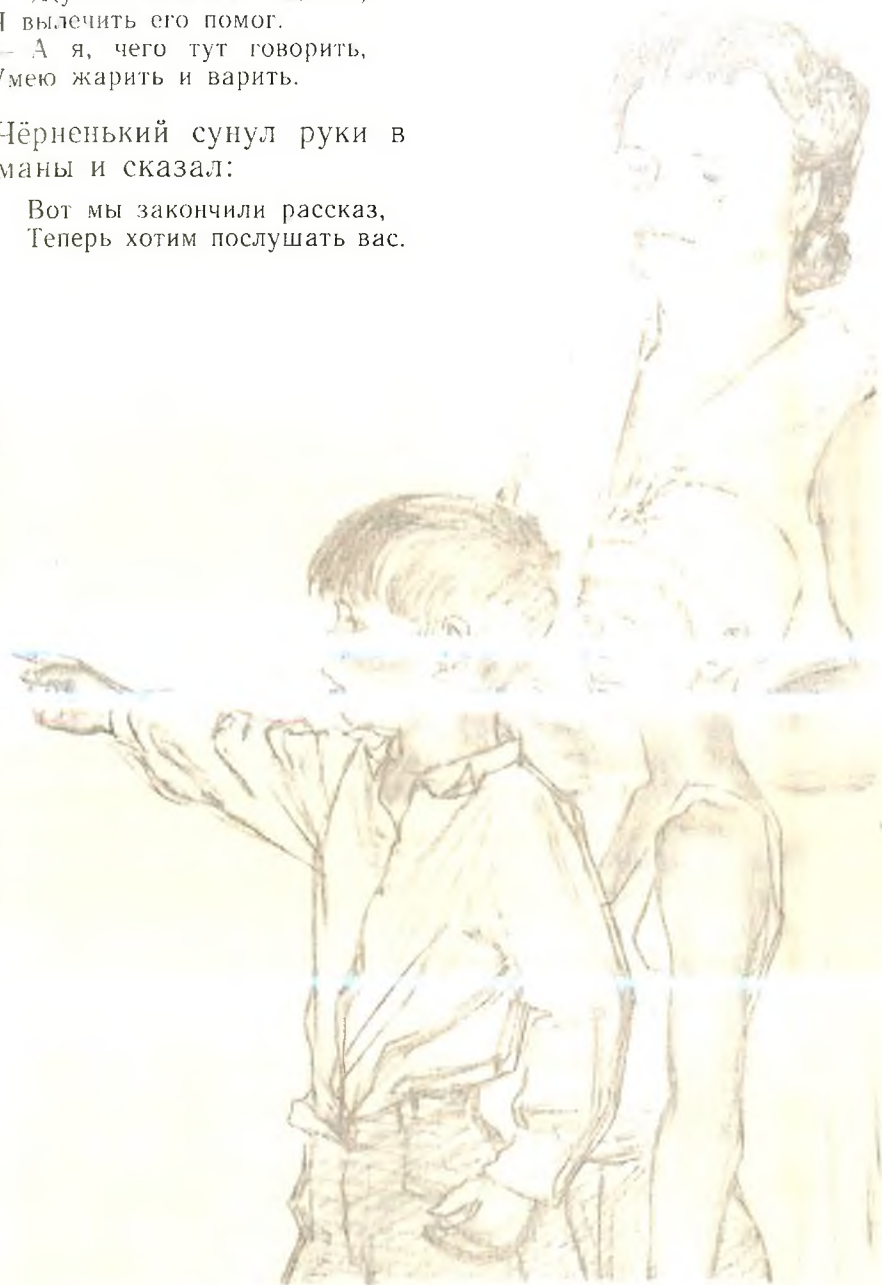

А городские всё стихами
кроют:

У Жучки заболел шенок,
Я вылечить его помог.
— А я, чего тут говорить,
Умею жарить и варить.

Чёрненький сунул руки в
карманы и сказал:

Вот мы закончили рассказ,
Теперь хотим послушать вас.

— Ловко! — крикнул председатель колхоза и первый захлопал своими ручищами. — А ну-ка, что, деревенские, скажете?

Мы тоже все захлопали и начали выталкивать Шурку.

— Чего вы!.. — отбрыкивался он. — Не пойду я.. Чего я там забыл...

— Ну, Шурик, — попросила Евдокия Петровна, — скажи своими словами... Он сейчас своими словами скажет...

Но Шурка весь покраснел, напыжился:

— Сказал, не пойду!.. Чего я там забыл!..

Хлопать в это время на площади кончили. Городские смотрели на нас и ждали. А председатель колхоза просто глазами нас ел. И в это время мне в голову пришла одна мысль.

Я повернулся к Евдокии Петровне и говорю:

— А вот можно я скажу?

Все наши тут обрадовались:

— Вот Антошка скажет, у него язык подвешен!..

Евдокия Петровна еле губами шевелит:

— Правильно, Антоша, скажи...

Я ВЫБРАЛСЯ НА СЕРЕДИНУ

Я выбрался на середину, и сзади меня так затихли все, что можно было подумать, что никого и нет. Я оглянулся на всякий случай, в кулак кашлянул и слышу, кто-то мне шепчет:

— Ну, Антошка, ну!..

Уставился я на девчонку с чёлкой и говорю:

— Вот, мне даже очень приятно, что вы к нам приехали сюда и всякое такое хозяйство...

Только чувствую, дальше слово никакое не идёт, ну, не идёт слово!..

Смотрю, председатель колхоза шурится, за папиросами лезет, ждёт. И женщины с детьми вперёд пионерского строя повылазили, тоже, значит, ждут. И старушки кильковские ждут, а среди них моя бабушка. Оглянулся я на своих, а те стоят притихшие, рты пооткрывали. «Ну, — думаю, — нет мне обратного ходу, надо что-нибудь говорить».

И тут повернулся этак боком, смотрю, а за рекой деревня

моя любезная, Равенка, прилегла на горке, аккуратная вся, подобранная, ни одного колышка лишнего не торчит.

Стало мне жарко вдруг, что-то внутри у меня колотнуло, я вперёд шагнул и говорю:

— Мы хоть и кидались вчера вениками, а всё равно очень рады, что вы к нам приехали сюда. Только это не совсем к нам получается, потому что деревня-то наша — Равенка, во-он она на горке стоит, а эта деревня Кильково, он кильковский, Шурка-то, который отказался говорить. Как же она, наша Равенка, у вас в картах не обозначена, вот чего я не понимаю, её обязательно обозначить надо, потому что другой такой деревни нет во всём белом свете, хоть Россию, хоть и Америку возьми! В Кильково, конечно, тоже есть свои преимущества, у них клуб вот, и магазин, и автобусная остановка, но с Равенкой Кильково не сравнится, поскольку у них даже рыба не так хорошо берёт и комаров больше, а в Равенке у нас ветерок.

Тут такое кругом поднялось! Кильковские сзади меня загудели, и березницкие, и бреховские, а впереди городские смеются.

Я говорю:

— Вы не смейтесь, не смейтесь, у нас тут с кильковскими из-за этого такая распря выходит, завидуют они нам, иначе зачем бы кильковские трактористы дорогу нашу распахали, разве ж так можно, и куда это председатель глядит!.. Или скажем, шофёр дядя Коля, зачем нас сегодня в крапиву высадил, ведь это нехорошо, больно!..

Хотел я ещё про Любу сказать, а также про пастуха дядю Лёшу, да тут и так уж слишком много шуму поднялось.

— Ну, а за веники, — говорю, — вы нас, конечно, извините, мы за Шуркой Шаровым охотились, да обозначка вышла. Вот на этом я и заканчиваю, а сейчас вам Евдокия Петровна цифры скажет!..

Евдокия Петровна как крикнет:

— Да полно, Антоша, не буду я никакие цифры говорить!

А на площади — мать честная! — хохот стоит, пионеры до корчи смеются, председатель колхоза аж приседает, не поймёшь — не то хохочет, не то кашляет.

Евдокия Петровна кричит:

— Заходите все в клуб!

ПОСЛЕ ЭТОГО У НАС ВСЁ ТУТ ПЕРЕМЕШАЛОСЬ

После этого у нас всё тут перемешалось, пионерский строй рассыпался, все повалили в клуб.

Я кричу:

— Федяра, первый ряд занимай, Федяра!..

Но Федяру где-то там притиснули. Я сам чуть не первым в клуб ворвался. Зацепился в торопливости своей за лавку и вместе с лавкою на пол — грох! Но всё же успел занять первый ряд для наших, для рavenских.

— Равенские! — кричу. — Санька, Ванька, сюда!

Но тут Куканов, который вчера за нами погнался, подбежал и плюхнулся на нашу лавку.

Я говорю:

— Ну, ты чего?

Он говорит:

— А ничего!

Я говорю:

— С нашего места — как с солёного теста!

Куканов сидит и за лавку держится.

— А птичку, — говорит, — видел?

Я говорю:

— Может, на травку выйдем?

Он говорит:

— Выйдем!

А сзади девчонка с чёлкой сидит.

— Серёжа, — говорит, — иди к нам.

Куканов перешагнул во второй ряд и говорит мне:

— Ещё встретимся...

Я говорю:

— Встретимся...

— Потолкуем...

— Потолкуем...

— Ну и молчи!

— Ну и сам молчи!

А девчонка с чёлкой:

— Ну, чего это вы, мальчики... А ещё такую хорошую речь сказал.

Тут мальчишка чёрненький вышел на сцену, руки в карманы сунул и говорит:

— Начинаем наш концерт! Первым номером нашей программы...

Сзади ему шепчут:

— Руки, Ломтик, руки!..

Чёрненький вынул руки и продолжает:

— ...выступает пионер третьего отряда Миша Ломтев. Песня, которую мы всем отрядом сочинили, называется «Вечерняя лагерная». Её, правда, надо петь на мотив «Варяга», но я пою очень плохо, поэтому я её вам прочитаю.

Наверх вы, товарищи,
все по местам.
Ещё одна ночь наступает,
Врагу не сдаётся наш
гордый отряд,
На койку никто
не желает.

Все городские засмеялись, захлопали и оглянулись на Полину Марковну. А она сзади крикнула:

— Ты что это, Миша, ты что?..

— А я то стихотворение забыл, Полина Марковна!

— Пусть читает! — закричали все. — Пу-усть!..

И мы на первом ряду закричали:

— Читай, читай!

Тогда чёрненький сунул руки в карманы и сказал:

Гремит, и шумит, и грохочет кругом,
Подушки летят, как снаряды,
И стал наш бесстрашный и гордый отряд
Подобен кромешному аду.

После каждого куплета мы так смеялись и хлопали, что чёрненький сам покатывался от хохота и даже не мог читать.

— Руки из карманов, Миша!.. — шептала ему девчонка с чёлкой, но он уже ничего не слышал.

Потом вышла долговязая рыжая девочка. Она отвернулась в сторону и запела:

Ви-ижу чу-удное приво-олье...
Ви-ижу ре-еки и леса-а...

Я посмотрел в ту сторону и говорю:

— Где? Где?

Сзади нас засмеялись, а Куканов сказал:

— Эй, ты, не мешай!..

В это время Мишка высунулся из-за кулис и стал делать мне какие-то знаки, как будто приглашал на выступление.

Я говорю:

— Выступать, что ли? Не...

Вдруг сзади меня встала девчонка с чёлкой, прыгнула на сцену и убежала за кулисы. Оказывается, это он её звал.

— Выступает Лена Скворцова, — сказал чёрненький. — Акробатический этюд.

На сцену Лена Скворцова вышла в одном купальнике. Она стала наклоняться в разные стороны и делать всякие движения руками. Позади кто-то засмеялся и засвистел. Я тоже свистнул.

Куканов за моей спиной говорит мне:

— Ты, оратор, кончай!..

Я говорю:

— Я начал, а ты кончи.

Он говорит:

— Схватишь...

Но тут Лена Скворцова встала на стойку, и все в зале захлопали. Потом она сделала мостик и под конец шпагат. Все захлопали сильнее прежнего, а Куканов закричал.

— Би-ис!

А я:

— Головой вни-из! — и свистнул.

Он говорит:

— Ещё встретимся...

Я говорю:

— Встретимся...

— Потолкуем...

— Потолкуем...

— Ну и молчи!

— Ну и сам молчи!

В это время Мишка высунулся из-за кулис и снова стал делать мне какие-то знаки, как будто приглашал на выступление.

Я говорю:

— Выступать, что ли?... Не...

Но со второго ряда встал Куканов и

пошёл на сцену. Оказывается, во втором ряду сидели одни артисты.

— Следующим номером нашей программы, — сказал Мишка, — выступает фокусник Валя Куканов.

— Значит, так, — хмуро сказал Куканов. — Вот у меня в руках шарик от настольного тенниса. Сейчас я его проглочу. Внимание!.. Я его глотаю — хоп! И шарика нет. Ловкость рук и никакого мошенства.

Все захлопали. Федяра говорит:

— Во обманывает! Давайте за ним следить!

Давай-ка, думаю, посмотрим, как это никакого мошенства, и стал во все глаза смотреть, что делает Куканов. Но из-за кулис высунулся Мишка и опять помахал мне рукой. Я оглянулся. На втором ряду позади меня больше никого не было.

Я говорю:

— Ты что, меня?..

Он кивнул. Я говорю Федяре:

— Федяра, раз он так просит, я уж пойду, взгляну, что у них там за кулисами, а ты за фокусником поглядывай...

Вошёл я за кулисы, а там Лена Скворцова стоит, рыжая певица и Мишка. Он говорит:

— Значит, так, тебя как звать?

Я говорю:

— Антоном. А что?

Он говорит:

— Мы тебя сразу наметили.

Я спрашиваю:

— Выступать, что ли?

— Да нет. Вот все сейчас пойдут колхоз смотреть, а мы давайте отколемся.

Я спрашиваю:

— А Куканов пойдёт?

— Куканов-то? Куканов куда хочешь пойдёт!

Но мне не хотелось, чтобы с нами Куканов пошёл. В это время он как раз кончил показывать свои фокусы и подошёл к нам.

В зале хлопали.

— Ну, пошли, — говорит Мишка, — тут у вас со сцены есть дверь на улицу, я уже посмотрел.

Куканов говорит:

— Ты поди объяви, что концерт окончен!

А Мишка отвечает:

— Ничего, пусть посидят.

ЗРИТЕЛИ ОСТАЛИСЬ

Зрители остались, а мы вышли на улицу позади клуба, Куканов всё подальше от меня держится, а я к нему и не очень стремлюсь. Я иду рядом с Леной Скворцовой.

— Понимаешь, чего наша концертная бригада больше всего хочет, — говорит Мишка. — Наша концертная бригада больше всего хочет чего-нибудь такого вашего пожевать! Например, кислой капусты!

— Да! Да! — говорит Лена. — Или соленых огурцов!

— Огурцов можно и свежих! Или ещё вот этой... брюквы!

— И репы! И моркови! — кричит Мишка. — И капусты! И турнепса! Чтобы всё время грызть, грызть, грызть!..

Я говорю:

— Не кормят вас, что ли?

— Кормить-то кормят, да всё такое мягкое, сладкое, перетёртое. А мы хотим, чтобы хрустело! Чтобы рот вязало! Вот мы тебя и наметили.

Вдруг за стенкой клуба захлопали, затопали, засвистели.

Мишка говорит:

— Сидят куда ещё, надо бежать!

Я говорю:

— Ну, тогда айда в Равенку!

— Ой, как я хочу в Равенку! — захлопала Лена Скворцова. — Я ещё вчера, когда вы на нас напали, в Равенку захотела!

И мы быстро пошли по дороге.

Мишка говорит:

— Знаешь, Антон, я думаю, что я даже стих сочиню про то, как ты любишь свою деревню. Он будет начинаться так: вот моя деревня, вот мой дом родной. То есть, конечно, это твой дом и твоя деревня, но там вместо тебя я буду, это всегда в стихах такая ерунда.

Я говорю:

— Давай!

Вдруг от клуба закричали:

— Вон они! Вон они!

— Кажется, нас усекли, — говорит Мишка. — Давайте бегом!

Мы побежали, но за нами погнались на велосипедах. Шурка с Тришкой подъехали и говорят:

— Куда это вы? А как же футбол? Евдокия Петровна уже футбол объявила! Это ты их, Антоша, сманиваешь?

— Ничего я не сманиваю!

— Нет уж, если вы к нам приехали сюда, то давайте проводить товарищескую встречу.

Мишка говорит:

— Так разве у нас не товарищеская? И вы товарищи, и они товарищи, и все мы товарищи!

НА ФУТБОЛЬНОМ ПОЛЕ

На футбольном поле мы, конечно, разделись до трусов. Я оглядел всех наших. Труссы были на всех неплохие, справные. Кильковские к нам подходят и спрашивают:

— Ну, кто у нас будет капитаном сборной?

Я отвернулся от них, а Федяра кричит:

— Как кто, конечно, Антон!

— А почему это Антон, а не Шурка? — спрашивают кильковские.

— Шурка такого авторитету у нас не имеет.

— А у нас Антон, может быть, не имеет авторитету!

— Как так, — кричат, — не имеет, вон он какую речь сгрехал! А Шурка ваш губы развесил: не хочу да не могу!..

Я думаю: пусть себе спорят, мне дела нет. Я речь сказал — и ладно. На поле уже Сенька Морозов свистит.

— Команды, — спрашивает, — готовы?

Пионеры кричат:

— Готовы!

— Капитаны, ко мне!

Сенька-то Морозов бросил кривляться, как судьёй назначили, сразу стал человеком, порядки наводит, в свисток свистит.

Смотрю, бежит к центру поля Куканов. Майка на нём красная, а трусы синие. А у меня майка хоть и целая, а цвета не поймёшь какого. Вот я и вовсе майку снял.

А наши всё с кильковскими спорят: имеет авторитету, не имеет авторитету.

Сенька кричит:

— Долго ли вы будете капитана выбирать?

— Да мы уже выбрали, — кричит Тришка, — только вот они никак не соглашаются!

Тогда Сенька к нам с Шуркой подошёл, травинку сорвал и спрашивает:

— Петух или курочка?

Я говорю:

— Петух!

И выпало Шурке быть капитаном сборной команды.

Я плюнул в сторону, майку надел, всё равно теперь, какого она цвета.

— Ну, — говорю, — капитан, куда вставать?

Шурка затоптался, забегал.

— Так! — говорит. — Ты в нападение!.. Ты в полузащиту!..

Я спрашиваю:

— Левый край, правый край?

Он говорит:

— Правый!

Я плюнул и говорю:

— Дело твоё, конечно, но учти, у меня левая нога сильнее.

И ещё раз плюнул. Да ну их совсем! Не понимает Шурка игры, вон Ваньку в ворота поставил, а разве ж можно его в ворота, разве Саньку с Ванькой можно разлучать?

Я говорю:

— Нельзя их разлучать-то, капитан липовый!

Но тут мне Лена Скворцова рукой помахала.

Я кричу:

— Эй!..

Снял я снова свою майку, завернул вместе с другими одежками в узел. Подбегаю к Лене и говорю:

— Посторожи.

А Лена уже где-то щавель нарвала, сидит, улыбается и ест.

Я говорю:

— Ты этот кильковский щавель выброси, я тебе после футбола морковок нарву! И огурцов солёных попрошу у бабушки.

А Лена всё равно улыбается и ест щавель.

«Ну, — думаю, — я сейчас забью, держитесь, килечки!»
Тьфу чёрт, забыл, что мы с ними в одной команде играем. Жалко, нашего Коли Семихина нет!

Вышел я по свистку на мяч, веду прямо на Куканова, а слева Шурка кричит: «Пас! пас!» «Подожди, — думаю, — какой пас, дай мне к воротам вырваться». А тут Сашка из ихней полузащиты набегаёт, ногой сучит перед самым носом, толкается, но у меня не так легко мяч отобрать.

— Пас! Пас! — кричит откуда-то издалёка Шурка, но тут мне и вовсе не до паса, налетели на меня двое городских, чуть с ног не сбили и отобрали всё-таки мяч.

Гляжу я на Лену Скворцову, а она всё сидит, улыбается и щавель ест. Возле неё мой узелок лежит с одеждой.

А мяч уже где-то там, у наших ворот, Санька с Ванькой вовсю пыhtят, стараются, эх, думаю, жаль, Коли Семихина нет!

Я мимо Лены пробежал и кричу ей:

— Эх, жаль, нет нашего Коли Семихина! А то бы мы дали!

Только что же это за свалка у наших ворот, что за крик, что за паника? Да никак гол!

Так и есть, забили нам городские гол в результате острой борьбы!

Подлетаю я к Шурке и кричу:

— Ах ты, стукнутый капитан, кого же ты в ворота поставил, разве можно Ваньку, ты Тришку поставь, он всё равно правил не знает, а уж умеет мяч ловить, килька ты маринированная!..

А Шурка мне и отвечает:

— Ах ты, одиночка кустарная, ты слышал, я тебе кричал «пас», почему же мяч не посылал, а один мотался, как овечий хвост, ничего ты в коллективной игре не понимаешь!

Хотел я ему двинуть, сцепились мы, но тут Сенька со свистком подбежал:

— Фр-р-р!.. Прекратить!

Начали мы с середины поля. «Ну, — думаю, — чтоб я тебе мяч дал, никогда не бывать этому».

Помчался я по правому краю, а впереди меня Куканов с Шуркой за мяч борются. Оттолкнул я Куканова, Шурке подножку поставил, веду мяч к воротам противника, тут на меня набегают, я обвожу — удар! Мяч уходит на угловой.

Сзади подходит Куканов и говорит:

— Ты чего?

Я говорю:

— А ничего!

— Схватишь!

— Сам схватишь!

— Может, на травку выйдем?

— Пойдём!

Но тут выбили мяч. Бросились мы с Кукановым в середину поля, а там уже свалка, Федяру наземь повалили, а он лежит и в руках мяч держит, ну что за бестолковая такая команда!

Назначили нам штрафной.

Я кричу Шурке:

— Ты что, не видишь, Федяра руками мяч хватает, его же надо в ворота ставить, сейчас как дам!..

Но тут подали мяч, Куканов взял его с третьего паса и по нашим воротам как вдарит!..

И забили нам ещё один гол в результате острой борьбы.

«Вот тебе, бестолочь, — думаю, — так тебе и надо, не понимаешь ты по-хорошему, килька ты безголовая, никакой у тебя тактики нет!»

Городские кричат, наши свистят, я кричу Шурке: «Нет у тебя тактики!» Посмотрел я, что там Лена делает, а она смеётся и щавель ест.

«Ну, — думаю, — сейчас забью, нет больше терпения, понесусь я к воротам, как ураган, как трактор с прицепом, хватит нашу Равенку позорить, нам дорога наша честь».

Вырвался я вперёд, но тут мяч отбили, я за ним, со мной рядом Куканов, Шурка где-то кричит: «Пас! Пас!» Куканов мяч отобрал, отдал Сашке, Сашка мне, я смотрю — в воротах Тришка стоит! Ага-а, святые угодники, вот вам наш равенский привет — бац! Ур-ра, гол! Тришка чего-то орёт, с кулаками на меня лезет, ба-а-тюшки, думаю, куда ж я забил!.. Тришка-то за нашу команду играет! Когда ж его в ворота поставили?.. Все орут вокруг меня, кулаками потрясают, а громче всех Шурка кричит.

— Тише! — говорю. — Чего вы раскричались, кильковские подмастерья! Что же вы не предупредили, что Тришку поставили! Не понимаете, что ли, что привык я по вашим воротам бить!..

И пошёл я с поля напрямиком к Лене Скворцовой.

— С такими занудами, с такими удавленниками, — говорю, — разве можно играть!

Взял я узелок и пошёл прочь.

— Я, — говорю, — Лена, сейчас тебе морковки лучше нарву.

А сзади свисток судейский заливаются. Шурка кричит: «Пас! Пас!»

«Вот, — думаю, — как дам сейчас в глаз!»

ПРИШЁЛ Я К БАБУШКЕ

Пришёл я к бабушке, а она сидит на лавочке и смотрит перед собой.

— Ты, — говорит, — чего, Антон Иванович, великому-чеником таким ходишь, и узелок под мышкой. Ай обидел кто?

Я говорю:

— Да ну их, бабушка, нет у меня больше мочи терпеть ваших кильковских!

— А ты с худыми ребятами не водись.

— Так они все у вас худые, кого ни возьми, что ты будешь делать!

— Ах, батюшки, — говорит бабушка, — вот ведь на нас какая напасть!

— Я говорю: Федяру в ворота ставьте, а они Ваньку, а ведь Ванька без Саньки всё равно что очки без глаз!

— Ах ты, какая напасть, — говорит бабушка.

— А если Тришку ставить, то ведь предупреждать надо, я, может, оттого и перепутал ворота, да тут ещё Куканов под ногами вертится...

Бабушка говорит:

— Ах ты, какая напасть...

Я говорю:

— Бабушка, я пойду морковки сорву.

— Сорви, сорви, мой сударь, — отвечает бабушка, — утешься.

Только я хотел идти, смотрю — Слава-киномеханик два ведра воды несёт, и прямо бабушке в дом.

Так я и замер. Я говорю:

— Зачем он-то здесь у тебя, бабушка?

А она отвечает:

— Жениться он, голубчик, надумал, а невесту вести некуда, не обзавелся еще, вот в квартиранты ко мне и напросился, пусть живут.

Я говорю:

— Ах вот ты как, бабушка, значит, и вашим, и нашим!..

— И вашим, сударь, и нашим, — отвечает бабушка.

«Вот он, — думаю, — какую старушку нашёл одинокую, вот куда Люба-то из Равенки перебирается!»

А бабушка рада, что не одна в доме будет, знай себе твердит:

— Я и вашим, сударь, и нашим, и всем.

Нарвал я пучок морковки, вышел с огорода прямо на берег, чтобы ополоснуть морковь-то, а с футбольного поля крики несутся. И Лена Скворцова где-то там сидит, Куканову улыбается.

Сел я в траву перед своей деревней Равенкой и, значит, это... заревел.

АХ ТЫ, КОСИТЬ КАК ВЗЯЛИСЬ

Ах ты, косить как взялись, я проснулся только, а кильковские трактористы уже почти весь луг расплосовали! Стрекот стоит за рекой, воронье летает, а солнце вон как жарит, может, завтра будут стога метать. Выйдут все, у кого вилы из рук не валятся, весело будет, нас хоть и не позовут, а мы тоже пойдём. Будем квас пить из большой бадьи, со стогов будем в сено прыгать, а в обед, может, лектора привезут, про международную политику читать.

Только что-то гложет меня, подраться с кем-нибудь хочется, уж так гложет. Куда, думаю, девать себя, глаза куда прислонить.

На амбулаторию глянешь — там Люба...

За реку — там Кильково...

Направо — там пастух дядя Лёша...

А налево поглядишь, то совсем плохо — там дорога, по ней городские пионеры два дня назад уехали, а память свою оставили, особенно Лена Скворцова, как она морковку ела и рукой мне махала, мол, прощай.

Федяра свистит за изгородью, меня к себе манит, Санька с Банькой, саманно, как перед домом с моей собачкой играют, а я в огороде сижу, траву сорную дёргаю, стручки гладаю, а меня гложет тоска. И подумаю, что мне спать надо — Митю искать.

КОЛЯ ТАРАТАЙКУ СМАСТЕРИЛ

Коля таратайку смастерил взамен тех носилок, теперь издали слышно, как он Вовку везёт. Скрипит колесо, задевает раму на каждом обороте, а ничего таратайка, неплохая, Вовка доволен, только бабка Тарариха на Колю ругается:

— Колька-а, не ехай так шибко, не ехай, убьёшь ребёнка! Вот погоди, скажу матери-то!..

И Вовку прилащивает:

— Поди сюды, желанный, разучат эти атаманы тебя ногами-то ходить.

А Коле того и надо, подкатил он таратайку к бабке, хо-

ди, Вовка, ногами, пасись возле бабки! А мы пустых бутылок дома взяли и пошли в магазин.

Пришли к магазину, а на нём три замка навешено. Николай Сизиков, который ближе всех живёт к магазину, кричит нам:

— Не ждите, эй, равенские! Она картошку окучивает!..

Видишь, нашла время картошку окучивать. А тут и автобус уже по кильковской дороге трясётся, расписание выдерживает; это хорошо, что он выдерживает расписание, а как же с деньгами быть?

Встал автобус, дверца нараспашку, дядя Коля пошёл в сельсовет напиться воды. Хоть бы, думаю, кильковские нас не заметили.

Я кричу:

— Ты не говори, Сизиков!..

— Чего не говорить?

— Ты не говори, что мы в Красную Гору поехали!

— Моё дело маленькое, — отвечает Сизиков, — чего это мне говорить.

Влезли мы в автобус, уселись все на заднее сиденье. А чего уж, рисковать так рисковать.

В автобусе народу немного: почтальонка весёлая, две студентки, зоотехник в пиджаке и при галстукe и три тётки.

У почтальонки место своё, ~~переднее боковое~~, она тут как хозяйка, в автобусе.

— Что, — говорит, — жёнки, в город?

— Да, — отвечают тётки, — кой-чего надо закупить...

Пришёл дядя Коля.

— Ну, все сели? — спрашивает.

Почтальонка говорит:

— Я здесь, значит все, ха-ха-ха-ха-ха!

Вдруг он нас заметил. А мы притихшие сидим, в диван так и вдавились.

— А эт-то ещё куда? — спрашивает дядя Коля. — Обратнo в крапиву захотели?

А я-то знаю, что бояться особо нечего, по этой канаве крапива не растёт.

— Нет, дядя Коля, — говорю, — нам в Красную Гору надо! Мы заплатим!

— А ну обилечивайтесь!

— А у нас бутылки!

Дядя Коля как увидел наши бутылки, так и загоготал:
— Ну что ты, — говорит, — будешь с этой публикой делать!

— Мы сядим в Красной Горе, — кричу, — дядя Коля, наша-то продавщица картошку окучивает, кто ж её знал!

Почтальонка говорит:

— Николай, что-то у тебя задний диван сильно колотится, пыль только подымает, пусть они на нём посидят, ха-ха-ха-ха!

— Ну, сидите, — говорит дядя Коля. — Только не баловать.

Заёрзали мы на сиденье от радости, затискали друг друга!

Зачем мы будем баловать, мы и так посидим.

ТРОНУЛСЯ АВТОБУС

Тронулся автобус — что тут началось! Стёкла в рамках задребезжали, диваны незанятые запрыгали, пыль повалила — студентки носы отвернули, через платочки дышат — ба дтяшки! Зато едем, не пешком идём.

Эх, хорошо в автобусе ехать, впереди мотор гудит, колеса внизу крутятся, дымом эдаким водри шкочит, а мне и тряска нравится, и ветер в окно, — сразу видно, что едем, не пешком идём!

Долго ехали, все пылью обволоклись.

В окошке места незнакомые проплывают: то ельничек, то березничек, то поле овсяное, то люпин. «Эх, ельнички, да и березнички, а не ходите вы по улице, бездельнички...» И косят везде, косят траву, где косилками, где вручную.

А деревни всё чужие, непонятные, ух как много на пути деревень! И возле каждой дядя Коля остановится, тут бабушку посадит, там мужика возьмёт. Одних почтальонков уже трёх набрал, не считая нашей, они все одинаковые: сумка через плечо и молоко на продажу в четвертях. Наша почтальонка молока не везёт, нету у неё коровы. Зато она самая весёлая, кто ни войдёт, всякого заденет.

— Ну что, андреевские, и у вас нету дождя?

— Какой дождь, земля, как зола, вон дорогу всю в порошок перетёрло.

— Зато сено высушите, ха-ха-ха-ха-ха!

В деревне Марьинской влезли в автобус два парня, рубахи у них расстёгнуты, кепки на затылках.

Повалились они на сиденье впереди нас, один и спрашивает:

— Пассажиры, у вас в бутылках чего?

Я говорю:

— А ничего.

Вдруг смотрю, из Федяриной бутылки вылезает какое-то насекомое, посидело на горлышке и полетело. Впереди нас люди руками замахали. Почтальонка говорит:

— Ой, Николай, да у тебя никак тут пчела!

— Да не одна, — кричат тётки, — ай, ай!..

Тут почтальонка закричала:

— Тормози, Николай, тормози, их тут целый рой!

Студентки завизжали, почтальонки закричали, парни кепками размахивают.

— Спасайся кто может!..

Дядя Коля на обочину автобус отвёл, выпрыгнул на дорогу, спецовку на голову натянул и кричит:

— Эй, кто пчёл везёт, признавайся!

А в автобусе все повскакали с мест, к выходу проталкиваются. Студентка одна даже плачет, а почтальонка наша на улице визжит.

— Это кто же у меня тут хулиганничает? — спрашивает дядя Коля. — Я их бесплатно, как говорится, обслуживаю, а они мне рейс решили сорвать?..

А у нас тоже пострадавшие имеются: Саньку пчела ужалила, Ваньку пчела ужалила, я на них указываю.

— Нет, — кричу, — дядя Коля, нет!

— А как же это пчёлы в салоне появились? Сами от себя завелись?

«Ну, — думаю, — Федяра, разбирайся теперь сам, вишь чего нахулиганил, ведь ехали, как культурные люди, так нет!»

А дядя Коля говорит:

— Та-ак, сейчас мы с вами тут разберёмся. Граждане пассажиры, подходи.

Все и так уже нас окружили, просить не надо. Студентка заплаканная за щёку держится, марьинский парень шею подтирает, почтальонки на нас как на хулиганов глядят.

— А не надо было и сажать их!

Мы говорим:

— Поняли! Поняли!

— Будете ещё шkodничать?

Мы говорим:

— Нет, дядя Коля, нет!

— Ну, полезай.

ПРИКАТИЛИ МЫ В КРАСНУЮ ГОРУ

Прикатили мы в Красную Гору, это большое село! На площади два каменных дома, всякие тут у них магазины, парикмахерская имеется, улицы в разные стороны по горе ползут. Даже из всех наших окрестных деревень не сложить бы Красную Гору, вот какво село. Посреди площади бочка серебряная, на ней написано «Квас». При бочке сидит тётка с зонтиком, кто к ней подойдёт, тому она и наливает.

Вот куда Митя поехал, где ж его тут искать? Ведь народищу кругом ходит, кто с ведром, кто с кошёлкой, кто с книгой, а одна тётка впереди себя катит коляску. Я говорю Коле:

— Гляди, какая коляска.

А он говорит:

— Да-а, дела...

Федяра говорит:

— Вот люди живут! Квас бочками потребляют!

Коля остановился и стал какую-то вывеску читать:

— «Сдавайте ягоды и грибы по пре... по преЙ-ску-ранту...» Это по какому, значит, преЙскуранту?

— За деньги небось, — говорит Федяра.

— Это грибы-то?.. Да-а... — говорит Коля. — Вот люди живут.

Стоят наши равенские посреди площади с бутылками в руках и по сторонам глазуют.

Я говорю:

— А всё-таки нет у них такого простору. И реки у них нет.

А меня никто не слушает.

— Чего, — говорю, — разглазелись, бутылки надо идти сдавать.

В МАГАЗИНЕ БЫЛА ДЛИННАЯ ОЧЕРЕДЬ

В магазине была длинная очередь, продавщица всем колбасу отвешивала. Мы к прилавку протиснулись, я спрашиваю:

— Примете ли у нас бутылки?

Все тут загудели:

— В очередь, в очередь, Зина, не принимай у них!

Я говорю:

— Не встравайте. Примете ли у нас бутылки?

Продавщица говорит:

— Приму, когда очередь подойдёт.

Федяра спрашивает:

— Почём колбаса?

Продавщица кричит:

— Да не лезьте к товару, подите вы отряхнитесь! Вон какие блондины, на них же можно рисовать!

Санька с Ванькой хлопнули друг друга, а от них пыль повалила клубами.

— Да не здесь, не здесь, на улице!

Я говорю:

— Граждане, не обижайтесь, мы на автобусе ехали, а дождика то всё мет, дорогу в пыль перетёрло, а кто из вас местные, тот, может, и знает нашего Митю, он на баяне хорошо играет, сам-то он разенский, а теперь где-то тут у вас живёт!

В очереди все замолчали, а потом заговорили друг с другом:

— Митю?.. Это какого же Митю? Не Андрея Петровича зятя?

— А может, Митрия-Матюху?

Продавщица говорит:

— Да полно, разве он на баяне играет? Что-то я не слышала.

— А может, Шуры Семичевой сосед?

— Это который пожарник?

Я говорю:

— Да нет, он не пожарник!

В это время Коля запнулся за пустой ящик, Коля не виноват, я видел, из ящика железяка торчала. И Коля упал, и ящик упал.

Продавщица кричит:

— Зачем трогаешь тару?

Федяра говорит:

— Колбаса-то почём?

— Ну, бог послал архаровцев, — говорят в очереди. — Зина, отпусти ты их, проклятущих, а то они тут тебе наде-
лают делов.

Нам дали шестьдесят копеек за пять бутылок, шестая оказалась с браком, это пятью десять — будет пятьдесят, да ещё пять на два, ноль пишем, один в уме.

НА ПЛОЩАДИ ФЕДЯРА СРАЗУ СПРАШИВАЕТ

На площади Федяра сразу спрашивает:

— Интересно, а почём квас?

Я говорю:

— Да не приценивайся ты, Федяра, не приценивайся! Всё равно мы дяде Коле должны, ещё не хватит, так что ты эту идею из головы вынь да брось.

Федяра говорит:

— Я идею выбросил, а просто спрашиваю для интересу

Вдруг Санька говорит:

— А вон куварин...

Смотрим — и правда, навстречу нам Куварин идёт. На нём новая кепка, а сзади ярлык болтается. Подошёл он к нам и говорит:

— А я видел, как вы на автобусе приехали.

Я говорю:

— Куварин, ты как здесь?

Он отвечает:

— Я ещё раньше вашего. Моя мама в рядах картошкой торгует, вот почему я и здесь.

А мы когда шли, то сразу заметили, что в боковушке между двумя улицами есть торговые ряды.

— А я себе фуражку купил, — говорит Куварин.

Федяра спрашивает:

— Почём фуражка-то?

Куварин отвечает:

— На два семьдесят.

Коля хотел оторвать ярлык у его фуражки, но Куварин увернулся и говорит:

— Ты-ы, не отрывай!..

— А куда ты идёшь? — я спрашиваю.

— А куда, — говорит Куварин. — В рядах мне сидеть надоело, магазины я уже все обошёл, так что никуда не иду. А сейчас только шёл к вам.

Я ребят спрашиваю:

— Может, мы его с собой возьмём?

Тут Коля отвернулся.

Я говорю:

— Куварин, ты не проболтаешься? Мы ведь Митю идём искать.

Куварин говорит:

— Нет, я не проболтаюсь.

— Ну, иди с нами. Ребята, он же наш, равенский, пусть он с нами идёт.

Куварин говорит:

— Я же ваш, равенский. Вот хотите, пойдёмте квасу напьемся?

Федяра тогда говорит:

Ребята, он же наш, равенский, пусть он с нами идёт!

Тогда все мы пошли к бочке с квасом.

Тётка из-под зонтика говорит:

— Вон ты, который в новой кепке, ты уже сегодня третий раз.

Куварин отвечает:

— Да, я сегодня третий раз.

— Мать-то картошку расторговала?

— Полмешка только, — говорит Куварин.

— Плохо, плохо идёт картошка, — говорит тётка. — А вы на кильковском автобусе давеча приехали, ко мне не подошли, а сразу в магазин.

Я говорю:

— Правильно, а как вы заметили?

— А я, — говорит тётка, — недаром посреди площади сижу, я всё вижу, всё! От меня не утаишься!

Куварин говорит:

— Трижды шесть... двадцать четыре... Каждому по маленькой и сдачи шесть копеек.

— А вы чего приехали? — спрашивает тётка. — Так, от баловства, или по делам?

Я говорю:

— По делам. Дела у нас, мы Митю хотим отыскать нашего равенского. Он у вас на учёбе, а в деревне Люба осталась.

— Это который с баяном приехал?

Я даже квасом поперхнулся.

— Да! — кричу. — Да!

— Что-то давненько его не видела, — говорит тётка.

Я кричу:

— Да где же он живёт?

— Вон на квартире у Мухина, у своо дяди; пойдёте прямо, потом по Разуваевке, по левую руку четвёртый дом, у них ещё куры марганцовкой меченные, а в палисаднике мальва растёт.

ВОТ МЫ ПО РАЗУВАЕВКЕ ИДЁМ

Вот мы по Разуваевке идём.

Дома у них все хорошие, тесом обшитые, разными красками выкрашены и на каждом доме номер висит. Отсчитали четвёртый дом по левой руке. Встали на крыльцо и стучим.

Долго никакого ответа не было, а потом в доме что-то загремело, зашевелилось — и мужской голос спрашивает:

— Чего надо?

— Дяденька, нам Митю!

Там помолчали и говорят:

— Никого нет.

Я говорю:

— Митя-то где у вас? Вы сами-то Мухин будете?

Тогда дверь открылась — и в ней появился сонный дядька. Он губами почмокал, зевнул и говорит:

— Я-то Мухин, а вот вы кто? Чего вам надо?

Я говорю:

— Мы равенские, Митины земляки!

— Ну и я, — говорит, — равенский. А чево? На кой вы мне тут сдались, таковские земляки, хоть бы и Митьки?

Я говорю:

— Да где же он?

— Уехал, шалабер, — отвечает дядька, — стало быть, в областной центр.

Отступили мы от крыльца, я думаю, что же будем теперь делать? Вдруг окошко открывается и дядька говорит:

— Вона, заберите письмо!

И бросил он нам конверт. Мы встали в кружок, повертели его так и этак, думаем, что за письмо такое? На нём написано: «Лично Мите»... А потом посмотрел я на обратный адрес, вижу — Равенка! Амбулатория! Любина фамилия!

— Так это Любино письмо! От Любы к Мите! Значит, Митя его не получил.

— Куда же его девать? — спрашивает Федяра.

— А никуда, — говорю. — Никуда его не девать. Любе отвезём.

**— ВОТ, — ГОВОРIT ФЕДЯРА, —
КАКАЯ У НИХ УЛИЦА!**

— Вот, — говорит Федяра, — какая у них улица!

А улица-то вниз горбом пошла. Дома по обе стороны кончились, под горой ольховые кусты открылись и осока-трава. А в траве ползёт чёрный ручей, над ним стрекозки стрекочут, облака в нём белые плывут.

Вышли мы на мостик, легли ногами в разные стороны и стали из ручья пить. Вода в нём холодная, видно, у них тут родники колотят, много этой воды не выпьешь.

Коля напился, сел на мосту и говорит:

— Что это за ручей такой?

Я говорю:

— Кто его знает.

Федяра говорит:

— В таком ручье не искупаешься, вмиг все жилы стянет.

Я говорю:

— На спор!

Коля говорит:

— Не купайся, Антон, застудишься.

— Не застужусь!

Я быстро разделся и прыгнул в ручей. Обожгло меня, сжало всего, ни вдохнуть ни выдохнуть, будто я в проруби.

— Ну как? — кричат с моста.

Я говорю:

— Хор-рошо!..

— Ты двигайся, двигайся!

А я и так плыву по ручью против течения, двигаюсь.

— Вылезай, — кричит Коля, — хватит!

И все кричат:

— Вылезай!

Я стал в воде и пошёл. А воды мне по пояс. Под ногами острые камни. И течением назад валит. Вот так ручей.

Вытянули меня на мост. Стою одеваюсь. Весь я гусиной кожей покрылся, посинел, и мелко трясёт, бр-р-р!

— Че-чёрт, — говорю, — вот к-какая стужа!..

А мне и в штанину ногой не попасть, до чего меня колотит.

Вдруг из кустов выходят двое мальчишек с красными повязками на рукавах и в галстучках, взъерошенные, зачем-то зелёными ветками прикрываются.

Ага-а. — говорят, — вот мы вас и застудили! Купался?

Я говорю:

— Н-не видишь, ч-что ли?.. К-купался.

— Сейчас в лагерь поведём.

Я штаны надеваю и говорю:

— В лагерь! Хор-рошо, ведите...

Один говорит:

— Мы вас давно заметили, вы у пищеблока в заборе доску отодрали.

— Не ври! — Коля говорит.

Я говорю:

— Никакой доски мы не отдирали.

А второй на нас внимательно посмотрел и говорит:

— Махоня, это и не они...

Первый спрашивает:

— Это не вы?

— Это мы, — говорю, — только ты давай на нас лишнего не наговаривай, в лагерь лучше веди.

— А вам, — говорит, — тогда и не нужно в лагерь, купайтесь, сколько влезет, вы же посторонние...

И второй поддакивает:

— Мы своих отыскиваем, мы патрули...

— Нет уж, — говорю, — теперь мы вас не отпустим, ведите нас в лагерь. Ребята, нужно нам в лагерь?

Все говорят:

— А чего же! Они у нас были, а мы у них нет.

Вот мы и пошли.

ЛЕС ТУТ У НИХ БЫЛ СОСНОВЫЙ

Лес тут у них был сосновый, высокие стояли строевики. А под ногами шишки да дерюга всякая, всё шуршит, трещит, крошится.

Я говорю:

— Лес-то у них похуже нашего будет, уж больно сух.

Прямо в лесу был длинный забор из досок. Мы вошли в калитку, а там тоже лес. Я говорю:

— Чего вы лес-то разгородили?

А это, — говорят, — не лес, а лагерь, мы здесь живём.

Смотрим — и правда, меж сосен домики деревянные виднеются, а на большой поляне на шесте висит флаг.

По дорожке к нам заспешила женщина в белом халате, видно, местный фельдшер. Она и спрашивает у своих:

— Вы кого это привели?

— Да вот, Вера Сергеевна, какие-то посторонние.

Я говорю:

— Да нет, никто здесь не посторонние, это Куварин, это Коля Семихин, они тоже наши равенские, здрасте!

— Вы к кому?

Я говорю:

— К вашим вот пионерам. Они звали, вы не думайте. Они к нам, а мы, стало быть, теперь к вам. Вы собирайте их, собирайте, вы только скажите, мол, равенские приехали, они знают, они сразу прибегут!

Коля шепчет:

— Антон, ты речь скажи...

Я говорю:

— Да речь что-то неохота, а сейчас чего-нибудь придумаем, да хоть в футбол можно сыграть, у нас вон только Санька хромает...

Тётка говорит:

— Мальчики, да нельзя к нам, нельзя!

Я говорю:

— Как нельзя! А ну позовите чёрешенького пионера Сашку!.. Или Лену Скворцову. Или Куванова. Как так нельзя?

— А ты не кричи, — говорит тётка, — ты успокойся...

Я говорю:

— А я спокойный!

Она говорит:

— Ну вот. Как я тебе их позову, если они в изоляторе. Заболели они, понимаешь ты такое дело?

Тут я, конечно, кричать перестал.

— Чего это, — спрашиваю, — они у вас заболели?

— Кто их знает. Объелись какой-то дрянью в походе, теперь у них животы болят.

— Ничего, — говорю, — там не дрянь была, а морковка с бабушкиного огорода, а что они кильковский щавель ели, то я же говорил им: не ешьте щавель! А они ели!.. Да ушибались ещё.

Тётка говорит:

— Ну, не обижайтесь. Я им привет ваш передам.

Я говорю:

— Приветом сыт не будешь. Каков привет, таков и ответ.

Вышла тётка с нами за калитку.

— Теперь-то вы куда?

Я говорю:

— Куда ещё, в Равенку, конечно.

— А на чём?

Я говорю:

— А на чём ещё, уж не пешком, чай, на автобусе. Автобус-то до самой нашей Равенки ходит.

— Вот вы какие самостоятельные, — говорит тётка. — Не то что наши. И закалка, видно, у вас хорошая, болеете не так часто, как городские.

Я говорю:

— А заболеем, так нам горя мало, у нас амбулатория есть.

Пионеры говорят:
— Они в Чернушке купались, видите, волосы мокрые!
Я говорю:
— Не в Чернушке, а в ручье!
Тётка говорит:
— А ручей наш и есть Чернушка.
— Неправда, — говорю, — Чернушка — это наша река. Она мимо Килькова и Равенки протекает, их берег левый, наш берег правый...
Тётка говорит:
— Это правильно, а начало-то она здесь берёт!
Вышли мы из лагеря, а я смотрю на ручей и думаю: «Какое дело, значит, это наша Чернушка! Вот где повстречались с тобой, наша река».

НА ПЛОЩАДИ СТОЯЛО МНОГО РАЗНЫХ АВТОБУСОВ

На площади стояло много разных автобусов, но нашего среди них вроде не было. И всё толпились кругом незнакомые люди.

Я у них спрашиваю:
— Который тут на Кильково... Который?
Все головами мотают, у всех своя забота. Наконец один шофёр отвечает:
— Ваш в город ушёл, ждите, он через час придёт.
Я говорю:
— Давайте ждать, ребята, а то ведь дядя Коля такой — шмыгнёт и не заметишь. Вот бы нам кого-нибудь своих встретить, например, кильковскую почтальонку, нам бы веселее было ждать.

Но тут открылся один ларёк, и в нём стали продавать мороженое.

Люди на остановке как это увидели, так и побежали. И из автобусов руки протянулись с деньгами: «Клава! Шура! Возьми и мне!»

И сразу у ларька образовалась очередь, потому что было очень жарко, а мороженое ведь охлаждает, об этом и по телевизору говорят.

Все наши в ту сторону головы повернули, смотрят — люди идут с мороженым. Санька спрашивает:

— Это что они сосут?

Я говорю:

— Санька, это мороженое!

Санька спрашивает:

— Что замороженное?

Федяра говорит:

— Просто мороженое. Снег, значит.

Я говорю:

— Нет, Федяра, не просто снег, а это мороженое молоко.

Коля говорит:

— Не молоко, а сметана.

Куварин говорит:

— Я очень люблю мороженое. Только денег нет.

Федяра говорит:

— Деньги-то есть, да вот Антон не даёт.

Я говорю:

— Да? А на автобус?

Тогда Куварин спрашивает:

— А вы зачем на автобусе хотите ехать, поехали на машине. Мы на Агафоновой машине сюда приехали, она за нами на обратном пути заедет и прямо в Равенку отвезёт.

Все закричали:

— На Агафоновой, на Агафоновой! Молодец, Куварин!

Моё дело маленькое, я-то мог бы и без мороженого, я его сроду не ел, мне и не надо, но раз они все так захотели, их теперь не переспоришь. Я говорю:

— Ну как хотите, моё дело маленькое.

И мы заняли очередь.

Куварин потоптался и говорит:

— Вы и мне купите, я ведь вам квас покупал.

МОРОЖЕНОЕ БЫЛО ВКУСНОЕ

Мороженое было вкусное, с изюмом и хрустящими корочками, но мне ещё больше захотелось встретить кого-нибудь из наших, хотя бы кильковскую почтальонку. Почта была на площади.

Я говорю:

— На почту-то зайдём!..

Вот пришли мы на почту. Я в окошко голову просунул и спрашиваю:

— Где тут у вас кильковская почтальонка?

А мне отвечают:

— Была, да вся вышла.

Смотрю: за стеклом конвертики всякие выставлены, открытки.

Я спрашиваю:

— Почём конвертики?

— Пять копеек, — отвечают.

Я говорю:

— Ладно, вы, ребята, идите покуда погуляйте. А мне нужно написать письмо.

— Не потеряться бы нам, — говорит Коля.

А Санька с Ванькой говорят:

— Мы тут, под дверью, будем стоять.

Выбрал я самый красивый конверт с цветами, отдал за него пять копеек. Сел за стол, обмакнул ручку в чернила и начал писать.

Лене Скворцовой от Антона Ивановича Иванова. Письмо.
Лена, я ведь говорил, чтобы ты не ела щавель, а ты ослушалась, и вот теперь у тебя понос. Но это пройдёт, ты не думай, у нас тоже бывает, надо бы тебе черники, а её сейчас нет, а то бы я в лес сбегал и мигом набрал корзинку, знаешь, сколько у нас черники возле Березниц! У нас всё есть. Красная Гора мне не понравилась, уж больно песку много и сухо, но зато у вас мороженое продают. Лена, мы ели мороженое и пили квас, квасу мы ещё выпьем, а домой всё равно поедем на Агафоновой, это Куварин предложил, знаешь, я думал, что он пропащий, а он парень ничего. Лена, ещё напишу тебе про Митю и про Любу, но это в другой раз. Лена, давай переписываться — я тебе письмо, а ты мне письмо, у нас почтальонка каждый день носит. Только Куканову не говори. Остаюсь, под сим подпись поставил: Антон».

Послунявил я конверт. письмо это в него запечатал, а на конверте адрес написал:

*«Красногорский лагерь,
пионерке Лене Скворцовой
(больной)».*

Пока я писал, Федяра несколько раз в дверь заглядывал. Когда я вышел, он и говорит:

— Знаем, знаем, кому ты письмо писал!..

Я говорю:

— Молчи, малявка!

А он говорит:

— Знаем, знаем...

Я говорю:

— Вот по шее сейчас как дам!

Но мне не хотелось давать Федяре по шее. Это я для острастки ему сказал.

ВОН ДЯДЯ КОЛЯ

— Во-он дядя Коля! — говорит Санька. — Во-он почтальонка!

— Побежали! — кричит Ванька.

Я говорю:

— Тише, вы, тише! Сдурели, что ли? Нам и показаться ему нельзя, ведь мы неоплатные должники!

— Это верно, — Коля говорит. — Худо будет.

Федяра шепчет:

— А может, простит?..

Я говорю:

— Не-ет, мы уж на Агафоновой, правда, Куварин?

Куварин отвечает:

— Правда.

Федяра говорит:

— Эх вы, ну тогда давайте за ними следить.

Стали мы следить, как люди в наш автобус влезают. Вдруг вижу, дядя Коля площадь оглядывает, будто кого-то ищет. Нас заметил, руками замахал и кричит:

— Эй вы! Ну, чего стоите! Давайте сюда!

Ах, думаю, вылезать-то не надо было! А мы уже и не стоим! Бросились мы в переулок между почтой и парикмахерской, какая-то собака за нами погналась, да сразу и отвязалась.

— Эй, — кричу, — в боковушку давайте, вдруг он за нами бежит!

А из-за угла вдруг выходят четверо папанов. Один на нас показывает и кричит:

Вот они! Эти самые!

— Да не эти мы! — кричу. — Промашка вышла! — Но поздно уже, бежать надо.

Что ты будешь делать, облава со всех сторон!

Несёмся мы между сараями, на грядки какие-то наступаем, заборчики перепрыгиваем, от цепных собак шархаемся, а впереди всех Куварин — рраз! — и он уже рядом с матерью стоит. И мы стоим рядом с его матерью, картошкой вроде торгуем, а кто хочет нам чего сказать, будь любезный, за прилавок не заходи. Не положено за прилавок!

Но никто к нам и не заходит, пусто на базаре, ни одной

души нет, только Куварина мать семечки поплёвывает. Кепку увидела:

— Ну-ка, — говорит, — ну-ка, почём?

Что-то ей там рассказывал Куварин, и она ему что-то рассказывала, а мы в стороночку отошли, наше дело маленькое, да ведь и далеко от них не уйдёшь — пропустишь Агафонову, как потом домой доберёшься. Автобусы все разъехались, людей нет на площади, ничего не продаётся — ни мороженое, ни квас.

Вдруг страшно мне стало, как вспомнил я и лес диковатый, и чужую эту дорогу, на которой нас чуть было не бросили, и всё потемнело в тот же момент. Я думаю: «Отчего ж это мне так всё немило?» Глянул в небо, а это вот отчего — по небу тучи синие ползут, заворачиваются друг в друга, по правой руке мгла, и тянет с той стороны ветерок.

Я говорю:

— Никак гроза собирается!

Федяра говорит:

— Не ко времени...

Санька в небо смотрит:

— Хорошо бы дождика, в деревне-то ждут.

— А может, он мимо деревни пройдёт, — говорит Федяра. — Деревня-то во-он где, а туча вон куда катит!

Коля спрашивает:

— Где-е? Там деревня? Вон где деревня! По левую руку.

— Вон в какой стороне деревня! — Федяра кричит.

Слушал я, как они спорят, глядел, как пальцами тычут, и вдруг подумал, что не одна ведь наша деревня дождя просит, вон сколько мы деревень проезжали, всех пылью припорошило, у каждой в горле свербит.

— Да полно вам, — говорю, — спорить. Деревень много в нашей стороне, и всем дождика хватит, потому что дождик, по всему видать, будет большой, хлёсткий.

Только я это сказал, а в небе как чиркнет, по всей площади вихрь как закрутит, бумажки как заметёт!.. Закричали куры, бросились со всех ног к своим дворам, пыль поднялась аж до телеграфных проводов, люди бегут — двери с окнами затворяют. А тут капли зашлёпали, застучали, вся земля вмиг стала в тёмных пятнаках.

Бросились мы к автобусной остановке, к навесу, вдруг

7
слышу я — сзади Куварин кричит. Силятся они с матерью мешок поднять, чтобы тащить его, а силёнок у них не хватает, мать только что из больницы выписалась, немочь бледная, где же ей столько картофелю таскать! Побежали мы с Колей им на подмогу, а вверху ка-ак хрястнет! Будто лопнуло всё небо попрёк себя! Куварина мать мешок бросила, закрестилась, я кричу:

— Куда на мокрое-то мешок бросили!

А дождик тут ещё припустил. Затолкали мы мешок кое-как под прилавок, и в этот миг такой ливень грянул, что всё кругом затряслось и затрепыхалось. Забились и мы под прилавок, сидим посреди всякого мусора и шелухи, Куварина мать вся дрожит от страха.

— Ах, батюшки, — говорит, — на земле сидим, вот молния-то нас тут поразит!

Я говорю:

— Какой ещё паразит?

А она отвечает:

— Какой паразит? Я и не говорю: паразит. Я говорю: убьёт нас молния-то!

А вверху и в самом деле во как трещит! И трещит и хлещет! И хлещет и вспыхивает! Ничего впереди не видать — **водяная лавина столбом. А прилавок-то наш потёк. Текут струйки, кому на голову, кому за шиворот, мы от них знай уворачиваемся да шишим.**

Сидели мы, сидели, гром уже в сторону относить начало, вдруг впереди нас босые ноги зашлёпали. Федяра и Санька с Ванькой перед нами на четвереньки встали, раздетые, в одних трусах, смеются и кричат:

— Вы чего здесь запрятались, дождя испугались, айда, побегаем, поскачем по лужам, знаете, как хорошо скакать! Течёт с них в три ручья, а они все смеются. Тут и у меня будто какая-то пружина внутри разжалась.

Я кричу:

— Колька, чего это мы в шелухе тут сидим!

Скинули мы рубахи, штаны и вылезли к ребятам под ливень. И Куварин с нами. Мать ему:

— Гошка, вернися, убьёт!..

Не вернулся Куварин.

— Дождик, дождик, пуще! — кричит.

Нет, он парень нехудой.

КАК ЖЕ ТАК ПОЛУЧИЛОСЬ

Как же так получилось?.. Гоняли мы по площади, брызгались, целые фонтаны из луж вышибали. Дождик к тому времени утих.

Вдруг Коля как закричит:

— Агафонова! Агафонова!

Смотрим — машина по площади едет, воду колёсами рассекает. Мы — к ней.

— Агафон! — кричим. — Агафоша!..

Прыгаем вокруг, за борта хватаемся, а Агафон нам гудит. В самом деле, негоже это — возле машины прыгать.

— Санька! — кричу. — Куда!.. Ванька! Под колеса захотели? А ну отцепись!

Остановился Агафон возле базарных лотков и спрашивает:

— Вас что это столько здесь?

Я говорю:

— Да вот... тебя ждём.

— Зачем ждёте?

— Стало быть, — говорю, — ехать надо.

Агафон кричит:

— На чем ехать?

Я кричу:

— На чём, на чём!.. Не на тебе, чай! Места у тебя, что ли, в кузове мало?

— В кузове? — кричит Агафон. — Ах, в кузове!.. Поди взгляни!

Полез я на колесо, слышу, чем-то сильно несёт, запах такой дурной, едкий...

— Чего это у тебя тут? — кричу Агафону. — Никак барда!..

— А ты думал, пуховые перины?

«Батюшки, — думаю, — что же делать? Барда — это ведь корм для свиней, отходы пивного завода, как в ней поедешь, в ней не только ехать, а противно рядом стоять».

Слез я на землю, смотрю на Агафона, а Куварин с матерью уже в кабине сидят.

Я говорю:

— Куварин, ты почему ж не сказал, зачем Агафон в город поехал?

Куварин из кабины как закричит:

— А почём я знал!

Я говорю:

— Эх ты, Куварин... Вот тебя бы макнуть в барду.

На ребят гляжу. У них у всех губы вниз поопускались, Федяра чуть не плачет.

— Агафо-он, — тянет, — Агафон, нас сегодня уже один раз бросали, не оставляй...

— Ну, садись, садись на капот! — Агафон сердится. — А места мало будет, так мне на шею полезай! Так, что ли?.. Охламоны какие. Вот скажу отцам, где вас черти носят.

Коля просит:

— Не говори, Агафон, мы пешком дойдём!..

— Натопаетесь ещё. А сейчас ждите. Тут в Антониуху пойдёт фургон.

ОТШУМЕЛ ДОЖДИК

Отшумел дождик, вроде его и не было. Ворчат тучи далеко над лесом.

Площадь чистая стала, потемнела, текут по ней мутные потоки. Куры выжили на охоту за дождевыми червями. С навеса в лужу капли со звоном падают: кап!.. кап!..

Чужие люди сидят на лавках, ждут фургона на Антониуху.

Я всё спрашиваю:

— Когда он будет-то?.. Доколе его ждать?

— Не знаем, — отвечают, — сами ждём.

Коля говорит:

— Айда пешком, есть-то как охота.

— Не, — говорит Санька, — мы с Ванькой потерпим, нам не дойти...

И усаживаются на лавочку.

Какая-то тётка мешок развязывает и говорит:

— А ну-ка, у меня тут есть батон.

Стали мы жевать, смотрю, ребята мои сидят, как сироты, носами шмыгают, босые ноги под себя подбирают и смотрят непонятно куда. А тётка, которая батон нам дала, да и другие пассажиры так жалостливо на нас поглядывают. Этого, думаю, ещё не хватало!

— Санька! — говорю. — Утрись! Ванька, то же самое. А ну, седлай боевых коней, затягивай потуже подпруги, поскачем сейчас с вами вперёд, пока будет возможность, всё ближе к дому продвинемся.

— Не, — говорит Санька, — мне в кавалеристы играть неохота.

— И мне неохота, — говорит Ванька.

— А чем же тогда будем заниматься?

Федяра тогда говорит:

— Давайте запруду устраивать, вот время и пройдёт.

Набрали мы возле остановки камней, побросали их в самый большой поток, а дыры мокрым песком залепили, получилась плотина. Вода всё накапливается возле неё, накапливается, мы её и так и этак со всех сторон дамбами закрываем, ну, думаю, сейчас будет ГЭС. Вдруг обвалилась в один миг наша дамба, закрутилась мутная пена, хлынул весь поток прямым путём под ноги пассажирам.

— Авария! — кричу. — Дамбу прорвало!

Закричали тут пассажиры, с лавок попрыгали, расхватывают свои мешки и чемоданы, поджимают ноги.

— Ах вы, окаянные! — кричат. — Что хотят, то и делают, вот чёртова вольница, никуда от них не денешься!

— Безде найдут, проклятушшие!..

Тётка кричит:

— Они смирно сидели, это вон тот ушастенький их хулиганничать наущал!..

— Надрать ему уши!

Что ты будешь делать, кричат, пальцами на меня показывают, не понимают, что дамбу прорвало, а мне сразу с ними сидеть расхотелось, я говорю:

— Догонит фургон-то нас, пошли. Чем тут околачиваться, мы потихоньку к дому пойдём.

А ДАЛЬШЕ-ТО ЧТО СЛУЧИЛОСЬ

А дальше-то что случилось, дальше вышло самое неожиданное! Только мы отошли от навеса, глядь — на площадь влезают два велосипедиста. «Батюшки, — думаю, — кто ж это такие? Да ведь это Тришка! Да ведь это Шурка Шаров!»

А за ними еще трое катятся: Сизиков Николай и братья Орловы.

Мы как закричим:

— Наши!.. Да ведь это наши!

А Шурка как закричит:

— Вот они!..

Бросились мы к ним, а они с велосипедов попадали, еле на ногах держатся, мокрые все, грязью заляпанные.

— Это вы? — кричу, глазам своим не верю.

Они дышат тяжело, а улыбаются.

— Да мы это, мы...

Стали мы тут толкаться, по плечам друг друга ударять, а я-то кильковских чуть не обнимаю, наши ведь это, наши, ах ты, и они рады, стоит от нас на площади сплошной крик.

— А вы-то чего?

— А вы-то чего?!

— А дождь-то, а гроза какая!

— А плевать, зато встретились!

— Вот ка-ак!

— Ишь ты-ы!

Я у Шурки спрашиваю:

Шурка, вы зачем сюда на велосипедах поехали?

А он отвечает:

— Мы сначала, как Сизиков нам рассказал, думаем: не бывать вам первыми у городских пионеров! А потом Агафон нам навстречу попался, езжайте, говорит, скорей, там равенские одни пропадают, мы и газанули!

Я говорю:

— Значит, вы за нами?

— Выходит, что за вами.

Я говорю:

— Вы, кильковские, молодцы.

А кругом кричат, уняться никак не могут:

— Ну как там у нас?

— Ну как тут у вас?

— А мы мороженое ели!

— А мы автобус встретили!

Я говорю:

— Шурка, а пионеры-то лежат больные животами, объелись, стало быть, а Митю мы не нашли, значит, Люба за Славку нашего выйдет, это нам обидно...

А Шурка отвечает:

— Это всё враньё! Ошибка вышла, вчера к Славке из городу невеста приехала, свадьбу замышляют, а Любу он по дружбе и товариществу провожал.

Эх, весело мне стало! Я кричу:

— Вот как!

«Ничего ещё, — думаю, — не пропадёт наша деревня, жить можно».

— Шурка! — кричу. — А мы тоже, время придёт, вас выручим! Верно, пацаны, мы кильковских не оставим?

— Факт, не оставим!

— А ну, садитесь, — говорят кильковские, — поехали, будем по переменке крутить.

Коля говорит:

— По переменке мы куда хочешь уедем.

Уселись мы по двое на велосипеде, один педали крутит, другой на багажнике сидит. Воздух чистый после грозы, лес смолу источает, едем мы и друг с другом перекликаемся.

Коля кричит:

— Шурка, знаешь, какие местные красногорские вредные! Нас вон как по огородам гоняли, давайте мы соберёмся вместе как-нито и красногородских-то приструним!..

А я кручу педали и думаю: «Эх, мать честна, всё не так, глупость какая выходит, вовсе и не так надо делить». Я говорю:

— Колька, не так ты всё делишь-то, гляди, мы в своей деревне какую одиночку вырастили — Куварин-то, Куварин!.. Вон кого надо учить!..

А земля у нас, думаю, вон какая большая, спорить нам не пристало, какое место лучше, кто где хочет, тот пускай там и живёт, и всякому, конечно, своё место дороже; вот я, к примеру, прирос к нашей деревне Равенке, она у нас на горке стоит. Ветерок дунет — ни слепней нет, ни комаров. По берегу крутому вязы растут, а за рекой луга заливные...

Мы, когда подъезжали, во все глаза глядели на свою деревню, так сильно соскучились. А у меня в голове стишок трепыхался: «Вот моя деревня, вот мой дом родной».

МОЙ СТАРЫЙ ДОМ

ПОВЕСТЬ

КАКОЙ ЖЕ Я БЕШЕНЫЙ?

Ну, я и весёлый сегодня! Эх, я весёлый! С трамвая спрыгнул, дорогу перебежал!

У нас полагается до перекрёстка дойти и дальше — по переходу, но нет у меня терпения назад возвращаться — вот же мой дом, вот! — я и рванул через трамвайные рельсы. В другой бы раз Файзула непременно меня остановил, сказал бы: «Ай, нехорошо сделал!» — и листовку бы из кармана вынул, дал почитать: «Граждане, при переходе трамвайных путей будьте особенно осторожны!» А сегодня он только голову поднял, на меня посмотрел и снова продолжал мести, как будто ничего такого не было. Понимает ведь, как мне невтерпёж, как я соскучился по своему старому дому.

А улица у нас — солнечные зайчики брызжут во все стороны, листья падают, арбузы продают! Продавец дядя Гриша арбузы тискает, приникает к ним ухом.

В окне парикмахерской узкое лезвие блестит, Артур Жанович бритву об ремень наяривает не глядя, а сам смотрит на прохожих.

У магазина «Мясо — рыба» какое-то столпотворение.

Я всё это за один миг оглядел. И такое на меня веселье нашло! Сильнее прежнего.

Взлетел во двор, свистнул — голуби взметнулись! Летите, голуби!

На Михеева наскочил! Опа!.. Куркину закрутил! Мячик вырвал, подбросил!.. И-и-эх!..

Все кричат:

— Санька Скачков приехал! Санька приехал!

А Куркина кричит:

— Он какой-то бешеный, бешеный!

Я кричу:

— Это я от радости, Куркина! От веселья, понимаешь?.. Так разгалделись, что даже некоторые жильцы окна покрывали.

А потом как-то сразу веселье оборвалось. Стоят все, молчат.

Сумин спрашивает:

— Скачков, а ты чего такой весёлый?

— А что такого, — говорю, — нельзя?

— Можно, да больно ты опасный.

— Это я от радости такой опасный! Оттого, что вас увидел. А вы чего замерли? Михеев, ты чего замер?

— Я, — говорит Михеев, — тоже от радости.

Ещё бы! Друг. Весь прошлый год с Михеевым на одной парте просидели. Михеев — во парень! Куда я, туда и он. Правда, я переехал, а он здесь остался. Ну, ничего, в одном городе живём.

— Ми-хе-ев!

А он в себя прийти не может, оттого что друга увидел. Стоит столбом. Ну что это он так? Я подскочил и давай тискать Михеева. А он вырывается: да погоди, да отпусти!.. Совсем от рук отбился. Просто испортился. Мы с Михеевым раньше — ух как боролись! Мы так возились, что потом надо было целый час в комнате прибираться, полы натирать. Это мы в пиратов играли. Он был пират, а я капитан шхуны. Сумин — тот понятно, он вообще не выносит возни. Сумин теперь вместо меня звеньевой, так что совсем стал серьёзный.

Сумин спрашивает:

— Саня, а чего это ты там натворил?

Я говорю:

— Что? Где? Когда?

А Куркина:

— Знаем, знаем!

Я кричу:

— Да чего вы знаете! Я ещё ничего натворить не успел. Там и негде! Там из парадной выйдешь — пустырь! Из окна выглянешь — пустырь! Там знаете как — и двора нет! И

ФАЙЗУЛА

Вот идёт наш дворник Файзула. Я очень обрадовался, когда его увидел.

Файзула лучший дворник микрорайона. Но он на этом не остановится, я знаю. Сначала он станет лучшим дворником на Петроградской стороне, а потом и в городе. Он принял на себя сильно повышенные обязательства и теперь думает, как бы их ещё повысить. Я читал, когда мы с мамой ходили выписываться со старого адреса, в стенгазете нашей жилищной конторы всё об этом написано.

Я вскочил с дивана и крикнул:

— Здравствуй, Файзула!

Он, наверно, не услышал, так как был ещё на порядочном расстоянии. Тогда я снова крикнул:

— Здравствуй, Файзула!

Но он прошёл мимо и, казалось, совсем меня не заметил. Как же так, ведь он меня любил и всегда называл хорошим помощником во всех начинаниях.

Я пошёл рядом с ним. Я сказал:

— Файзула, здравствуй, ведь это я, Саня Скачков, твой помощник во всех начинаниях. Вот я приехал.

Он сказал, не оборачиваясь:

— Я вижу, что ты приехал, но лучше бы ты не приезжал.

— Почему, Файзула?

— Я тебя вычеркнул.

— Из списка помощников? Ну, так это ж ерунда, Файзула! Подумаешь — из списков! Я всё равно буду приезжать и оказывать тебе помощь во всех начинаниях.

— Не из списков, — сказал Файзула. — Я тебя из сердца вычеркнул.

Мне стало обидно, что он так сказал.

— Это почему же? — спросил. — Я такого не слышал. Раз человек переехал, его, конечно, можно из списков вычеркнуть. Но зачем же из сердца? Я ведь вот вас никого не вычёркивал?

Файзула остановился и впервые за всё время посмотрел на меня.

— Потому что мы чужих лодок не угоняли и весло не пускали по течению.

— Постой, а разве я чужую лодку гнал?

— Гнал.

— Где?

— А вот там, на Невке.

— И весло пускал по течению?

— Пускал. Прямо в Балтийское море. Разве это хорошо?

Я дико захохотал. Я иногда хохочу очень дико. Это на многих действует. Особенно на учителя математики Закавыку. Он даже портфель один раз уронил, когда я дико захохотал.

Файзула тоже чуть метёлку не выронил.

Я говорю:

— Файзула, это сущие выдумки!

Файзула рассердился:

— Зачем говоришь — сучие? Не надо говорить — сучие! Мне ЖЭК говорил! Мария Михайловна говорил. На тебя хозяин писал!

— Какой ещё, — спрашиваю, — хозяин?

— Лодка хозяин! Какой хозяин. Сам знаешь, какой хозяин, — директор лодочной станции!

— Не знаю я никакого хозяина. И лодки не брал. И вёсла по течению не пускал, всё это су... всё это выдумки, Файзула.

— Пойди ЖЭК доказывай! Мария Михайловна доказывай. Файзула тебе не уважает. Зачем чужая лодка понадобилась? Что, не мог к Файзуле прийти и сказать: «Файзула, покатай меня на лодке». Я на лодочной станции летом лодку брал?

— Брал.

— Вас катал?

— Катал.

А он тогда здорово нас покатал! И по мороженому всем купил. Это у Файзулы был день рождения.

— Ай, как нехорошо делал: человек ушёл туалет искать, а ты лодку брал. Себе пятно поставил. Мне показатель портил. Зачем портил мне показатель?

— Да не портил я, Файзула!

Он снова пошёл, а я побежал рядом с ним.

— Туалет какой-то... Не знаю я никакого туалета...

— Ай, как нехорошо напоследок делал, — повторял Файзула. — Зачем не дал свой новый адрес? Человека запутывал. ЖЭК запутывал. Файзула запутывал. Ай, совсем плохо!..

Ничего ты ему не докажешь. Я и отстал.

ЧЁРНЫЕ ДЫРОЧКИ

Я вошёл в свою парадную и увидел почтовый ящик. Письма не было, это я понял с порога. Когда есть письмо, дырочки светлые, а когда нет — тёмные. Дырочки были не только что тёмные, а прямо чёрные. Я даже подумал: может, чёрное письмо от него пришло? И пошарил в ящике рукой. Но письма не было, а одни только дырочки. Ерунда, конечно, чёрных конвертов не бывает.

Когда мы переезжали неделю назад, батя был ещё в командировке. Он как летом уехал, так ещё и не возвращался.

Я ему писал, но их ведь перебрасывают с места на место, так что он, может, ещё ничего и не знает и пишет по старому адресу, пишет... А вот чего-то не пишет.

Мне новый дом, может, потому и не нравится, что бати в нём нет.

Я вернулся на задний двор и лёг на свой диван. Я стал думать, что же мне теперь делать. Сначала я хотел пойти в ЖЭК и всё объяснить. Мария Михайловна поймёт, что вышло недоразумение. Но одному идти было всё-таки боязно. И я решил подождать Михеева с Суминым. Ведь если я дам честное пионерское слово, мне поверят. Фаизула всегда говорит: «Скажи честное пионерское». Надо было мне ему сразу сказать, а не смеяться дико. Но я скажу после. А Михеев за меня поручается. За меня кто хочешь поручается, кроме Тентелева. Тентелев мой враг.

Я лежал, смотрел в небо, и мне было обидно. Я не знаю даже, отчего мне было больше обидно — оттого, что меня отовсюду вычеркнули, или потому, что Файзула не уважает. И я понял: оттого, что нет письма.

Я подумал: вот превращусь в голубя и буду летать с крыш на все подоконники. Стучать буду клювом в окна, будить всех, из кастрюль мясо вылавливать, молочные бутылки проливать.

Они мне: «Гуль-гуль-гуль!» А я им: «Буль-буль-буль!»

Но тут я опомнился и подумал: зачем я так? Ведь никто мне ничего плохого не сделал.

Эта глупая идея, наверно, пришла мне в голову оттого, что в нашем доме полно голубей.

НЕ ПРОПАЛИ БЫ ГОША С ОВСЕЕМ

А вот Гоша с Овсеем куда-то разогнались, ишь как их несёт! Видно, набедокурили, набезобразничали чего-нибудь.

— Гоша, Овсей, — кричу, — сюда!

Они подбегают ко мне, оглядываются, тяжело дышат. Школьные форменки у них новые, а уже как и не новые: у Гоши коленки торчат грязными пузырями, а у Овсея на том месте, где внутренний карман, проступило чернильное пятно. Вот и одевай их из последнего, а ведь ещё месяца не проучились.

— Стоять смирно! — кричу. Это у нас такая игра раньше была: они солдаты, а я генерал.

Брови мои сдвинулись, мышцы лица напряглись. Я так думаю, Гоша с Овсеем сильно моего лица испугались.

— Овсей! — кричу. — Эт-то что у тебя?

— Чернила, — отвечает Овсей. Он привык мне по-честному отвечать.

— Чернила... Видал, Гоша, у него на пиджаке чернила! А где им положено быть?

— В ручке, ясно, что в ручке, — говорит Гоша. — Она у него открутилась, балда ты, Овсей, что у тебя ручка открутилась, вот исключат тебя из школы или из октябрат выгонят. *Саня у меня никогда ручка не откручивается...*

Гоша говорил быстро, напористо, как будто проталкивался в толпе, и глаза тарашил. Он всегда так говорит. Это мне в нём не нравится.

— Не откручивается. А колени, — говорю, — кто извозил? Это зачем же ты на коленях стоял, а? Богу молился?

— Нет, он богу не молился, — говорит Овсей. — У него шарик под лестницу укатился.

— Шарик... Ещё и выгораживает! Какой же ты друг, если выгораживаешь, вместо того чтобы помочь товарищу? Это, Овсей, знаешь как называется? Это — охо-хо! — называется ложная дружба.

— Ложная дружба, — выговаривает Овсей. — Я больше не буду выгораживать, Саня.

А у меня рот сводит, будто я разжевал лимон. Что это я им говорю? Какую-то ерунду говорю.

А они вряд ли чего понимают.

— От кого бежали-то? — спрашиваю.

— От мясников!

— Всё пугают?

— Пугают! — воскликнул Гоша. — Один другому говорит: «Давай и этих на мясо!»

Вот мясники из нашего магазина моду новую взяли: как разгружают мясные туши, так и давай малышей пугать.

— А вы и поверили?

— Ох, Саня, у них знаешь какие ножи! — говорит Овсей.

— Не верьте вы им, они болтают от нечего делать. А лучше не подходите к ихней двери, ну, чего там?

— А мы только заглянули.

— Чего заглядывать?

— А там живых рыб привезли!

То-то я слышу в доме пахнет жареной рыбой.

— Ну и пойдите с улицы, по стойте у бассейна.

— Там народищу — тьма! Не пробиться!

— Ох уж и не пробиться! Мы что же, с вами не пробивались?

— Пробивались! Вот пойдём сейчас и пробьёмся, — говорит Гоша.

— Пробьёмся, — вздыхает Овсей.

Я бы и сам в другое время пошёл. Там таких сомов, таких шуки тогда привозят! Сомы и шуки долго живут, особенно шуки — бьются в бассейне, изгибают свои зелёные спины, высоко подпрыгивают. Продавец только завернёт шуку в бумагу, начнёт взвешивать, а она — прыг на весах — чуть ли не до потолка. Очередь так и ахнет, так и засмеётся. А какая-нибудь злая корга обязательно крикнет: «Ты по башке-то её, по башке!..» Ох, не люблю я таких зловредных!

Гоша с Овсеем дёргаются от нетерпения. Охота им поглядеть на живых рыб. Овсей бы остался, а Гоша весь издёргался. Но что-то я им не досказал.

— Слушайте, — говорю, — знаете что?

— Что? — Они глаза таращат.

А вдруг, думаю, они сами потом не допрут, я ведь уеду. Не пропали бы Гоша с Овсеем, особенно Гоша.

— А вот что. То, что я сказал прежде, на это наплюйте. Всегда друг друга выгораживайте! И ты, Овсей, молодец! А ты, Гоша, если ябедать будешь на товарища, я тебе выделю.

— Я не ябедаю, Саня, не выделяй!

— А про чернила зачем сказал?

— Так их же и так видно! Погляди, Саня, они у него как орден!

— А зачем сказал: у меня ручка никогда не откручивается?.. Вот ты какой, Гоша! Чтобы я больше этого хвастовства не слышал!

Гоша глаза опустил. Нехорошо, стыдно ему.

— Понял?

— Понял.

— Он понял, Саня! — говорит Овсей. — Он не виноват, это ведь не он мою ручку открутил, а она сама открутилась!..
...Взял бы я его к себе в товарищи.

Что-то вроде я стал пониже ростом, а они повыше. Вроде я стал поглупей, а они поумней. Наверно, потому, что они тут на законном основании, при деле и при квартире. А я без дела, без квартиры и без законного основания.

— Саня, — говорит Гоша, — ну, мы пойдём живых рыб смотреть.

— Ну, идите, — говорю, — пока всех не разобрали.

— Мы ещё придём, Саня, ты здесь будешь сидеть?

ГОЛУБОЙ КВАДРАТ

Здесь буду сидеть, где же мне ещё сидеть, как не на своём диване. Даже лягу. Хорошо на диване полежать, ах, совсем неплохо, не всё ли равно, где он стоит — на заднем дворе или в комнате.

Кто ещё может полежать на заднем дворе да на своём чтоб диване, ну-ка подходите, кто может? Чудо из чудес — диван на заднем дворе!

С четырёх сторон стёкла сверкают, нижние — тёмным, верхние — белым и голубым. Высоко в небе летают ласточки. Я люблю в небо смотреть. Когда долго смотришь, то в глазах появляются белые шарики. Они будто прозрачные, невесомые, плавают друг возле друга. Я думаю, что это молекулы. Молекулы — это такие шарики, из которых всё состоит.

Ласточки то пропадают, то снова появляются в голубом квадрате. Прямоугольник, в котором все стороны равны, на-

зывается голубым квадратом. Можно задачки решать на этом небе над задним двором. Оно перерезано тремя строчками проводов. Если слегка повернуть голову, то они окажутся точно по диагонали. А если провести вторую диагональ, то будет письмо.

Кто решал задачки на небе, лёжа на заднем дворе да на своём чтоб диване?

Вот облако появилось, яркое, пенистое, как молочный коктейль.

И теперь мы плывём. Ах, ведь плывём вместе с диваном, и с домом, и с проводами мимо этого облака! Прощайте, прощайте все! Мы плывём на север!

Буду плыть вот так и ни о чём не думать, устану смотреть — закрою глаза. Вот уже и не плывём. А, нет, всё равно плывём, вот проходим мимо нового облака. Разогнались, значит. Вышли в открытое море.

Кто ещё плыл с закрытыми глазами по открытому морю, на заднем дворе с голубым квадратом... решая задачки... да на своём чтоб диване?..

НЕТ, НЕ ПОЙДУ

— На своём диване, значит, решил полежать? Ну и ну. Тётя Сима, по голосу слышу. Голос у неё с придыханием, с присвистом. Прошаркала к мусорным бакам, ведром помойным прогромыхала: эх, некстати она.

— На своём-то привычном полежать хочется. Ты чего это голову не подымаешь? Заснул, что ли?..

Я говорю:

— Я подымаю.

А на самом деле я не подымал. Уж очень мне не хотелось подымать голову. Но всё-таки я поднял.

— А я уж думала, может, заснул. Ты не спи, возле помойки спать нехорошо, тут мухи. Э-э, парень, а глаза-то у тебя на мокром месте, ты что это, милый?

Я говорю:

— Не-ет, тёть Сима, нет! Это я на небо долго смотрел!.. Ярко, глаза режет, вы не подумайте...

— Чего мне думать, ты парень крепкий, с характером. У другого вон характера нет, шаляй-валяй, а у тебя есть. Ну как, хорошо устроились на новом месте? Ванная есть?

— Есть.

Балкон есть?

— Есть.

— Ну вот, нашему флигелю-мигелю какое сравнение! на него плюнь покрепче, он и повалится. А у вас там жить можно, я район этот знаю, у меня там золовка живёт. Воздух сельский, куда ни посмотришь — светло. Золовка говорит: «Вот бог дал — сразу и квартиру, и дачу. Не то что в наших колодцах проклятущих, солнышка летом не увидишь живого! И кто только их понастроил...»

И пошла, и пошла. Про какую-то золовку...

Пока она говорила, к ней две кошки подбежали и давай ластиться, башками об её тапочки тереться: курлы-мурлы. Тётю Симу все кошки во дворе знают, только она выйдет — они к ней. Да что там кошки — её каждый воробей, каждый голубь знает. Чуть что — лапа перебита или ещё что-нибудь — она им идёт на выручку. А однажды утром дворники смотрят: по двору ползёт черепаха. И прямо к нашей парадной. Файзула в окно постучал и говорит: «Тётя Сима, это к тебе».

Я говорил с тётей Симой, а сам всё думал: знает она или не знает про недоразумение? Но она всё-таки знала.

— Что это ты напоследок набедокурил? — спрашивает. — На что тебе эта лодка понадобилась?

Я кричу:

— Не брал я её, тёть Сима, не брал! Провалиться мне на этом месте!

— А Файзула говорит, будто тебя поймали и ты старый адрес сказал. Я говорю: «Да не водилось за ним никогда худого, не мог он этого сделать!..»

Я сказал:

— Файзула на меня наговаривает.

— Да это не Файзула на тебя наговаривает, — говорит тётя Сима, — а кто-то другой тебя оговаривает.

— Как это? — спрашиваю.

— А вот так. Какой-то охотник сделал, а показал на тебя. И фамилию твою дал, и адрес. Ты, дескать, переехал, тебе ничего не будет. А он чист и свят. Вот так бывает.

Ну уж это и вовсе было недоразумение.

Я говорю:

— Да кто ж это мог сделать? Нет, тётя Сима, это какая-то путаница. Ведь мой адрес только мои друзья знают. Да еще Тентелев.

— Ну уж это сам выбирай, — говорит тётя Сима,

Ах ты, Тентелев, думаю, ах, вражина!

— Ну, будет тебе одному сидеть, пойдём ко мне, чаю попьёшь, а там и шуку будем жарить.

— Спасибо, — говорю, — я не хочу.

А я хочу есть, да не хочу к тёте Симе. Я знаю, как у неё там, в первом этаже. Когда я был маленький, родители меня иногда у неё оставляли.

У неё там коврик, здесь — половичок. Там пупсик, здесь слоник. Там у неё пузырьки с лекарствами, здесь у неё квитанции за двадцать лет. Там — грелка, здесь — бумажный цветочек. Маслёнка и мышеловка. Варенье и клизма. И запах густой, тягучий.

Нет, не пойду.

— Не пойду я, тётя Сима.

— Ну, полежи, надумаешь, так придёшь.

А я и не надумаю.

БОЛЕЗНЕННЫЙ ПАЛЁН

Я подумал, что раз Михеева с Суминым так долго нет, то, значит, их не признали в очереди. У нас так случается, что в очереди не признают. А то бывает, что, наоборот, признают. Кто-нибудь из нашего дома стоит и говорит тебе: «Ну чего вы так долго ходите, идите, вы же здесь стояли!» А Михеева с Суминым не признали, значит.

Так и есть, в очереди за арбузами я не нашёл ни Сумина, ни Михеева. Тогда я просто так возле лотка постоял. Арбузы были крупные, все говорили, что астраханские. У нас всегда хорошие арбузы продают. Продавец дядя Гриша подносит их к уху и слушает. Он пучит глаза и говорит: «Тихо, граждане, ничего не слышно!» И снова слушает. У него спрашивают: «Гриша, можно навыврез?» А он отвечает: «Нет, граждане покупатели, арбузы продаются только на слух». Мой батя тоже умеет слушать арбузы. Он говорит, что когда арбуз спелый, то он поёт песенку: «Я спел, я поспел, кто успел, тот и съел». Когда я был маленький, я этому верил. Теперь, конечно, не верю. Вот батя приедет — и мы пойдём покупать арбуз.

Я пошёл во двор и крикнул:

— Михеев!

Но от него никто не высунулся.

Тогда я снова пошёл на улицу.

Потом снова во двор.

Потом снова на улицу.

Но потом подумал: что это я буду ходить то во двор, то на улицу, сяду лучше на диван и подожду почтальона:

Только уселся, а тут через проходной двор идёт мой одноклассник Палён. Я обрадовался ему.

— А, здорово, — кричу, — давно не виделись!

А он за щёку держится. Его прямо перекосило. Он одной рукой за щёку держится, а другой себя охраняет.

— Не тьёгай меня, — говорит Палён. Я говорю:

— Да я и не трогаю. Что, зуб болит?

— Боит, — отвечает. — Сий никаких нет. Пойдём со мной в поликинику, а?.. Я один боюсь, навейно, йвать будут.

Я послушал, как Палён букву «р» не выговаривает, и мне его стало жалко. Он вообще у нас болезненный товарищ, от физкультуры вечно освобождён.

Я говорю:

— Пойдём.

Палён слегка оживился.

— Ты говори что-нибудь, — просит, — мне так ехче, ты говори.

Я ему стал про лодку рассказывать, а он говорит:

— Я знаю, знаю.

— И ты веришь, что это я? — спрашиваю Палёна.

— Конечно, вею.

Я возмущился такой наглости, даже обратно хотел повернуть, а он за руку меня схватил:

— Ой нет, не вею, не вею!..

Ну что ты будешь с ним делать!

— То-то же, — говорю. — Разве ж я мог старый адрес дать, если б даже и было что-то такое? Зачем же людей запутывать. А это кто-то меня оговорил. Конечно, это Тентелев.

Ты как думаешь?

А Палён говорит:

— Ой, Саня, а ты когда-нибудь йвал?

Он меня, оказывается, и не слушает. Я говорю:

— Один яз йвал!

Палён обиделся.

А ты чего двязнишься? Я же не найошно, что ты, не понимаешь?

А у меня, честное слово, само собою получилось. Оттого, что долго слушал, как Палён букву «р» не выговаривает. Он обиделся, а я сказал.

— Не надо, Палён, не обижайся. Это само собой получилось. Я тебя, пока зуб не вылечишь, не брошу.

Куда ж его такого бросишь. Он пропадёт.

НАША ПОЛИКЛИНИКА

Возле нашей поликлиники стояло множество детских колясок. Ну, и колясок там было! Миллион! Всех цветов радуги!

Стоят как боевые кони, дожидаются своих всадников. Мне это очень понравилось. Я говорю Палёну:

— Ты иди, Палён, я тебя здесь подожду.

— Нет, нет, — отвечает Палён, — пойдём со мной!

— Да что я, — говорю, — пойду, я ведь теперь здесь не записан, мне неудобно.

— Еюнда какая, пойдём, пойдём!

Я понял, что без меня теперь Палён с места не сдвинется, и вошёл с ним в бокс.

Дежурная нянечка говорит:

— Куда это такие большие, сегодня у нас грудной день, приёма нет, приходите завтра!

Палён весь скривился, как это услышал.

Я говорю:

— Пропустите его к зубному, он до завтра не доживёт.

— А, к зубному можно. Если с острой болью, то можно.

Я подумал: конечно, зубной сегодня свободен, ведь у грудняков пока зубов нет, им лечить нечего.

В регистратуре было полным-полно грудных детей. Некоторые из них плакали, некоторые просто кричали. Такое веселье стояло! У них ведь так: один закричит — и все за ним в крик!

Пока Палён заказывал карточку, я подошёл к одному грудняку в голубом чепчике. Он сидел на столе за деревянным ограждением. Я сразу понял, почему он плачет: у него игрушка упала, гремющий такой петушок. Я её поднял, погремел в грудняк ~~зажмурил~~. Потом он взмахнул ручонкой — игрушка снова упала. Он и зареветь не успел, как я её поднял. Потом он снова её уронил.

Они же, ребёныши, глупенькие, не соображают. Когда я в третий раз поднял игрушку, грудняк уже улыбался. Он подумал, что я с ним играю.

А я бы и в самом деле поиграл. Я бы с ним целый день забавлялся. Что там — котёнок или собачка, я от них уйти могу спокойно, а от ребёныша бы не ушёл. Я бы к нему отовсюду — бегом! Я бы ему цветочки носил, травинки, камешки, палочки, тряпочки, бумажки! Да я бы и школу, пожалуй, бросил. Я бы его на ноги поставил, тогда бы и в школу пошёл. Его — в детский сад, сам — в школу. Сам из школы — его из детского сада. Он бы у меня не только не плакал, а всё время бы хохотал.

Но тут прибежала его мама. Она мне улыбнулась, и я отошёл.

Это мальчик, я думаю, раз в голубом чепчике. Девочка была бы в розовом.

Палён тем временем карточку заказал, и мы с ним пошли по лестнице, мимо цветов, к кабинету. У нас в поликлинике цветов больше, чем в других поликлиниках города. Наша поликлиника по цветам и по другим показателям на первом месте. У неё и переходящее знамя. Оно стоит на втором этаже, тоже всё в цветах. Матери эти цветы понемногу щиплют: кто листок, кто отросток. А некоторые и до корня докапываются. Осенью ведь всегда цветы пересаживают.

Вот стоят матери на лестнице, как в оранжерее, и советуются.

— Листочек этот, — говорит одна, — опустите в воду, пусть он поплавает недельку, а когда корешки даст, то высаживайте в горшок.

— А вы в терапевтическом были? — спрашивает другая. — Там такой хороший хирург!

— Да нет, что вы, хирург сегодня принимает в пятнадцатом кабинете.

— Да нет, вы меня не поняли. Хирург — это тоже такое растение. Чудесно заживляет ссадины, порезы.

— Подите лучше в процедурную, там такая замечательная «кровь Наполеона»! Просто прелесть!

— А «тёщиного языка» не видели, у них нет?

Одна мамаша бегает как утренняя с ребёнком на руках и выкрикивает:

— Мне вьющие, вьющие! мне нужны вьющие!..

Я как крикну на всю лестницу:

— ...ся!

— Что «ся»?

Я говорю:

— Вьющиеся!

Она кричит:

— А тебе какое дело!

Прямо все с ума посходили с этими цветами.

Я подумал, чем бы мне ещё занять Палёна, чтобы ему ждать было не так томительно. Я спросил:

— Ну, как там дела, какие новости в школе?

А он отвечает:

— Всё ноймайно. Тебя из танцевального кружка вычеркнули.

Ну вот, уже и оттуда вычеркнули. А я ещё ни одного танца не станцевал. Всё только думал: хорошо бы научиться

НОВИ КАБИНЕТ

танцевать лезгинку. Я вообще-то хотел в фотографический, мне как раз батя летом фотоаппарат подарил, но Августа Николаевна говорит: туда и так записалось много народу, а там в танцевальный мальчиков не хватает. А туда как раз Поля записалась. Она лучше всех «верёвочку» делает. А вот, думаю, научусь лучше всех вприсядку! И будем мы с ней плясать вдвоём: я — вприсядку, она — «верёвочку».

ОСТРАЯ БОЛЬ

Когда Палёна пригласили в кабинет, я остался один. Никого не было во всём коридоре. Мне стало ещё обидней, что я здесь не записан. Пока Палён сидел рядом, я ещё вроде был свой, а теперь и вовсе оказался чужой.

А тут ещё подошла девочка с мамашей. Мамаша так морщилась, что я даже подумал, что это у неё болят зубы, а не у девочки.

Она спросила:

— Ты здесь последний?

Мне не хотелось отвечать, что я здесь никакой, и я ответил, что да, я здесь последний.

Я отвернулся, а мамаша спросила:

— А с острой болью или с тупой?

Я говорю:

— С тупой.

— Ну вот, а мы с острой.

Даже с некоторой гордостью сказала. Ну, думаю, и пусть сидят со своей острой, не буду с ними спорить.

Встал и пошёл по коридору. А тут как раз цветные диапозитивы висят, как за грудняками ухаживать. Как кормить, пеленать, купать. Я включил свет и стал смотреть.

Замечательные диапозитивы. Я смотрел-смотрел, а потом подумал: дай-ка проверю, записан я здесь или не записан. Может быть, меня ещё не вычеркнули?

Побежал вниз в регистратуру.

Регистраторша как крутанёт свой барабан. И вдруг вытаскивает мою карточку. Ну, этого я никак не ожидал! Я от радости чуть не задохнулся.

— Скачков, к какому врачу?

— К зубному, — кричу, — к зубному!

— А ты что так кричишь? Ты что, с острой болью?

Я говорю:

— Конечно, с острой, а с какой же!

Далась им эта острая боль. Она недоверчиво посмотрела на меня и, наверное, подумала: почему же он такой радостный? А я такой радостный оттого, что здесь записан! Значит, не успели ещё вычеркнуть, не успели!

Регистраторша говорит:

— Двадцатый кабинет, на втором этаже.

И даёт мне номерок.

Прибегаю — Палён сидит уже в коридоре. Обеими руками за щёку держится.

— Ой, йвать будут, укой сдеяи, куда ты пйопай?

Палён уже теперь не только букву «р», но и букву «л» не выговаривает, и многие другие буквы. Ещё немного — и совсем говорить разучится.

Я говорю:

— Палён, меня, оказывается, ещё не выписали! Иду зубы лечить! У меня всё равно дупло есть, так уж лучше в своей поликлинике вылечить, верно?

У нас там, пока поликлинику найдёшь, руки-ноги поломаешь, одни пустыри кругом.

Палён схватил меня за руку чтобы я, значит, не передумал, и говорит:

— Вот дьог так дьог!

Не всегда и разберёшь, что он сказать хочет.

Я спрашиваю:

— Что, Палён?

— Ты, говою, хоёший дьог! Вместе не так стьяшно.

— Стьяшно, стьяшно. Язьве, — говорю, — это стьяшно?

Это уж я нарочно его дразнил, а он и не заметил. Долдонит своё:

— Вот дьог так дьог!..

И вот я в кресле. Врачиха говорит:

— Спокойно, деточка!

И вот я как дёрнусь! Нашла, значит, себе работу.

А врачиха:

— Терпеть, милый, терпеть!

Сижу с открытой пастью, весь взмокший и ни о чём не могу подумать. А сам хочу о чём-то подумать, о чём-то хочу,

да не могу вспомнить — о чём. Наконец вспомнил: не выписали меня отсюда, не выписали!

Палёну зуб вытащили, а мне велели завтра прийти. Отчего ж не прийти, я приду в любое время!

НАША УЛИЦА

Палён буквы-то стал выговаривать, а что толку? У него укол стал отходить, он от этого кислый, сморщенный.

Я говорю:

— Палён, вот свинство какое, Тентелев лодку угнал, а на меня свалил; хоть он мне и враг, но разве так можно?

Палён говорит:

— Вот наказание какое!..

Я говорю:

— Разве это не подлость, Палён? Если я переехал, значит, теперь на меня всё можно сваливать?

— Ох, болит, — говорит Палён. — Может, мне не тот вывали? Пойду в зеркало посмотрю и лягу...

И пошёл домой. Больной, чего с него возьмёшь.

А у меня хоть и побаливает зуб под временной пломбой, а я всё равно бодрый, весёлый! Вон у нас какая красивая улица!

Дома на ней все разные, со всякими амурчиками на верхних этажах, со всякими львами, орлами и змеями. На одном доме над каждым окном человеческая голова: тётя, дядя, тётя, дядя... Однажды мы проснулись, вышли на улицу, смотрим, и все тётя и дядя курят. Ну, не по-настоящему, конечно, курят, а просто у них во рту папироски. Это кто-то им ночью вложил. Безобразие какое. Просто хулиганство. Но очень смешно.

Возле нашего дома четыре тополя растут, толстые, высокие, верхушками достают до пятых этажей. Когда летом от них летит пух, то вся улица белая. Возле тротуаров накапливаются сугробы. Прохожие идут и пушинки выплёвывают. Кошки все ходят с белыми мордами.

А теперь летят листья. Файзула их каждый день в кучи сметает. Но их разносит по всей улице. Над трамвайными путями даже табличка повешена: «Осторожно, листопад!»

И трамвай притормаживают. А для машин вывеска: «Бойся юза!» Юз — это когда машину боком несёт.

Я стою возле наших ворот и смотрю на прохожих. Некоторых я знаю в лицо. А они и не знают, что я их знаю. А может, и они меня знают в лицо, но им надоело на меня смотреть.

Я стою возле ворот и трогаю языком временную пломбу.

Вон почта — через улицу нанскосок. Я думаю, там сейчас сортировка идёт.

НИКОГО НЕТ, ОДНА КУРКИНА

Подворотня нашего дома вся исчеркана. Тут одни сплошные ужасы. Просто кошмары! По-моему, если незнакомый человек прочтёт всё, что здесь написано, у него волосы встанут дыбом. Он даже может повернуть обратно, только бы не входить в этот дом. Потому что выходит, что в доме живут одни бандиты и людоеды.

Например, здесь нарисованы череп и кости, а под этим надпись: «Тентелев, береги свой скальп!» Это я написал. Или вот: «Скачков, берегись, даже когда спишь!» Это написал Тентелев.

Тут еще много всякого такого. Фаизула сначала стирал, стирал надписи, а потом махнул рукой.

Но одну надпись я сам стёр. А именно: «Саня + Поля = ?» Вместо этого я написал: «Ну и дура ты, Куркина!»

Теперь я ничего не буду писать про Тентелева. Это ж надо, нахал какой! Теперь я с ним так рассчитаюсь. Наличными.

Я вошёл во двор и крикнул:

— Тентелев, эй, Тентелев!

Но его окно не открывалось. Может, он ещё не пришёл.

Зато Куркина с самого верхнего этажа высунулась.

— Скачков, — кричит, — не мешай уроки делать! Как пришёл, так и кричит! Прямо уши болят от твоего крика.

Я кричу:

— Молчи, Куркина! Закрой поддувало!

Тут Куркина начала кривляться.

Я тогда кричу:

— Михеев!

Но и у Михеева окно закрыто. Может, не слышит.

Тётя Сима высунулась из своего окна и говорит:

— Будет тебе выкрикивать! Поди поешь рыбного супу.

Я говорю:

— Мне нельзя, тётя Сима, я зуб лечил. Мне теперь два часа нельзя ни есть ни пить. Только кричать можно.

— Вот наказание-то, — говорит тётя Сима.

Не буду, думаю, здесь стоять. Стоишь, как на трибуне. И каждый тебя дёргает. Пойду лучше к Михееву на лестницу, подожду его. А сверху увижу, как Тентелев придёт.

Почта теперь уже скоро. Почтальона сразу увижу, наша ведь парадная напротив.

С Михеевой лестницы нашу комнату видно насквозь. Даже щели между половицами, даже ручку дверную. Ручка медная, гранёная, она мне до сих пор ладонь холодит. Она кислая на запах и на вкус.

В нашем флигеле на каждом этаже маленькая квартира: комната и кухня. Сразу видно, что в нашу квартиру ещё никого не вселили. Стоит слепая и глухая...

Я даже не знаю, сколько я просидел на этом подоконнике. Кто-то проходил, а я и не видел. Не обращал внимания. Может я просто сидел и ни о чём не думал? Но тогда как бы я вспомнил про пожар?

А я так хорошо вспомнил про пожар, что мне даже показалось, будто снова кто-то мне спать не даёт, почему-то одеяло стянули...

ПРО ПОЖАР

Кто это ему спать не даёт, почему одеяло стянули? Да нет же ещё, нет... Лампы под потолком горят, но как-то тускло, рассеянно, как в бане. Воздух вокруг них светится, какие-то струи плывут, закручиваются... Дым, это дым. Может, ему сон такой снится?

Нет, это не сон. В горле горько и сладко, Саня кашляет и садится на кровати. Над ним мама стоит, волосы её окутаны белым облаком.

— Да скорее же, — говорит она, — вот штаны, давай ноги, ах ты господи, он ещё спит!..

— Готовы? — откуда-то из-за дыма спрашивает отец и тоже кашляет.

— Он ещё не одет.

— Да не надо ничего, заворачивай его в одеяло!

Нет, это не сон.

— А что это? — кричит Саня. — А что?

— Пожар, вот что, — говорит мама, и слёзы её капают на Санино лицо, а руки не слушаются.

Теперь только он видит, как за окном бушуют чёрные, подсвеченные чем-то снизу клубы дыма. Они рвутся вверх с яростью и нетерпением. В комнату дым просачивается из каких-то невидимых щелей, лениво гуляет по полу, неохотно ощупывает стены.

— Я возьму его! — кричит отец и подхватывает завернутого в одеяло Саню.

— А мне что брать? Что мне брать? — кричит мама, и плачет, и мечется по комнате, хватая какие-то вещи.

— Носовой платок! Или лучше — мокрое полотенце. Намочи полотенце!

«Полотенце, да ещё мокрое, — думает Саня, — зачем?»

Ах, как странно сидеть на руках у отца завернутым в одеяло! Давно отец не брал Саню на руки, уж слишком тяжёл.

А дым саднит, запирает горло. Пожар в их флигеле!

— Что же это горит? — спрашивает Саня и кашляет.

— Да молчи ты! Рот закрой!.. Квартира Рюминых горит.

— Ой, да не Рюмины горят, а все мы горим! — кричит мама. — Весь флигель насквозь прогорит, мы ведь тут как в трубе!

— Кончай панику! — Отец укутывает Саню с головой. — Через полотенце дыши! — кричит он маме. — Держись за меня! Не отпускай!..

Саня слышит, как отец открывает входную дверь.

Лестница наполнена криками, каким-то смутным гулом. Саня приоткрывает одеяло, но, кроме густого, тускло освещённого дыма, ничего не видит. Он даже через одеяло чувствует, как горяч этот дым.

Отец идёт вниз, осторожно ощупывая ногою ступени. Мама, держась не за отца, а почему-то за Санину ногу, крадётсЯ сзади. Сане тяжело дышать, глаза его слезятся, рот наполняется горькой слюной. Внизу, куда они идут, что-то падает с гудением и треском. Вверх вздымаются искры.

Отец останавливается и колотит ногой в чужую дверь. По числу поворотов Саня понимает, что он стучит в квартиру, чёрные двери которой выходят на их лестницу. Мама тоже колотит двумя кулаками.

— Слышу, слышу! — доносится изнутри.

Лязгает запор, гремят какие-то вёдра.

— Ой, с ребёнком, да что же это!..

Отец ставит Саню на пол и, согнувшись, сильно кашляет. Мама бежит к раковине, пускает воду...

Много ли проходит времени? Сане кажется, что много, а на самом деле пять или десять минут.

За это время проревели сирены, всполошив все окрестные улицы. Во двор въехало несколько красных машин.

Саня стоял полуодетый на чужой кухне и вместе с мамой смотрел, как работают пожарные. Деловито гудели насосы, трещала, вырываясь из брандспойтов, вода, а с третьего этажа, из выбитых окон, валил дым. Он был то белого, то чёрного, то красного цвета. Иногда из горячей квартиры вылетали огненные клочья, дымящийся стул или тряпка. Их заливали водой или затапывали ногами.

— Ах ты, как не повезло старику Рюмину! — воскликнула мама.

А за её спиной хозяйка квартиры говорила:

— Это ещё, считай, **повезло!** Самого вынесли и флигель спасли.

«Спасли флигель, — думал Саня, — значит, ничего страшного больше не будет? Будет или не будет?» Но спросить об этом у взрослых он не решался.

Во дворе причитала тётя Таня Веденева, нижняя соседка Сани. Возле неё стояли наспех одетые люди. Отец по другой лестнице убежал вниз и теперь тоже был где-то там, на взбудораженном, освещённом непривычными огнями дворе.

— А ей-то чего убиваться, — сказала хозяйка квартиры. — Всего лишь пол прогорел. Вещи целы.

По её словам выходило, что от этого пожара жильцы флигеля только выиграли. «Ну и ну, — думал Саня, — ей бы так».

Он обернулся. Рядом с хозяйкой квартиры стояла девочка Поля. У неё по щекам ползли слёзы.

— А где твои ботинки? — спросила она.

— Где, где, на пожаре, — грубовато ответил Саня и снова стал смотреть в окно. Во двор, и без того загромождённый

машинами, въезжала ещё одна — с красными крестами. Её вызвали для старика Рюмина, который сидел посреди газона на уцелевшем стуле.

— Старика теперь — в дом хроников, — сказала Полина мама.

Саня обернулся, метнул на неё гневный взгляд и тут опять встретился с глазами девочки Поли. Он обнаружил, что стоит рядом с какими-то ботинками, и отпихнул их босой ногой. Но она не обиделась.

— А где твоя одежда? — спросила Поля. — Ты что, будешь ходить в одном одеяле?

— Спасли наш флигель, не видишь? — грубо сказал Саня. Он и сам не понимал, почему ему хотелось грубить. Он задёргал маму.

— А нашу квартиру заливали?

— Слава богу, не заливали, — ответила мама.

Тут вернулся отец. Только теперь Саня увидел, что он был в надетом прямо на майку пиджаке и в ботинках на босу ногу.

— Ну, пошли домой, — возбуждённо сказал он. — Погостили — и хватит. Хозяевам спасибо.

— Приходите ещё, — сказала Полина мама, запирая за ними дверь.

«Как бы не так», — подумал Саня.

В их квартире всё ещё стоял дым. Отец прошёл сквозь него и раскрыл окно. Вдвоём с мамой они стали размахивать полотенцами. Саня размахивал своей рубахой. Дым быстро улетучился.

— Чуете? — спрашивала мама, втягивая в себя воздух. — Дыма вроде и нет, а запах горечи остался. Спать тут нельзя, угорим.

— Так в чём дело, — сказал отец, — одевайтесь по-людски, пойдём погуляем.

Они надели горько пахнувшую одежду и ушли, оставив окно открытым. Они спускались по мокрой и закопчённой лестнице, мимо разорённых, распахнутых настежь квартир. Ни в одной из них люди, конечно, не спали.

В самом низу, где висели почтовые ящики, они остановились. От нижней ступени до порога стояла вода.

— Отрезаны! — сказал отец. — Придётся разуваться.

Он взялся за шнурки, но их было не развязать сразу, и тут в дверях парадной показался пожилой милиционер.

— Ну что, граждане погорельцы, не выйти?

— Не выйти, — сказала мама.

— Ну, стойте.

И он забурлил сапогами по воде. Первым он перенёс Саню и тут же вернулся обратно.

— Да мы уж как-нибудь сами, — смущённо сказал отец, распутывая шнурки, но милиционер повернулся к маме спиной и скомандовал:

— Держитесь за шею!

Загребая воду ногами, он вынес и маму. Он поставил её рядом с Саней и вернулся в третий раз, за отцом.

— Держитесь!

— Да я сам, — сказал отец, успевший к тому времени снять один ботинок.

— Держитесь, говорю!

— Да неудобно, товарищ сержант!

— Ну что, я зря, что ли, стою в воде?

Тогда отец тоже взгромоздился на милиционера.

Оказавшись на сухом дворе, рядом друг с другом, все трое посмотрели на милиционера и засмеялись. Он тоже улыбнулся.

— Что, редко приходится ездить на милиционере?

Мама ответила:

— Впервые.

— Считайте, что повезло.

— Так и считаем.

Пожелав милиционеру счастливого дежурства, они вышли на улицу.

Саня ещё никогда не видел их улицы ночью. Поздно вечером, когда возвращались из гостей, видел, а ночью нет.

Фонари уже были давно потушены, вверху шелестели листья тополей. Светились лишь витрины магазинов, окна парикмахерской, да часто мигал жёлтым огнём светофор на перекрёстке. По тёмному небу ползли серые облака, как дымные остатки недавнего пожара. Зато в конце улицы, где трамвайная линия поворачивала на мост, горела гирлянда ярких лампочек. Она была похожа на ёлочное украшение.

— Туда, туда, — прошептал Саня и потянул родителей за руки.

По дороге им встретились автоматы, и все трое выпили по стакану газированной воды. Мама с отцом пили без сиропа, а Саня с сиропом.

— Граждане погорельцы, — сказал отец. — А всё-таки главное, что мы вместе. Если бы что и случилось, чёрт с ними, с манатками, как вы считаете?

— Мы тоже так считаем, — сказала мама. — Главное, чтобы вместе.

Они посмотрели друг на друга, улыбнулись и пошли быстрее.

МИХЕЕВ, КОНЕЧНО, ДРУЖИТ С СУМИНЫМ

...И вдруг открылась дверь Михеева. Я даже спрыгнул с подоконника от неожиданности. В дверях стояли Сумин с Михеевым. Сумин уходил, а Михеев его провожал. Они тоже растерялись.

Михеев говорит:

— Ой, Саня, а ты чего здесь делаешь?

Я говорю:

Я ж кричал, почему вы не откликались?

— А мы не слышали! Андрей, правда, мы не слышали? Ты почему ж не звонил?

— Мы ничего не слышали, — сказал Сумин. — Ну, я пошёл.

— А ты заходи, заходи, Саня, — сказал Михеев. — Очень хорошо, что ты пришёл. А мы тебя искали, искали... Вот как нехорошо вышло, Саня, а ты где был-то? Мы арбуз ели, ели... Сумин говорит: он уже уехал. А я говорю: нет, он ещё не уехал, он тебе план поможет составить! Как хорошо, что ты ещё не уехал, а то бы совсем нехорошо получилось...

Всё понятно, думаю. Михеев теперь дружит с Суминым. Не очень-то они, видно, меня искали.

Я говорю:

— А куда мне торопиться, я ещё здесь побуду. Вот зуб лечил.

— Ах, ты в поликлинике был? Вот видишь, мы ж не знали!

— Вместе с Палёном. Представляешь, Палён идёт и чуть не помирает.

— Ах, вместе с Палёном!

На столе у Михеева было полным-полно арбузных корок и коричневых семечек.

Я говорю:

— Михеев, пойдём в ЖЭК, к Марии Михайловне, докажем, что я не брал лодку. Я честное пионерское дам, а ты поручишься.

— Конечно, докажем! — говорит Михеев. — Вот глупая история с этой лодкой. Саня, ты приезжай каждый день, Куркину не слушай! Мы докажем. Мне вот только маму надо дожидаться, а потом пойдём и докажем.

Я говорю:

— А Тентелеву надо тёмную устроить.

— За что Тентелеву?

— Так это ж он лодку взял, а на меня сказал.

— А вдруг не он?

— А кто же ещё мог на меня сказать? Ты ведь знаешь, какие у меня с ним отношения.

— Да, отношения отвратительные, — говорит Михеев. — Просто ужасные отношения. Тентелев в звеньевые вместо тебя хотел, а мы выбрали Сумина. Тентелев теперь злится. Куркину локтями толкает. У Сумина молоко пролил...

Я взял одну арбузную семечку и разгрыз. Узнаю Тентелева.

Я спросил:

— Ну, а ещё какие новости у вас там, Михеев?

И так мне захотелось в свой класс, когда я про всё это услышал!

— Новостей много, — говорит Михеев. — На экскурсию в Артиллерийский музей ходили. Дубареву гнилой помидор на стул подложили. Диктовку писали. Закавыку дразнили.

— А он что?

— Он поставил три двойки и говорит: «Всё равно я вас одолею, будете у меня как шёлковые! Вот поставлю тридцать три двойки в четверти, будете ручные!» А сам смеётся.

Вот какой у нас Закавыка. Он математику в этом году у нас преподаёт. Его никто не любит с первого дня. Все только и думают, как бы ему досадить. А Закавыка знает это. Он только войдет в класс и сразу проверяет: нет ли какого подвоха? Стол проверяет, стул проверяет, доску проверяет. А сам смеётся. Нет, мне все-таки нравится, что он сам смеётся. «Ну, — говорит, — где тут у вас закавыка?» Но всё-таки видно, что он переживает из-за того, что у нас с ним такие отношения.

Я Михеева слушаю, а сам всё гляжу в нашу комнату и грызу арбузные семечки. «Ну и пусть, — думаю, — дружат. Только как же это они не услышали, когда я их звал?»

— Ну, — говорит Михеев, — грустно теперь тебе на твои окна глядеть? Я иногда по привычке подойду и думаю: как там Саня?

Я говорю:

— С чего ты взял, что мне грустно? В таком колодце жить — небольшое веселье, так что ещё не известно, кому грустно. Солнышка живого тут не увидишь. А у нас светло, куда ни повернись. И воздух сельский.

— Не знаю, — говорит Михеев, — у нас сторона солнечная, нет у нас никакого колодца.

— Это у вас. А к нам от ваших стёкол только солнечные зайчики попадают. А Тентелеву от нас только зайчики от зайчиков. А тётке Симе от окон Тентелева — зайчики от зайчиков от ваших зайчиков, то есть вообще ничего.

— Что-то ты больно запутал, — говорит Михеев. — Зайчики, трамвайчики...

— Ни зайчики, ни трамвайчики, — говорю, — а одно безобразие, и кто только эти колодцы строил!..

— Чего ты шумишь-то?

— А то, что не надо быть эгоистом!

Чего это я так, в самом деле, расшумелся на свой старый дом? А то, что мне Михеев не нравится. Я ещё когда только во двор вошёл, догадался, что он с Суминым дружит, раз Сумин стал звеньевым. Сумин и за парту к нему пересел, на моё место.

Ну, не буду больше. Пусть дружат.

Я стал смотреть, у кого что стоит на окнах.

ПЕВУЧИЙ ЛЁНИН ГОЛОС

Вдруг с четвертого этажа раздался певучий голос:

— А-а-а-а-а-а-а!..

А потом на полтона выше:

— А-а-а-а-а-а-а!..

Я даже засмеялся, до чего мне было приятно это услышать! Это же Лёня поёт, Куркиной сосед. Он работает то в первую смену, то во вторую и в зависимости от этого в разное время суток разучивает свои арпеджио.

У Лёни голос, как у Робертино Лоретти, только поздравей. Лёня в заводской самодеятельности участвует. Он и во дворе может спеть, если его хорошо попросить. Жильцы иногда его просят. Лёня поёт: «Гори, гори, моя звезда-а...» Все тогда в окнах торчат, и вниз, на асфальт, слёзы капают: кап-кап-кап. Жильцы его хвалят: «Ай да Лёня!» И хлопают ему. Все даже слово знают такое: арпеджио. «Вот, — говорят, — Лёня поёт арпеджио». Иными словами — упражняется. Одна Куркина возле виска пальцем крутит и всё повторяет: «Как вы не понимаете, он же чокнутый!» Иными словами — ненормальный.

Нет, Куркина, чокнутые такими не бывают, наш Лёня — нормальный артист. А уж если кто ненормальный, так это ты, Куркина.

Когда Лёня до самого высокого тона дошёл, я даже на подоконник залез, так мне хотелось, чтобы он вытянул. Но он сорвался.

А с кухни чьей-то жареной рыбой пахнет. Щуку, значит, там жарят. Мне очень вдруг есть захотелось, наверно, от этих арбузных семечек.

Лёня запел:

— Бур-ря смеш-шала!..

И вдруг остановился как вкопанный. Чего он остановился? Может, увидел кого? Я в окно выглянул — нет, никого не увидел. Пел бы дальше.

Лёня откашлялся.

— Бур-ря смеш-шала!..

И опять дальше не пошёл. Ну, чего она смешала-то? Непонятно.

Я снова выглянул в окно и вдруг подумал: «Может быть, уже почтальон был?»

— Буря смешала землю с небом! — энергично пропел Лёня

Так бы и сказал.

Кошки сегодня взбесились, чуют живую рыбу, мячуют, по двору бродят как пьяные. Тётя Сима им рыбы потроха вынесла, так они стремглав за нею помчались, — ну что за кошки такие! У нас одна кошка весною своих котят за шкуру таскала на второй этаж и выбрасывала из окна. Мы её отлупить хотели, котят отобрать, а нам тётя Сима сказала: «Не трогайте её, это она своих детей к жизни приучает, чтобы в любом случае, значит, — на четыре лапы».

Вот и ещё одна сковородка затрещала. Ничего, кошки, будете сыты! Когда ж это наш дом рыбу жарил, а кошек не накормил!.. Эх, охота и мне рыбки с золотистой корочкой. Помяукать, что ли? Быть бы кошкой, жил бы где хотел.

Я говорю Михееву:

— Ну, Михеев, пойду почтовый ящик проверю, может, от бати чего есть?

— Ой, Саня, — говорит Михеев, — я бы с тобой тоже пошёл, но мне маму надо дожидаться. Я после выйду, после!..

Пошёл бы и сейчас, если б хотел.

ЯВИЛСЯ, ГОЛУБЧИК!

Почтальонша прошла уже, я по дырочкам вижу, они у всех белые, а в моём ящике дырочки всё ещё чёрные. Дверь тётки Симы слегка приоткрыта, она никогда её плотно не закрывает, чтобы кошкам свободно было ходить. Зайти, думаю, или не зайти? Очень уж рыбы хочется. И супу, и рыбы.

Нет, не зайду. Расспросы пойдут всякие, разговоры, а мне эти расспросы и разговоры сейчас — самое вредное дело.

Лёня петь кончил, зато Сухожилова с Новожиловой опять во дворе появились. Здравсте! Давно не виделись.

Асфальт расчертили мелом, прыгают и кричат своё заудство:

Опа, опа,
Азия — Европа,
Индия — Китай!
Шура, вылетай!

Шура, вылетай! Зина, вылетай! Шура, вылетай! Зина, вылетай! И как им не надоест часами долдонить одно и то же. Я в них камешком бросился, они скривились, ненадолго замолчали. Но так просто их не отучить. Их уж и водой сверху обливали, и лбами сталкивали, но это ни к чему не привело. Страсть как мне на нервы действуют Сухожилова с Новожиловой. Прямо все жилы тянут.

Вдруг мне по глазам ударил солнечный зайчик. Я ещё не разожмурился, а уже понял — это Тентелев! Явился, голубчик!

У Тентелева привычка: прежде чем выйти, всех ослепить солнечными зайчиками. Пометить, значит. Чтобы все на него внимание обратили и ждали его выхода. Тоже мне японский император!

Тентелев почти всегда загадочно улыбается. Он и говорить любит загадками. «Растение нуждается в солнечном свете и воде», — говорит, например, Тентелев. «Что?» — «Ничего, проехали!» И собеседник ещё долго мучается загадкой: что же имел в виду Тентелев?

Я никогда не даю себя поймать на эту удочку. Пусть он кого хочет ловит, только не меня.

Тентелев говорит мне из окна:

— Чуден Днепр в любую погоду.

А я отвечаю:

— Всем хорошим во мне я обязан книге.

Тентелев спрашивает:

— Что?..

Ага, попался, попался! Вон как рожа скривилась!

Я говорю:

— Потолковать надо, Тентелев, выходи!

лев. — Не имею физической возможности, — говорит Тентелев. — Ты сам ко мне заходи, здесь потолкуем.

— Ну уж, нет, — говорю. — Слишком много чести.

— А я, — говорит, — не могу.

А я говорю:

— Смоги.

— Пейте томатный сок, — говорит Тентелев.

А я говорю:

— Берегись юза!

Меня так быстро не поймаешь. Тентелев меня терпеть не может. Его бесит мой авторитет. Он всё только и ищет способов, чтобы свой авторитет повесить, а мой унизить.

Один раз при свидетелях он поставил на стол трёхлитровую банку воды и предложил мне с ним пить эту воду, кто сколько сможет. Я выпил четыре стакана, а Тентелев пять, но авторитету у меня не убавилось, а к нему не прибавилось.

А в другой раз мы на большой скорости спускались по лестнице с пятого этажа. Судили нас Дубарев и Михеев, они засекали время по секундной стрелке. Я так быстро мчался, что чуть все ноги себе не переломал. Но быстрее всё-таки спустился Тентелев. Ребята за меня болели, а за него не болели, так что Тентелев всё равно остался с носом.

Каких только он не придумывал соревнований, чтобы к себе внимание привлечь: мы с ним бегали наперегонки, кидали мячики, держали руки над горящими спичками, ели горчицу. И всякий раз он выходил победителем. Но это всё равно ничего не меняло. Меня ребята уважали, а его нет. И выходило, что я был непобедим.

Это его и бесит. Он рад, что я переехал, но даже после этого его не стали уважать, как меня. Вот он мне и подстроил. Эх, берегись, Тентелев!

Я говорю:

— Морально решил меня уничтожить, да, Тентелев?

А он говорит:

— Крестики и нолики — детская игра.

— Выходи, чего же ты. Выясним, какая игра детская, а какая не детская.

Но Тентелев вдруг отошёл от окна. Чего он отошёл-то?

ПОЛЯ

Я подождал ещё немного, но вдруг и сам как побегу! Ну, я и рванул со двора! Я стрелой пролетел и вкатился в первую попавшуюся парадную. Если бы Тентелев это видел, он очень бы удивился. Он бы подумал, что меня пчела ужалила.

Но это просто с улицы во двор вошла Поля.

А мне с ней не хотелось встречаться. Пока я не доказал, что это не я чужую лодку увёл, мне с ней встречаться нечего. Лодку ещё что, а ведь выходило, что я обманул, дал свой старый адрес. Поля мне такого не простит, она не прощает трусости.

Когда я ехал сюда, я, между прочим, думал: вот встречу Полю. Теперь это отпадает. Лучше уж ей на глаза не попадаться. Ведь не начнёшь же оправдываться. Она так посмотрит, что дрожь проимет. *Сыпью покросься. Хромать на обе ноги начнёшь.* Нет, лучше не стоит.

Поля у нас настоящая пионерка. Вообще-то у нас много хороших пионеров. Но на Полю даже издали взглянешь, сразу поймёшь, что она настоящая. Если человек в беде, она всё для него сделает, что хочешь отдаст. Она сама себе назначает тимуровские задания. То на перекрёстке дежурит, чтобы детей и стариков переводить. То с детским садом в парке играет. И никому, конечно, об этом не говорит. Я потому знаю, что люблю за нею издали следить.

С ней никто из мальчишек не задирается, как, например, с Куркиной. Попробуй задержись, все наши ребята стеной встанут. А в первую очередь дело будешь иметь со мной.

Поля с виду тихая, молчаливая. Она очень скромная. Она даже отвечать старается похуже, чтобы не быть первой, глаза всем не мозолить.

Вот идёт Поля по двору, по всем этим «классам», «очагам», «чирам», а я смотрю на неё сверху, из чужой парадной. И думаю: «Эх, Поля!..»

Она несёт авоську с продуктами. Пока мамы нет, Поля всегда ходит по магазинам. На ней всё хозяйство.

Один раз после школы я как будто случайно встретил её в овощном магазине. Я сказал: «Бери больше картошки, донесу». И она согласилась. Я ей донёс картошку до самой двери. Она открыла дверь и сказала: «Заходи».

Конечно, я зашёл. Я сказал: «Хочешь, я тебе картошки начищу?» И она согласилась.

Мы сидели в кухне на низеньких табуретках и чистили картошку. По радио передавали танцы композитора Брамса. Мы кидали очищенную картошку в кастрюлю с водой. Когда картошина плюхалась в воду, во все стороны летели брызги. Я очень торопился чистить, чтобы бросить свою картошину одновременно с Полей. Но у неё быстрее получалось. Она ещё успевала подхватывать мои картошины и выковыривать из них «глазкѝ».

Мы посмеивались и слушали венгерские танцы композитора Брамса. Потом Поля опомнилась. Она сказала: «Ой, а мне и картошки-то столько не надо. Что же с ней теперь делать?» Я говорю: «Хочешь — съем?» Зачем я это сказал, ведь Поля и не приглашала меня есть картошку. «Ну, это ты зря, — сказала она, — тебе и за три дня не съесть такую уйму картошки». — «На спор — съем за полчаса!» — «С маслом?» — «Да хоть с маслом!» А я для Поли мог съесть эту картошку хоть с рыбьим жиром, хоть с сахарным песком. «Ладно, посмотрим, — сказала Поля, — сейчас она у нас быстро сварится».

Так бы мы и ели картошку с маслом, но вдруг мне вздумалось спросить у Поли, согласна ли она со мной дружить.

Поля не сразу ответила. Она вымыла картошку, налила в кастрюлю свежую воду и поставила её на огонь.

А я всё ждал. Во дурак, что, и так непонятно?

Поля сказал: «Саня, ты очень хороший мальчик, ты сильный, у тебя есть воля и характер, короче говоря, побольше бы таких мальчиков в нашем классе».

Я сразу понял, что не будет она дружить со мной, раз побольше бы.

Поля сказала: «А моя дружба нужнее другим людям». — «Кому это?» — спросил я. «Униженным и оскорблённым». — «Кому, кому?» — Я сначала даже не понял. «Есть такие люди, — сказала Поля, — униженные и оскорблённые». — «На-

пример?» — спросил я. «Например, один мальчик». — «Из нашего класса?» — «Нет, не из класса. Из нашего двора. У него нет ни характера, ни воли. Он слабый. Его никто не любит. Может быть, я сумею поставить его на ноги».

Вот такой и была пионерка Поля. Мне в этот момент ещё сильнее захотелось с ней дружить. Но я виду не подал.

«Как его фамилия? — спросил я. — Уж не Тентелев ли?» — «Его фамилия Семёнов».

Ах, Семёнов! Флибустьер!.. Мореход затруханный.

«Давно дружите?» — спросил я как ни в чём не бывало. «С лета», — ответила Поля. Я тогда даже крикнул: «Да в чём его слабость-то? Кто его унизил и оскорбил?» — «Вы все его унижаете, и вы, и дворники, и родители! И все его оскорбляете. Никто с ним дружить не хочет, не играет никто с ним! А я буду, буду!»

Тут я не выдержал и дико засмеялся. Поля очень перепугалась, хотя она уже слышала, как я дико смеюсь.

«Смейся, смейся, — сказала Поля. — Ты жестокий, как и все». — «До свидания, — сказал я. — Привет Семёнову».

С тех пор, а это было недели три назад, я старался не встречаться с Полей. Я даже не попрощался с ней, когда уезжал. А сегодня мне очень хотелось её увидеть. Она про-
шла, а я подумал: «Здравствуй, Поля».

ЗУБ ОН ДАЕТ!

Мне не захотелось оставаться во дворе, и я вышел за ворота. На трамвайной остановке стояла большая красная «американка». Двери её были распахнуты, можно было вскочить на площадку и помчаться через весь город. Ну их всех, и Полю, и Тентелева, и Файзулу!.. Можно было вообще начать новую жизнь, а их всех забыть.

Но вечерней почты ещё не было.

У меня под временной пломбой всё ещё побаливал зуб. Я дотрагивался до него языком. И вспомнил про Палёна. Вот уж, наверно, кто страдает.

Я зашёл в телефон-автомат.

— Тентелев, — сказал я в трубку.

— Куда, куда вы удалились? — пропел Тентелев.

— Просто смотреть на твою рожу надоело.
— Думаешь, мне не надоело смотреть на твою рожу?
— Я бы тебе её с удовольствием начистил, — сказал я Тентелеву.

— Это ещё вопрос, кто кому начистит.

— Чистят тому, кто заслуживает.

— А чем это я заслужил, интересно узнать?

— А чтобы чужие лодки не брал.

Тентелев кричит:

— Какие лодки, что ты мелешь?

— Чтобы на других не сваливал! — говорю. — Ну кто ты после этого, а, Тентелев? Я от тебя любой подлости ожидал, только не этой. Совсем потерял совесть!

Тентелев говорит:

— А я от тебя любой глупости ожидал, только не этой.

— Ещё и отпираешься!

— Я не отпираюсь.

— Значит, сознаёшься?

— В чём мне сознаваться-то? — крикнул Тентелев.

— А в том, что лодку чужую взял, а на меня свалил!

— Дурак ты, Скачков! Не брал я лодки.

— Чем докажешь?

— Звб даю! — говорит Тентелев.

Видали, какой? Зуб он даёт по телефону.

— А мне, — говорю, — не видно, какой ты там зуб даёшь! Может, гнилой! Может, там и зуба-то нет! Может, вообще ничего не даёшь!

— Ну, заходи, заходи ко мне, — говорит Тентелев, — разберёмся!

— Нет, уж лучше ты выходи! Во дворе разберёмся.

— Да не могу я, — орёт Тентелев, — у меня машина работает, ты что, не понимаешь?

Вот ещё машина какая-то. Не понимаю.

ЗНАЧИТ, ЭТО НЕ ТЕНТЕЛЕВ?

В прихожей у Тентелева урчала стиральная машина. В распахнутой настёжке ванной клокотала вода.

— У тебя мама дома? — спросил я шёпотом.

— Да никого у меня нет! Один я!

Вот так сюрприз! Значит, стирал сам Тентелев! Я думал, что он постесняется принять меня за таким занятием. Но Тентелев нисколько не стеснялся.

— Вот видишь, — сказал он, — тружусь, как раб.

— Получается?

— Запросто! Я с третьего класса стираю, — ответил Тентелев. — Сначала из интереса к технике, а теперь уж по привычке. Втянулся. Да это же интересно! Машина-то почти всё делает сама, а ты над нею — как повелитель. Я с ней даже разговариваю. Она у меня как робот.

Этого я от него не ожидал. Я ему даже позавидовал.

Вот батя приедет, купим стиральную машину, и я тоже буду всегда сам стирать.

— Ну что, — спрашиваю, — Тентелев, признаёшься или отпираешься?

Тентелев говорит:

— Я же сказал: зуб даю! Во!

Я видел, Тентелев не врёт. Но если б он сам не стирал, я бы, может, ему не поверил.

«Значит, это не Тентелев. А кто же тогда?»

— Значит, это не ты? А кто же тогда? — спросил у меня Тентелев.

Одновременно подумали.

— Ты ведь мой враг, — говорю, — Тентелев.

— Ну, враг.

— Ты ведь меня ненавидишь.

— Ну, ненавижу, — отвечает Тентелев. — Так ведь и ты меня.

— Я тебя презираю и ненавижу.

— И я тебя презираю и ненавижу.

— Ну вот, — говорю. — Почему же это не ты сделал?

— А почему же это должен был сделать я? — спрашивает Тентелев.

— Лучше бы ты, — говорю. — А то получается кто-то другой.

— Так и получается, а ты как думал. Чуть что, так ты сразу: Тентелев, Тентелев! Помнишь, как с дневником?

— Помню, — говорю. — Тогда ошибка вышла.

Тогда мне в дневнике написали: «Ваш сын на уроке гудит». Я думал, это Тентелев написал, а это Дубарев. На него бы я никогда не подумал, он очень меня уважает. Он говорит: «Сам не понимаю, как это вышло, само собой написалось». «Ваш сын на уроке гудит». Вот глупость-то. Выходит, я снова зря подумал на Тентелева?

— Кто же это у нас во дворе такой подлый? — спрашиваю.

— Во-первых, не у вас, а у нас, — говорит Тентелев. — А во-вторых, не знаю. Поищи среди своих дружков. Но только я, как твой враг, никогда бы такого не сделал.

Тентелев это сказал и снова включил стиральную машину. Он даже загрузил, этот Тентелев. А я подумал: может быть, он меня потому ненавидит, что я никогда не хотел с ним дружить.

Чего мы враждовали-то? Чего не поделили? Жить бы мне сейчас в этом доме, я бы, кажется, со всеми дружил.

ВЕЛИКОЛЕПНАЯ ТРОЙКА

Я, когда вышел от Тентелева, совсем пришёл в упадок. Чего мне здесь делать? Просто не понимаю. Враг, оказывается, вовсе не враг. Какое-то дурацкое положение образовалось.

Оставайтесь вы все! Михеев со своим Суминым. Палён со своим зубом. Поля со своим Семёновым. Тентелев со своей стиральной машиной. Сухожилова со своей Новожиловой. Файзула — с метлой.

А я поеду в свой дом. Какой замечательный дом! Балкон, ванная. Кругом светло, от солнца прямо не знаешь куда деваться...

Нет, ещё не поеду. Вон три друга идут: Козлик, Дубарев и Пека. Они себя называют «Великолепная тройка»: Это потому, что тройка их любимая отметка, а также потому, что они ходят всегда втроём.

Увидели меня, обрадовались. Дубарев сразу спрашивает: — Эй, Саня, деньги есть?

Пека говорит:

— Да какие деньги, Дубарев, он же наш гость.

— У меня, — говорю, — есть тридцать копеек. А на что вам?

— Да нам ни на что, пойдём с нами обедать! Утощаем! Они втроём очень дружно живут. У них, вроде бы, бригада. Они, например, деньги вместе складывают, у кого сколько есть. Они рубашками, шапками меняются. Они и уроки делают бригадой: один — русский, второй — английский, третий — математику. А потом переписывают. Они втроём сложились и купили билеты денежно-вещевой лотереи. Скоро они выиграют, тогда у них совсем будет здорово. Они на эти деньги хотят купить собаку доberman, за зиму вырастить, а летом пойти в поход.

Мне жаль, что я не вхожу в «Великолепную тройку». Но тогда бы это была уже четвёрка, а они вряд ли на это согласятся.

Мы пришли в кафе «Ландыш» к тётке Шуре. Это замечательное молочное кафе.

Дубарев говорит:

— Тётя Шура, здрасте, вот у нас рубль!

— Ну и что?

— Чтобы было наето и напито! — говорит Дубарев.

Тётя Шура так полегла от смеха.

— Это на четверых-то? Рубль? И чтоб напиток и чтоб наето?

— Ничего не знаем, — говорит Дубарев. — Наши деньги, ваш товар. Чего дадите, то и будем есть. А ну садись, ребята!

Дубарев у них такой! Он у них вроде завхоза.

— А вы чего же в школе не обедаете? — спрашивает тётя Шура. — Там ведь у вас дешевле, а вкус такой же.

А у нас и правда дешевле. К нам из-за дешевизны один дядька всё время ходит обедать, но его выгоняют, а он сердится.

— Нам у вас интересней, тётя Шура, — говорит Дубарев. — Всё-таки кафе!

— Ну и стилиаги! Суп молочный с рожками по полпорции будете?

Мы кричим:

— Будем, будем!

— На второе сырники со сметаной будете?

— Будем, будем!

— Ну, а на коктейль у вас тогда ничего не останется. Вы ведь коктейлю хотите?

— Хотим, а то как же, хотим! — крикнул Дубарев и посмотрел на меня.

Тут я вскочил:

— Вот у меня есть на коктейль! Ровно тридцать копеек!

Дубарев говорит:

— Тогда всё в порядке!

Он у них насчёт денег очень сообразительный, этот Дубарев.

Когда мы ели молочный суп, я вдруг увидел за соседним столиком своего знакомого малыша в голубом чепчике! Я его сразу узнал. Он сидел на коленях у своей мамы и вертел того же самого петушка. Мама его кормила. А он артачился. Она поднесёт ему ложку с рисовой кашей, он отвернётся — она сама съест. Она опять поднесёт ему ложку с рисовой кашей, он отвернётся — она сама съест.

Да разве ж так маленьких кормят? Если бы я его кормил, он бы у меня всё съел, да ещё бы добавки попросил! Я бы его шутками да прибаутками. Я бы со сказкой да лаской. Он бы ел и нахваливал. А я бы после него, что осталось. А мог бы и вовсе не есть, мне главное, чтобы он был сыт.

Мне хотелось вскочить, отобрать маленького и накормить его своим молочным супом!

Мы с ним посматривали друг на друга. По-моему, он меня тоже узнал.

— Саня, — сказал Пека, — ты нас и не слушаешь.

— Слушаю, слушаю.

— Да не слушаешь, а про что мы сейчас говорили?

Я, конечно, не знал, про что они говорили.

— Вот видишь, мы говорили про Закавыку.

Закавыка, Закавыка, больше у них и разговоров нет.

— Он замечтался. Ты чего мечтаешь, а, Саня? Ты какой-то грустный стал, как переехал.

Дубарев сказал:

— А я знаю, почему он грустный. Потому что с лодкой попался, да, Саня? И как тебя угораздило?

— Что?

— Да попался-то зачем? Больно надо попадаться. Взял бы да на другой берег уплыл.

Пека говорит:

— Да, а они через мост!

Я говорю:

— Они через мост, а я снова на другой берег!

— Соображаешь ты, Дубарев, они бы речную милицию вызвали! У них знаешь какие быстроходные катера? Живе бы на abordаж, да, Саня? Ты сразу, что ли, сдался?

Я говорю:

— Не, не сразу. Поплавал с полчаса.

— Да ну! А потом?

— Потом навалились.

— Кто?

— Ну, эти... Торпедоносцы.

— Какие?

Я говорю:

— Какие? Нормальные. С пушками, с пулемётами. Торпеды у них наготове были.

— Вот это да-а!..

— Да ты не заговариваешься, да?

— Да ты чего-то заговариваться начал, — сказал Дубарев.

— А ты не заговариваешься, да?

— Так ты правда, что ли, не брал лодку? — спросил Пека.

Я говорю:

— А ты как думал?

— Так на тебя же письмо пришло с лодочной станции!

Я кричу:

— Ну и что?

— Тише, тише, — говорит тётя Шура. — Вы чего мне тут пионерский сбор устроили? Поешьте и выходите.

Я шепчу:

— Ну и что?..

— Так там фамилия, говорят, твоя, имя, старый адрес...

Пека говорит:

— Погодите, погодите... Так это не ты был? Кто-то, значит, другой? А на тебя свалил. Ну, это безобразие.

— Это подлость, — говорит Козлик.

Дубарев сказал:

— Это ничего. Ты ведь переехал, с тебя какой спрос. Ты не огорчайся, Саня, держи хвост пистолетом.

— Ну, Дубарев, — сказал Пека, — ты в корне неправ!

Я сказал:

— Дубарев, если ты так считаешь, то, выходит, и ты сам мог это сделать?

И я подумал: «Может, это Дубарев?»

— И бы на тебя не сказал.

— А на кого же?

— Да, на кого? — спросили Пека с Козликом.

— А я бы сказал, что меня зовут Ваня Иванов, а живу на Лиговке. Пусть потом ищут. На своих-то зачем говорить?

Мне не понравилось то, что сказал Дубарев. Да и другим, по-моему, тоже не понравилось. Уж если попался, то надо своё имя и свой адрес говорить.

— Нет уж, если натворил, Дубарев, то и отвечай, — сказал я.

Он испугался:

— Да чего я натворил-то, ничего я не натворил! Это я на всякий случай, для примера...

Для примера!

Мы ели сырники и молчали.

Мать за соседним столом доела рисовую кашу и дала маленькому компот. Он выпил полстакана. Мать закинула голову и стала языком доставать из стакана сухофрукты. Маленький тем временем взял со стола косточку от урюка и

хотел положить её себе в рот. Я побоялся, что он подавится, и отобрал у него косточку. Он ещё ничего не успел сообразить, как я положил её на здоровую сторону и — хруп! И протянул маленькому орешек.

— Нельзя, — сказала мать. — Нельзя из чужого рта. — И понесла своего ребёнка к выходу.

Мне стало вдруг грустно, что я его больше не увижу.

— А у нас в лагере, — сказал вдруг Дубарев, — была Курдюмова.

Он замолчал, дожёвывая сырник с хлебом.

— Ну и что? — спросил Пека.

— Её к нам посадили за стол для нашего исправления. Чтобы мы, значит, облагородились...

Дубарев замолчал.

— Ну, дальше-то, дальше.

— Чтобы руками не ели. Обьедки бы на пол не выплёвывали. Чтобы хлебные шарики не катали и не бросались ими в дежурных.

Дубарев опять замолчал и продолжал с громким чавканьем есть сырники.

— Ну и что? — спросил Пека.

Дубарев ел и ничего больше не говорил. Все на него со злостью смотрели.

— Дубарев, ты будешь дальше говорить или нет? — рассердился Пека. — Вот что за манера...

— Ну вот, Курдюмова только ложку начнёт ко рту подносить, а мы все втроём: «А-а-а-ам!..» Она только компот приготовится пить, а мы: «Буль-буль-буль-буль!»

Все, кроме меня, засмеялись.

— Ну и что?

— А ничего. Плакала она. Убегала из столовой прочь от нас. Голодной оставалась. Худела. Потом её пересадили.

Я снова подумал, что лодку взял Дубарев.

Мы вышли из кафе.

— Саня, пойдём с нами! — сказал Пека.

— А вы куда?

— Мы в баню, в баню! Пойдём, мы тебя хорошенько вымоем, все свои печали забудешь!

Я бы пошёл с ними в баню. Я очень люблю ходить в баню большой компанией. Но мне надо было ждать почтальона.

И потом, у меня была ещё одна идея.

ШПАГУ НАГОЛО!..

Флибустьер, мореплаватель затруханый был совсем близко. Об этом говорила верёвка, которая изображала бикфордов шнур. Она шла вдоль стены к одному из окон подвала. Когда-то этими верёвками баловался и я, и все ребята нашего двора, а теперь при этом занятии остался один Семёнов.

Кое-что ещё говорило о его присутствии: три стеклянных осколка, лежавшие друг возле друга, квадрат на асфальте со свежими крошками мела. Все эти штучки были мне хорошо знакомы.

— Семёнов, — позвал я. — Семёнов, выйди на минуту!

Сначала всё было тихо. А потом внизу, у входа в котельную, под железным навесом что-то звякнуло.

Я тихо приблизился и заглянул. Семёнов сидел на корточках у дверей котельной, уныло опустив голову.

— Семёнов, ну, выйди, дело есть.

Флибустьер появился наверху, ощетиленный всеми видами деревянного вооружения. Весь он был достоинство и дьявольская смелость. «Чего с ним дружить-то, — подумал я. — Он и защитить её не сумеет».

Он отдал мне честь двумя пальцами.

— Что угодно?

— Семёнов, ты можешь без этих гримас?

— Я ещё раз спрашиваю, что привело вас ко мне? — не унимался Семёнов.

Тогда я сказал:

— Кое-что надо обсудить, сэр.

Лицо Семёнова слегка покраснело. Он снова отдал мне честь двумя пальцами.

— Следуйте за мной.

Я шёл за ним по двору и думал: «Ну и дурак ты, Семёнов. Разыгрываешь из себя непризнанного рыцаря, а Поля тебе верит».

В прошлом году мы все чуть не походили с ума на этих штучках Семёнова. Всюду грохотали выстрелы и взрывы. Файзула с грузчиками из магазина, чертыхаясь, разваливали крепости из ящиков. Все стены и двери парадных были густо покрыты условными знаками, угрозами и проклятьями. Кругом только и слышалось: «Я требую удовлетворения!», «Вы за это ответите!», «Шпаги наголо, монсеньеры!».

Потом все вдруг остыли, устали. Не коснулось это только Семёнова.

Последний флибустьер привёл меня на задний двор. Там, под глухой аркой, за мусорными баками, находилось его нынешнее убежище. Файзула его преследовал, разорял безжалостно, да и мы над ним надсмехались, поэтому убежища приходилось всё время менять.

За мусорными баками было противно. Собаки там гадили, пахло гнилыми фруктами, но Семёнов, казалось, ничего этого не замечал.

— Может, на диван переберёмся? — предложил я и указал в сторону своего дивана.

Но Семёнов сел на ящик.

— Выкладывайте, сэр, и без обиняков.

Обиняки какие-то, подумал я, но тут же вспомнил, что встречал в книгах это странное слово.

Ну, хорошо, думаю, ладно. Доставлю ему в последний раз удовольствие. Может, он тогда запирается не будет.

Я сказал:

— Без обиняков так без обиняков. Вы знаете, надеюсь, что я до недавнего времени был жильцом этого замка...

Я видел, как Семёнов удовлетворённо покраснел.

— Так вот, неделю назад я сменил место жительства. Захотелось поближе к дикой фауне и флоре, на доно природы... Знаете, охота, верховые прогулки, рыбная ловля...

Семёнов прервал меня с важным видом:

— Виски, коньяк, ром?..

Совсем очумел парень. Может, он болен?

Семёнов перехватил мой подозрительный взгляд и заёрзал на ящике.

— Продолжайте, сэр.

Тут я не выдержал. Меня вдруг взорвало. Я крикнул Семёнову:

— Слушай, кончай ты всю эту ерунду! Ты что, не понимаешь? Не понимаешь, да? Так рехнуться можно! Выбрось всю эту дребедень из головы, выбрось!..

Я вскочил и с ожесточением стал пинать ящики.

— Я тебе покажу сэра! Я тебе покажу виски и коньяки!.. Я тебе сейчас знаешь что?.. Я из тебя всю эту дурь вытрясу!.. Ишь ты, униженный и оскорблённый! Говори, ты лодку взял?

Я схватил его за форменку и стал трясти:

— Ты?.. Ты?.. Ты?..

На боках у Семёнова колотились друг о друга все деревянные. Он ещё пробовал бормотать:

— Шпагу наголо...

Но уже по его щекам потекли крупные слёзы.

— Вы мне за это ответите!..

Но не было у него уже сил для отпора и достойного сопротивления.

Я и сам не заметил, как разорвал все его лямки, тесёмки, так что деревянное оружие упало к его ногам.

Мне стало жаль его. Я обнял его за плечи и усадил на свой диван. Семёнов утирал слёзы.

Я сказал:

— Ну, хватит, Вадик... Тебя Вадиком звать? Не реви. Не жалей об этом. Сам не знаю, как получилось, что я тебя так сильно потрепал... Ты слышал что-нибудь про лодку?

Семёнов кивнул.

— А это не ты её взял? Может быть, ты, Семёнов, а? Ты же всё-таки пират, флибустьер, кой-какой мореплаватель... На кого же мне думать, а?.. Скажи, Вадик, я тебе ничего не сделаю.

Семёнов молчал.

— Ты не бойся, я Полю ничего не скажу

Семёнов сверкнул на меня глазами. Было похоже, что он хочет выкрикнуть: «Вы оскорбляете моё достоинство!» — или что-нибудь такое.

Я ещё цеплялся за эту надежду. Ведь он же мог меня не любить из-за Поли, он ведь знал, что я хочу с ней дружить.

— А, Семёнов? Вадик, честное-благородное, никто не узнает.

Тогда Семёнов встал и пошёл домой.

ОРАНЖЕРЕЙНАЯ ДЕВОЧКА

...Тогда Семёнов встал и пошёл домой, а Саня остался сидеть на диване. От стыда, который он пережил, ему захотелось спрятаться, от стыда и от досады. Простит ли его

Семёнов? Простит ли его Поля за то, что он наговорил Семёнову?

А может, наоборот, не прятаться надо было Сане, а выйти куда-нибудь на простор, на открытое место, откуда видно хорошо во все стороны.

Саня вспомнил, как несколько лет назад он лазил по крышам. Там, оглядываясь кругом, он испытывал замечательное чувство радости. Он казался себе сильным, отважным и недосыгаемым. Страха не было, это он теперь всегда испытывал страх, когда видел на крыше людей, сбрасывающих снег с самого края карниза. А за себя он не боялся.

Однажды он приполз по шершавому крашеному железу к какой-то странной пирамиде, сиявшей стёклами между плоскостями крыш.

Всё кругом было пыльным и шершавым, с натёками чёрной смолы, а пирамида сияла солнцем и облаками. Она заставляла жмуриться.

Саня заглянул внутрь пирамиды и увидел под нею ещё ряд плоских стёкол, которые были её дном. Под этими вторыми стёклами помещалась необыкновенная комната.

Саниному взгляду открылись прямоугольники столов, круги кастрюль, ведер и сковородок. Совсем близко от него перемещались две макушки. Туловища с ногами уходили вниз.

Это были женщина и девочка. Они о чём-то говорили и, видно, что-то готовили. Женщина открыла кастрюлю, и к стёклам повалил пар. Нижние стёкла тотчас затуманились.

Саня лежал возле пирамиды довольно долго, и никто его не замечал. Девочка выходила, но скоро вернулась, потом вышла женщина.

И тотчас он постучал.

Внизу появилось лицо — испуганное, строгое. Девочка погрозила пальцем, потом взяла со стола нож и показала Сане.

Весь день и весь вечер он думал о девочке под пирамидой. Про себя он называл её «оранжерейная девочка».

Конечно же, утром он был там снова. Девочка вышла умываться и — вот чудо! — прежде всего посмотрела вверх. Саня улыбался ей, и она улыбнулась, потом покрутила пальцем у виска, что означало, что она сомневается в Саниных умственных способностях.

Сане нравилось всё, что делала оранжерейная девочка: как она умывалась и как летели в стороны брызги, как она ставила чайник на плиту. Потом, причёсанная, опрятно одетая, она вернулась, посмотрела на Саню, как будто хотела его увидеть. И вот что она потом сделала: она достала две чашки и налила чаю себе и ему. Саня сложил ладонь чашечкой и сделал вид, что пьёт, что ему горячо, что он дует. Оранжерейная девочка весело смеялась.

Так они дурачились несколько дней подряд. Но сколько Саня ни вглядывался в прохожих на улице, он ни разу не встретил оранжерейной девочки.

Однажды, через несколько дней, он показал ей знаком, чтобы она спустилась вниз. Она кивнула.

Через десять минут, уже во дворе, на асфальте, перед ним стояла обыкновенная девочка в обыкновенном сарафане с обыкновенными «крысиными хвостиками» по плечам, по имени Зоя, по фамилии Куркина.

Они оба смутились и не знали, о чём говорить.

«А ты чего всё время дразнишься?» — спросила Зоя. «Да, а кто первый начал?» — «Ну, и не лазай!» — «Крыша общая, не запретишь». — «И нечего в чужие окна заглядывать». — «Уж и окна. У людей они как окна, а у вас какой-то люк». — «А мы дворнику скажем!» — «А я стёкла повышибаю. И будет на вас дождик: кап-кап-кап! Прямо в кастрюлю!» — «Вот погоди, я узнаю, из какой ты квартиры», — плаксиво сказала Зоя и побежала домой.

С этого дня он называл её просто Куркина.

А в другой раз Сане захотелось заглянуть с крыши в свою квартиру.

Он, цепляясь за гривки кровельного железа, дополз до карниза и встал, держась за тонкое ограждение.

Свои окна он сразу узнал. Они были прямо перед ним, одно из них было открыто. На подоконнике лежали крупные антоновские яблоки. К окну подошёл отец и стал бриться. Саня подумал, что отцу будет приятно увидеть его в таком необычном положении. И Саня окликнул его.

Отец положил зеркальце, вытянул перед собой руки и стал зачем-то слабо шевелить пальцами. А потом попятился назад в комнату и исчез.

Встретились они уже на чердаке, между гирляндами сохнувшего белья. Отец схватил Саню, приподнял его и так

держал долго-долго. Потом он повёл его к выходу. На лестнице он снова обнял Саню и прошептал: «Я знаю, что тебе не было страшно. Но не ходи больше туда, не смей. Маме ничего не говори».

Так мама об этом и не узнала.

ПОЧТА

Почтальоншу нашу я увидел издалека. Она шла к михеевской парадной. Сумка её была набита битком, да ещё в руках она несла большую кипу газет и журналов. Я подумал, что в такой толстой сумке уж обязательно найдётся для меня письмо. Просто наверняка. Может быть, даже не одно. А чем же она у неё тогда забита?

Я стал отступать, отступать и скоро очутился в своей парадной.

Мне хотелось быть поближе к своему ящику. Мне хотелось посмотреть, как она будет опускать письмо в ящик. И услышать, как оно прошуршит и стукнется о донышко твёрдым ребром.

Я поднялся на второй этаж и стал смотреть в пролёт лестницы. Мне хорошо были видны ящики. А в окошко я видел двор.

Почтальонша вышла из михеевской парадной и пошла к Полиной. Пусть и Поле будет письмо. Я не знаю, ждёт ли она, но пусть и ей будет.

В тот момент, когда почтальонша открыла нашу дверь, из своей квартиры вышла тётя Сима. Она тоже ждёт письма — от своего младшего сына Гены, из армии.

— Ну, что ты мне принесла? — спрашивает тётя Сима.

Почтальонша отвечает:

— «Вечёрку».

— И всё?

— И всё.

— Вот паразит, — говорит тётя Сима. — Совсем матери не пишет.

А я внимательно наблюдаю за руками почтальонши, как она рассовывает по ящикам письма и газеты. Вот верхний ряд... Вот средний...

— А Скачковым есть что-нибудь? — спрашивает тётя Сима.

— Скачковым? Это которые переехали?

— Ну-ну. Из сорокового номера.

Да что она суётся-то!.. Ведь сейчас и так видно будет...

— Нет, им нет.

Как нет, ведь ещё не дошла до нашего ряда!.. Суётся не в своё дело...

— А тут мальчонка всё ждёт, — говорит тётя Сима. — Приезжает издалёка, с новой квартиры, думает, вот письмо будет от отца...

— Так ведь переадресовать можно корреспонденцию, — говорит почтальонша. — Двадцать копеек заплатишь — и пойдёт по новому адресу. Постоите, а может, было им письмо?.. Вроде я опускала...

— Когда?

— Да дней пять-шесть, может, назад. Или я путаю...

— Путаешь, наверно. Было бы, так я б увидела. И мальчонка бы, Санька, тогда не ездил. Было бы, значит, было. А так его нет.

Тётя Сима вздохнула и ушла в квартиру. За почтальоншей тоже захлопнулась дверь.

На лестнице тихо. Пусто и тихо. По подоконнику коси-коси-сено ползёт. Не люблю я их трогать. И как это Михеев их трогает?..

Тихо на лестнице. Во всём доме тихо.

АЭРОПОРТ

Во всём доме тихо. Во всём городе тихо. То трамваи звенели, машины урчали, а тут всё пропало. Тишина. А Саня Скачков сидит в своём бывшем доме, в своей бывшей парадной, на выщербленном, изрезанном подоконнике и вспоминает.

Да разве ж не помнит он то утро, когда отец уезжал? Был июнь, половина ребят уже разъехалась на дачу.

Саня проснулся в то утро и первым делом услышал, как Файзула поливает двор из шланга, вода трещит и клокочет, и Саня тотчас хотел мчаться ему помогать.

Но из кухни вышел отец, и Саня всё вспомнил.

— Ага, проснулся, — сказал отец. — Вставай скорей, будем завтракать! Ты что, забыл, что я уезжаю?

— Нет, не забыл! А где мама?

— Она на работе. Поедешь провожать меня в аэропорт?

— Конечно, поеду! — воскликнул Саня. — Пап, а ты на каком, на ТУ или на ИЛе?

— Сейчас посмотрю, — сказал отец и достал билет. — На ТУ-сто тридцать четыре.

— Во, здорово! Сколько ж тебе часов лететь?

— Да там такая путаница с часами, — сказал отец. — Вылечу в полдень, часов пять пролечу, а будет уже почти полночь.

— Я знаю, я знаю! — вскричал Саня. — Это из-за поясов! Мы проходили. Солнышко-то оттуда к нам движется!

— Вот видишь, какой ты у меня образованный. Большой и умный.

Они вместе позавтракали и вымыли посуду. Потом вынесли чемодан и рюкзак на улицу и стали ловить такси.

В машине они уселись рядом, на заднем сиденье, и одной рукой отец его обнял. О чём-то Саня его спрашивал, о чём-то сам рассказывал, всё время болтал.

А отец его слушал и вроде не слушал, он курил и смотрел по сторонам, на прохожих, на дома, мимо которых они проезжали.

Иногда он только сжимал Санино плечо...

В аэропорту Саню больше всего поразило, что перед ними сами собою раздвинулись двери. Потом он с удивлением разглядывал громадный зал со множеством ярусов и переходов. Высоко вверху, в стеклянных цилиндрах, пронизанных солнцем, летали воробьи. Вокруг мраморного бассейна вились растения. И вообще здесь было полно чудес, от которых у Сани голова пошла кругом.

Чемодан и рюкзак отца вдруг провалились под пол. А Саня с отцом на лифте вознеслись на галерею и очутились в кафе. Саня и не заметил, как в руках у него оказались две плитки шоколада, а перед глазами, за стеклянной стеной, простёрлось бетонное поле с ревущими самолётами. Большие серебряные машины одна за другой взлетали и садились, а по полю сновали какие-то тележки и автобусы. Спокойный женский голос по радио называл разные города и время отлёта.

И всё это вместе было необъяснимо прекрасным миром. Отец уже принадлежал ему, а Саня только, как свидетель, шёл рядом.

И вдруг всё это кончилось. Отец, о чём-то говоря и в чём-то напутствуя Саню, вывел его на улицу и посадил в такси. Он дал водителю денег и назвал их адрес.

Саня кивал, улыбался, махал рукой, а как только машина тронулась и в окне замелькали деревья, он вдруг понял, что всё было не так, всё было неправильно! И не нужны были никакие волшебные двери, ни галереи и стеклянные стены, ни выющиеся растения, ни шоколад, который он держал в руках. А просто нужно было, чтобы отец не уезжал.

...Саня вышел из парадной и прошёл через весь двор, не подымая глаз на окна. Ему было всё равно, видят его или не видят.

В подворотне ему попался Тентелев.

— А-а, дорогой враг!.. — вскричал он. Но тут же смолк. — Что с тобой, Скачков?

— А что?

— На тебе лица нет!..

Саня сказал:

— На мне? На мне лица нет? А это что, не лицо? Вот оно, лицо, вот! Или, другими словами, физиономия. Или, проще сказать, рожа! А что это весёлая рожа, так я тебе просто ручаюсь. Гляди, как я смеюсь: ха-ха-ха-ха!.. Гляди, как я улыбаюсь: гы-ы-ы!.. Или тебе этого мало? Иди своей дорогой!

Тентелев совсем ошалел от этих Саниных речей. Он покачал головой и посмотрел ему вслед.

ВЕСЁЛЫЙ ВОДИТЕЛЬ

За Саниной спиной стучал и дребезжал трамвайный вагон. Были в нём люди или не были? Видели Саню или не видели?

Какая разница. Ведь если человек стоит на задней площадке и плечи его трясутся, то это оттого, что весь вагон трясётся, и больше ниотчего.

За вагоном оставалось ущелье-улицы. Дома расплывались, кривились, как будто по стеклу хлестал дождь. Бывает

ведь так — по стеклу хлещет дождь, и всё, что за ним, меняется.

Вслед за трамваем по мостовой, не обгоняя и не отставая от него, давно уже шёл грузовик. Саня вдруг увидел, что водитель смотрит на него и корчит ему рожи. На остановке, притормозив вслед за трамваем, водитель бросил руль и стал помогать себе руками. Рожи у него выходили одна уморительнее другой. Саня никогда таких не видел. Отворачиваться было некуда, поэтому ему ничего не оставалось делать, как смотреть.

Сделав на прощанье печальную рожу и покачав головой, водитель свернул в боковую улицу. Саня зачем-то запомнил номер его машины: ЛЕБ 54-22.

Трамвай въехал на мост, и по обе его стороны раскинулись крылья Невы.

ДОМАШНИЕ РАЗГОВОРЫ

Всё, что происходило с ним дома, — все разговоры с мамой, расспросы упрёки, его собственные ответы, — как-то не задевало его, не задерживалось в голове.

Где бы?

Да в их старом доме, у Михеева. Сказано было, чтобы не ходил в тот дом? Да он больше и не пойдёт. Вот только зуб съездит долечит, надо долечить, раз уж начал. Что, свет оставил в ванной? Ах да, действительно, сейчас выключит. Всё никак не привыкнет. Почему в школе говорят, что он ничего не делает? Брехня это, он делает то же, что и все.

Конечно, выучил.

Конечно, подготовился.

А как же!

Ещё бы!

Ну, разумеется!

Как математика зовут? Сергей Сергеевич. Нет, кажется, Семёнович. Ну да, Спиридонович! Нет, всё прекрасно слышит. И сейчас слышит. И всё понимает. Ну пожалуйста, он повторяет: математика зовут Сергей Спиридонович.

Ах нет, не это? Ну, тут много о чём говорилось. Ах да, не

пойдёт! Нет-нет, ни за что не пойдёт в их старый дом. Конечно, там нечего делать. А друзей и здесь заведёт.

Не надо быть слишком привязчивым. Не надо.

Не надо быть слишком доверчивым. Конечно, не надо.

Здесь прекрасная спортивная площадка. Отличная! О такой можно было только мечтать. Зимой — коньки. Да и лыжи. Летом — ролики. Здесь можно вести спортивно-оздоровительный образ жизни. В здоровом теле здоровый дух. Не от случая к случаю, а целую спортивно-оздоровительную систему. Система вообще лучше случая. Утром — бег, гимнастика, тёплый душ. Замечательно. Он согласен.

Кого не задевает, его? Ещё как задевает. Ещё как трогает.

Собака — хорошо, собаку заведём. Собака дисциплинирует. И встанешь вовремя, и ляжешь вовремя. И погуляешь. И домой вернёшься вовремя — собаку ведь не бросишь. И не тронет никто. Собака охраняет. Собака дисциплинирует. Собака — друг человека. Пуделя или колли. Можно и короткошёрстную. Пойнтера, например. Нет, нисколько не равнодушен. Что с ним происходит? Да ничего, ей-богу, не происходит. Ничего не болит. Замечательно себя чувствует. Ничего не происходит. Тут и объяснять нечего. Ничего не происходит. ~~Значит, показалось. Ничего не происходит.~~

«Выйди-на-кры-леч-ко-ты-моё-сер-деч-ко...» Фальшивое пение? Нисколько. По радио поют, вот он и подпевает.

УТРО В НОВОМ РАЙОНЕ

Утро в новом районе начинается рано. Людям не терпится, всем не хватает времени.

По пустырям, радуясь простору и воле, носятся породистые собаки.

По узким проездам, брызгаясь во все стороны, дробя новый асфальт и расщепляя пешеходные доски, снуют тяжёлые грузовики. Неподдалёку строят ещё один дом.

Бульдозер, рыча и волнуясь, набрасывается на кучу строительного мусора. Самосвал вываливает на газон чёрную плодородную землю.

Дворники и пенсионеры сажают липы, акации и тополя.

Пешеходы, поругиваясь, прыгают с камня на камень,

с бруска на брусок. Кто-то из ранних покупателей несёт уже с рынка целую сетку холодных антоновских яблок. Иной только ещё выходит из парадной и, зажав под мышкой утренние газеты, пробирается к автобусу. По школьному стадиону бежит немолодой и не слишком резвый спортсмен.

Начинался обычный день в обычном новом квартале.

Новосёлы, каждый по-своему, осваивали новое жильё, и хотя всё ещё здесь было в самом начале, быт понемногу налаживался. Все этого, разумеется, хотели и все для этого что-нибудь делали.

Может быть, самым безучастным и единственно посторонним здесь человеком был Саня Скачков.

Вот он вышел на улицу — в лёгкой куртке с капюшоном, с портфелем в руке. Потоптался у парадной, оглядываясь кругом, как бы вспоминая, где он, куда попал. Его охватил утренний холодок, он поёжился, зевнул и, не обращая внимания на свирепые самосвалы, прямо по грязи стал выбираться из квартала.

Основной поток школьников уже схлынул к этому времени, и по тропинкам, срезая путь, бежали лишь опоздавшие. «Замечание сейчас получат», — подумал Саня.

У самого Сани в кармане был номерок, и он готов был предъявить его каждому, кто поинтересуется, пояснив ещё и словами: «К зубному», «В поликлинику», «Острая боль». Но его никто не останавливал...

УТРО ПРОГУЛЬЩИКА

У меня наготове был номерок, и я мог показать его каждому, кто меня остановит. Но меня никто не останавливал. Да меня-то и в лицо никто по-настоящему не знал.

Когда я иду вдоль своего нового дома, я его потихоньку обзываю. Я ему всякие прозвища придумываю. Чучело многоэтажное! Идолище кооперативное! Стоглазое пугало!

В центр от нас можно ездить по-разному: кто хочет — на трамвае, кто хочет — на автобусе и метро. Даже на электричке можно, станция находится неподалёку.

Я поехал электричкой. Я всю дорогу простоял в тамбуре, пока электричка не упёрлась в вокзал.

А тут уж недалеко на трамвае...

Сначала я шёл смело, но возле своего старого дома вдруг оробел. Мне показалось, что милиционер, который дежурил на перекрёстке, провожает меня глазами.

Я оглянулся. Но милиционер смотрел в другую сторону.

Потом мне померещилось, что продавец дядя Гриша уставился на меня в упор, как будто я сейчас подойду и выхвачу у него арбуз.

А потом уж мне и вовсе стало казаться, что все прохожие только и делают, что подозрительно наблюдают за каждым моим движением.

Вот что значит идти с портфелем по улице во время уроков!

Я совсем стушевался. Не хватало ещё встретить Файзулу или тётю Симу, начнётся представление. Поэтому я сначала вошёл в парадный подъезд и посмотрел через окно во двор.

Файзулы, слава богу, не было. Прямо подо мной стоял автофургон, и грузчики доставали из него мясные туши, зашитые в марлю. Они громко говорили, какие эти туши хорошие.

Вот же повезло, что у нас в доме мясной магазин! Был бы, например, канцелярский или спорттовары.

Но тут я вспомнил, что мне теперь всё равно.

Возле люка топтались голуби. На подоконнике тёти Симы сидели два кота — Рыжик и Барсик. Они лениво смотрели на голубей.

Вообще, как я понял, без нас в нашем дворе жизнь протекала в замедленном темпе. Казалось, все только и ждут, когда вернуться школьники, чтобы начать жить в полную силу.

К своей парадной я прокрался по всем правилам конспирации, как какой-то Семёнов. Всё равно мне письмо будет. Я решил ходить сюда до тех пор, пока не получу письмо.

Почти все дырочки в ящике светились белым. Наш ящик среди них был, как потушенное окно на фасаде большого дома.

Я на всякий случай поскрёб пальцем о внутреннюю стенку нашего ящика. По-моему, там скоро образуется дырка. Может быть, я даже стену дома проковыряю. Тётя Сима однажды проснётся, а из стены торчит мой палец.

Но это, конечно, ерунда.

ВЧЕРА БЫЛО ЗАКРЫТО, СЕГОДНЯ — ОТКРЫТО!

Выходя из парадной, я поднял голову и посмотрел на своё окно. Меня как будто током дёрнуло!

Окно было открыто!

Вчера было закрыто, а сегодня — открыто!

Он приехал! У него свой ключ!

Взбегая по лестнице, я представил, как батя сидит на чемодане посреди пустой комнаты. Табачный дым плавает над его головой. На полу валяются сегодняшние газеты, купленные им на вокзале. Он сидит и не знает, куда ему ехать. Вернулся — а никого нет!

Тут же я представил, как я веду батю по новому микрорайону, подвожу его к нашему нарядному белому дому с кафельными плитками возле парадных. Мне радостно, я просто млею от гордости, что у нас теперь такой замечательный дом.

Даже не понимаю, как за такое короткое время, пока бежишь по лестнице, столько может мыслей прийти в голову.

Мне кажется, я даже о тёте Симе успел подумать, что хорошо бы к ней зайти сказать, что батя приехал.

Возле своей двери я немного замешкался. Что-то нехорошо мне сделалось. Вроде как голова закружилась, вроде бы затопило. Но я тут же пришёл в себя.

Нажал кнопку. Звонок получился длинный и радостный.

И действительно — вот чудо! — в квартире раздались шаги. Я только потом сообразил, через минуту, что это были не такие шаги, как у бати, а помягче, с пришаркиванием...

— Бог мой, а я думала — водопроводчик!..

Женщина в фартуке и в косынке стояла в дверях.

— Ну, что скажешь?

— Тут... тут дяденька не приезжал?

Зачем это я спросил, сам не понимаю. Глупо. Просто противно. Конечно, не приезжал. Какой дяденька?

— Какой дяденька? — спросила женщина.

Я повернулся и пошёл вниз.

— Да ты объясни: кто должен приехать?

Я не отвечал.

— Мальчик, а мальчик!

Вот пристала.

— Может, ты квартиру перепутал?

Может, и перепутал. Какое сй дело. Может, я даже дом перепутал. И улицу перепутал. И какое сегодня число, перепутал. И как меня зовут, перепутал.

— Мальчик, встретишь водопроводчика, скажи, что в сороковой его ждут!.. — донеслось сверху.

Сейчас побегу. Не ждут, не ждут! Встречу водопроводчика, скажу: «В сороковой вас не ждут. Все уехали. Заперто. Никого. Не дозвониться, не достучаться».

Я шёл по двору и свистел. Громко так свистел, а шёл вразвалку, враскачку. А чего это мне не ходить враскачку? Кого бояться? Захотел — пришёл, захотел — ушёл. Эй, Файзула! Вот я иду! По делам приходил. И ещё приду. Где ты, Файзула, обрати внимание!

И вообще буду ходить куда мне вздумается. Вот пойду сейчас в школу, в свой старый класс. А отчего не пойти?

СТОЙКА НА ГОЛОВЕ

В школе шла перемена, а после неё у нашего класса должен был быть урок физкультуры. Поэтому я сразу пошёл в спортивный зал... В раздевалке уже было полно ребят.

— А-а, — закричали они, — Саня пришёл! Здорово, Саня! Мотаешь или снова к нам решил поступить?

Они меня окружили и стали тормошить и дёргать — до того обрадовались.

Я тоже был радостный — ведь некоторых ребят я не видел несколько дней, целую неделю!

Послышался голос физрука — и все стали переодеваться.

— Пойдём с нами, попрыгаем, — сказал Михеев. Он держался рядом со мной на правах старого друга.

— Давай, Саня, раздевайся! — сказали остальные. — Физрук у нас молоток, увидит — не заметит, заметит — не скажет.

— А чего тут особенного, — сказал Дубарев, — захотел человек позаниматься физкультурой и спортом — и пришёл.

У Дубарева всё ничего особенного.

Все стали так приставать, что я решил раздеться. Вообще-

то я понимал, что они надеются на какое-нибудь развлечение. Всё-таки я у них вычеркнутый.

Мы построились в зале. Я встал на своё законное место — между Пекой и Дубаревым. Несколько освобождённых, как всегда, уныло сидели на скамейке. Среди них был Палён. Он притворялся, что у него всё ещё болит зуб.

Может, это Палён взял лодку и сказал на меня? Вон как он хорошо притворяется.

Вот что тот человек наделал. Я теперь всех наших ребят подозреваю. Я не думал, что это так противно — подозревать.

Когда мы уже построились, из своей раздевалки стали выходить девочки. Поля вышла в числе последних. Никто из них меня не заметил. Мы повернулись по команде физрука и побежали к залу. Тапок у меня не было, и я бежал в носках.

Сначала я бежал позади Пеки, стараясь правильно взять дыхание. А потом, на третьем кругу, я подумал: «На черта мне правильно брать дыхание и вообще зачем я бегу? Письма всё ещё нет, на меня кто-то наговорил, штраф, может быть, не сегодня-завтра пришлют, а я бегу. Да ещё стараюсь правильно взять дыхание». Всё это было очень нелепо.

Когда мы разделились на две группы и выстроились друг против друга, я стал смотреть на Полю. Но первой меня увидела Куркина. Она закричала:

— А Скачков почему здесь? Смотрите, Скачков пришёл!..

— Молчи, Куркина! — сказал Дубарев.

Тут Поля меня и увидела. Она тоже слегка удивилась. Но мне показалось, что она и обрадовалась. Даже когда она без галстука, всё равно видно, что она настоящая пионерка.

Мне сразу стало полегче. Мы разомкнулись и стали выполнять упражнения. Я понимал, что вид у меня далеко не спортивный, но зато я приосанился. Я взглянул на Тентелева — он тоже очень старался.

Дубарев вдруг зашептал мне слева:

— А четвёртым уроком у нас Закавыка...

Сказал и застыл, будто замечтался. Ему сделали замечание. Дубареву на всех уроках делают замечания.

Пека, наверно, услышал, о чём сказал мне Дубарев, потому что, когда мы делали поворот корпуса с разводом рук в стороны, он выпятил грудь и прошептал:

— Закавыка у нас через урок. Ты уж не уходи, Саня...

Дубарев с Пекой сбились со счёта, так они, видно, разволновались, вспомнив Закавыку. Физрук повысил на них голос. Он вообще редко его повышает. Физрук у нас хороший, молодой. Но по фамилиям он знает только тех, кто у него занимается в спортивных секциях.

Когда мы сомкнулись, Дубарев зашептал:

— Наша судьба в твоих руках, Саня! Другой такой возможности не будет.

Теперь ему помогают

— Прочти его, а, Саня! чего тебе стоит.

Дубарев сказал:

— Отомсти за наши двойки! Ведь он нас пересиливает!

Так они наседали на меня с двух сторон, а я всё представлял себе, как будет весело, окажись я на уроке математики рядом с Закавыкой.

И я дал согласие.

Потом мы учились делать стойку на голове. Когда я вышел на стойку, физрук оживлённо сказал:

— Так, хорошо! Ноги вместе, носки оттягивай!.. Оттягивай носки!

И тут, стоя вниз головой, я снова подумал: зачем мне всё это нужно — стоять вниз головой да ещё носки оттягивать?

И в ту же секунду я рухнул вниз. Но всё равно физрук меня похвалил.

Пока я делал стойку, все ребята уже узнали, что я собираюсь отомстить Закавыке, рассчитаться с ним за все двойки и замечания. Отступать было некуда. Девчонки поглядывали на меня с уважением, всё время шептались и посмеивались. И был такой момент, когда все ребята, сидевшие на скамье, вдруг зашептались, задёргались, даже освобождённые заволновались на своей штрафной скамейке — до них тоже дошло. Вот что я наделал.

Физрук скомандовал:

— Встать!

Все встали, опомнились.

— Садись.

Я сел и стал вспоминать что-нибудь такое из своих отношений с Закавыкой, что бы меня могло разозлить. Я вспомнил, как однажды он мне сказал: «Скачков, вот будешь толкаться, я тебя так толкну, что в стенку влетишь; родители придут, две недели выковыривать будут».

Но ведь это была шутка. Я и правда в тот раз выталкивал Михеева с парты. Нет, все-таки настоящего зла на Закавыку у меня не было.

Я подумал: «Ну кто может сказать, что я здесь чужой?» Сейчас я был в классе самым нужным и своим человеком.

Когда прозвенел звонок, мы пошли в раздевалку. Вдруг подошёл физрук и загородил мне дорогу. В руках у него были шариковая ручка и блокнот.

— Послушай, — сказал он, — как твоя фамилия?

Вот оно, начинается. Я покраснел.

— А зачем?..

— Как ты посмотришь, если я запишу тебя в секцию? Мы занимаемся по четвергам. Из тебя может получиться гимнаст, у тебя есть пресс. — И он ткнул мне шариковой ручкой в живот. — Во всяком случае, третий юношеский разряд я тебе гарантирую.

Я стоял перед ним и молчал.

— Чудак, ну чего ты так покраснел?

И вот какая бессмыслица вышла: я кивнул головой и назвал свою фамилию.

МОЖНО, АВГУСТА НИКОЛАЕВНА?..

Третьим уроком у них была литература. Я не хотел попадаться на глаза Августе Николаевне, думал: отсижусь где-нибудь на лестнице. Но она меня заметила ещё на перемене.

— Скачков, ты что здесь делаешь? — сказала она.

Я говорю:

— Я зубы лечу.

— Где, в школе?

— Да нет, в поликлинике.

Все сразу заныли:

— Августа Николаевна, можно, он у нас на уроке посидит! Можно, а? Он ведь смирный!..

— Ну, пусть посидит, — отвечает Августа Николаевна. — Только если он будет работать. Мы сейчас будем писать сочинение «Как я провёл лето». Скачков, будешь писать?

— Он будет, Августа Николаевна!.. Саня, ты ведь будешь, ты ведь хорошо провёл лето?.. — А сами подмигивают.

Я сказал:

— Буду.

И зачем мне писать про лето? С какой стати? Ну, была хорошая погода. Я был в лагере. Мы ходили в лес. Сначала было открытие. Потом закрытие. Батя перед этим уехал в командировку. Что писать-то?..

Но отступить опять было некуда. Я сел на своё законное место, рядом с Михеевым. Сумин сам испарился на задний ряд. Даже просить не пришлось — уважает! Но план он так и не составил. На доске — пустое место. В самом деле, надо ему помочь.

«Ну, что писать-то?» — подумал я, доставая тетрадку. Писать совсем ничего не хотелось.

Кругом скрипели перья, шелестела бумага, а я просто сидел и вспоминал одно лето. Давно оно было, лет пять назад...

ГОВЕРЛА!

Давно, пять лет назад, Саня карабкался по склону горы. Под ноги ему попадались то горелые пеньки, то хрустящие завалы из веток. Но больше всего ему мешали идти крупные

ягоды земляники. Да он бы и остался здесь, на склоне, среди багровых земляничных кустов, прыгающих звонких кузнечиков, блёклых колокольчиков, иван-чая. Но сверху его то и дело подгонял отец:

— Саня, не отставай!.. Догоняй, Саня!..

Вдобавок ко всему Сане было страшно ползти кверху. При мысли о том, что их ждёт наверху, всё в нём замирало. И хотя он знал, что на гребне горы, за скользящей по склону игольчатой изгородью, живёт добрый пан Ветошук, который по вечерам выходит метать маленькие стожки, и хотя он видел этого пана Ветошука в долине, на сельском празднике и слышал, как он играет на скрипке, карабкаться туда, вверх, было опасно, потому что вся доброта пана, и мёд, которым он угощает приезжих, и стожки, и одинокий конь, гуляющий вечерами по гребню, — всё это перекрывается страшным, всепоглощающим словом — Г о в е р л а.

Говерла жила там, за гребнем, о ней говорили («о пан, то велика сыла!»). Она насылала ветер, снег и ливни. К ней собирались идти, но, убоявшись, в последний момент раздумывали.

Отец всё звал его сверху:

— Саня, Саня!..

— Иду, иду, — бормотал Саня, отпуская на волю кузнечики. Ну виноват же я, что у меня ноги не такие длинные, как у тебя. Или руки... Или, может быть, тебе земляники неохота, а мне охота...

Саня знал за собой такую привычку — быть одному и разговаривать вслух.

— Чего ты там бормочешь, старый ворчун?

Отец неожиданно оказался рядом, поднял Саню и взвалил его себе на плечи.

— Держись за что получится!

Саня обхватил отца за мокрую шею, уткнулся ему в затылок, и запах отцовских волос тотчас напомнил ему их городскую квартиру.

Подъём был слишком крут, и отец полез не прямо, а наискосок. Но всё равно идти было трудно.

— Не дави на горло, злодей, задушишь, — хрипел отец, перехватывая Санины руки. — Ну и отъелся ты, откормили тебя... Что это за поросёнок у меня на спине?.. Как не стыдно так отъедаться!..

Тут только Саня и догадался, что они уже на другой стороне горы. Боже мой, где же она, Говерла?..

А кругом лесистые, тёмно-зелёные горы; в самом низу, между двух склонов блестит река... Где-то тут она...

Ульи у пана Ветошука поставлены на лугу, невдалеке от дома, всюду пчёлы летают. Не ужалят?..

Собака лает, мечется вдоль натянутой проволоки... Где же, куда смотреть, откуда ждать?..

Саня крепче ухватил отца за руку.

От дома быстрыми шагами к ним шёл пан Ветошук — старик с обвислыми усами, в чёрной жилетке и в шляпе. Он жмурился, шурился, приветливо улыбаясь.

— Что, паны, Говерлу пришли побачить? — спросил он.

Саня вскричал в нетерпении и ужасе:

— Да где же она?!

— Та вот же она! — Пан Ветошук обернулся и вытянул руку.

За всеми этими лесистыми и голыми склонами, переходящими друг в друга, за крутыми волнами дальних гор громоздилась невероятных размеров гора с яркой снежной шапкой на вершине.

Саня смотрел на неё с опаской, всё ещё ожидая чего-то страшного.

Но мало-помалу он привык, успокоился и уже не мог глаз оторвать от необыкновенной горы. Отец и пан Ветошук, тоже как заколдованные, молча стояли рядом...

Августа Николаевна молча стояла рядом. Передо мною лежала чистая тетрадь, одолженная мне Михеевым. Я и сам удивился, увидев на ней одну строчку: «Как я провёл лето».

— Не много же ты написал, — сказала Августа Николаевна.

КАКОЙ У НАС ЗАКАВЫКА

На перемене все меня окружили, точно боялись, что я могу убежать. А я никуда не собирался убегать. Но всё же я не знал, что буду на математике делать, как отомщу Закавыке. Все советы и пожелания были, по-моему, глупые.

Дубарев, например, хотел, чтобы я сел за учительский стол и, когда войдёт Закавыка, повернулся к нему и сказал: «Закавыка, идите домой и приведите в школу своих родителей». Но это было слишком. Я бы такого ему никогда не сказал. Михеев предлагал забраться под стол и дёргать Закавыку за ноги. Палён хотел, чтобы я встал на четвереньки и лаял на Закавыку собакой. Всё это была ерунда. Чего это я буду лаять. Пусть сам лает.

В конце концов мы решили, что урок начнётся в полной тишине, прямо-таки гробовой тишине, а потом среди этой тишины вдруг раздастся мой дикий смех. Он послужит как бы сигналом. По этому сигналу все начнут кукарекать, лаять, мычать, блеять, мяукать. Кто что умеет.

Дубарев кричал:

— Не смотрите в его сторону! Не смотрите в его сторону!

Но когда Закавыка вошёл, все, как нарочно, посмотрели в мою сторону. Вот нетерпение какое!

Закавыка внимательно нас оглядел. На меня он посмотрел, как и на остальных. Видно, его очень удивило, что так тихо. Он прошёлся несколько раз вдоль доски. Так тихо в классе у нас ещё никогда не было.

Дубарев толкает меня в спину:

— Начинай, начинай!..

А чего начинать-то. Дикая смех хороши по какому-нибудь поводу. Смех без причины — это каждый знает, чей признак.

Закавыка постоял, покачался, глядя на нас. Потом говорит:

— Ну что ж, я согласен. Повоевали — и будет. Мне эта война вот где сидела. Что ж, я понимаю, в чём-то и я ошибался насчёт вас. Надо бы нам получше познакомиться; я думаю, мы в воскресенье за грибами съездим, а? Нет возражений?..

Дубарев меня тычет сзади: начинай да начинай.

А чего начинать-то. Человек за грибами приглашает, что ж тут смешного. Тут не только дико, а и просто смеяться нечего.

Закавыка спрашивает:

— У тебя возражение, Дубарев?

Он говорит:

— Не-ет... — А мне: — Дурак, всё испортил!..

А Закавыка всё расхаживает и расхаживает по классу.

— Теперь опрос — куда? У кого предложения?

Кто-то сказал:

— На Карельский!..

— Можно и на Карельский, — сказал Закавыка, — но что-то мне там не нравятся грибы. Слишком они суховаты, а, не так?.. Обезвоженные они какие-то и обесцвеченные. Ну что на Карельском за подосиновик? Бледная охра. А надо, чтобы подосиновик горел, как апельсин! Чтобы как солнце полыхал! Чтобы его за версту было видно. Идёшь по высокой траве — и вдруг будто по глазам ударит! Ярко, даже зажмуришься!.. У кого так было?

Сумин вдруг поднял руку:

— У меня! Я один раз на такую поляну вышел! Штук двадцать их там было, оглянешься — а вон ещё один! Оглянешься — а вот ещё один!..

— Вот это и есть счастье грибника, — сказал Закавыка.

— Знаете, где растут хорошие подосиновики? На станции Вруда! У меня сосед который год туда ездит, а нас не берёт! Вот бы его места разведать! — сказал Палён.

Все засмеялись, но никто и не думал бляеть или кукарекать.

— По Балтийской дороге места хорошие, — сказал Закавыка, — но там всё больше еловые леса. А сейчас бы хорошо в лиственный лес, но там, учтите, может быть сыро, а как у вас с обувью?

Тут уж почти все заговорили.

— Сапоги надел, да и всё!

— Можно запасные кеды взять!

— Нужно выезжать с вечера!

— Зачем с вечера, сейчас в лесу ночью холодно, там такого дуба дашь; просто надо на первую электричку!

— На первую! Думаешь, мы одни желающие?

Тентелев сказал:

— Тише! Если уж ехать, так на два дня! Вот если согласны в Лугу, то можно у нас переночевать, там у нас дача. Сварить можно чего-нибудь.

Все закричали:

— В Лугу! В Лугу!

— А родители не будут возражать? — спросил Закавыка.

— А пускай отец с нами поедет!

— Поговори с отцом. Ну, хорошо. А сейчас, знаете что...

Все уставились на Закавыку. Дубарев шепчет мне:

— Вот что наделал!.. Да начинай же ты! Ведь обещал!

Вот, думаю, какой у нас Дубарев настырный. Чужими руками хочет жар загребать.

— А сейчас, — говорит Закавыка, — решим несколько задач про грибы. Кто хочет добровольно пойти к доске?

Ну, такого у нас ещё не было на математике, чтобы добровольно. Дай-ка, думаю, попробую. И поднял руку. Дубарев, наверное, подумал, что это я сигнал подаю. Как закукарекает! Все засмеялись. Закавыка тоже засмеялся и говорит:

— Это Дубарев, наверное, вздремнул — и ему приснилось, что мы уже за город приехали, да, Дубарев?

ОНА ГОВОРИТ: ТЫ МОЛОДЕЦ

На перемене Дубарев подходит ко мне и говорит:

— Скачков, это как называется?

— Это? — спрашиваю. — Это окно.

— Нет, не это.

Это? Дверь.

Тут Поля подходит, а с нею ещё несколько девочек. Она говорит:

— Саня, ты молодец, что помирил нас с Закавыкой. Ты поедешь с нами в лес за грибами?

Тут и Михеев набегает, и Пека, и другие ребята. Я говорю:

— Вы тут постойте, не ходите, нам нужно с Дубаревым договорить. Пойдём, Дубарев.

Он не ожидал, что я его отзову от всех. А я его увёл на лестницу и говорю:

— Дубарев, ты очень любишь загребать жар чужими руками? Значит, свой авторитет бережёшь, а на мой тебе наплевать, да? Я бы, может, и отомстил бы за ваши двойки, если б не лодка.

— Какая лодка? — спрашивает Дубарев.

— Нечего притворяться. Которую ты увёл.

— Я?..

— Да! А моим именем назвался. Ты же сам сказал, что тебе ничего не стоит. Теперь я вижу, какой ты, Дубарев. Ну вот что, давай договоримся: я никому не скажу, а ты сам

пойдёшь в ЖЭК. Скажешь Марии Михайловне, пусть штраф на тебя оформляют.

— Да за что штраф? — испугался Дубарев.

— За весло, вот за что. И хватит притворяться.

— Да ты что, какое весло! Не брал я ничего!.. Штраф-то зачем? Я лодки-то этой не видел. Какая она хоть, лодка?..

— Какая да какой... Поклянись, что не брал.

— Клянусь! Честное пионерское... Да ты что, Саня?..

А я давно уже верил Дубареву.

НИКТО НИЧЕГО НЕ БРАЛ

Из школы мы шли через сквер. По бокам дорожки лежали жёлтые листья, и Дубарев поддавал их ногами. Тут все наши были: и Пека, и Козлик, и Палён, и Михеев, и Тентелев. Все говорили про то, как мы поедем в воскресенье в лес, за грибами. Только Тентелев молчал. Вдруг он говорит:

— Стойте! Стойте все!

И посмотрел на меня. Все остановились, а Дубарев увлёкся, всё шёл да шуршал листьями, раскидывая их в разные стороны.

— Дубарев, и тебя касается!

Дубарев оглянулся и подбежал к нам.

Я сразу понял, о чём будет говорить Тентелев, — глаза его зло посверкивали, он то и дело поглядывал на меня.

— Что, анекдот? — спросил Дубарев.

— Клади портфели! — скомандовал Тентелев.

Никто ему никогда не подчинялся, а тут все подчинились — положили портфели на край газона и встали в кружок

— Кончай, Тентелев, — сказал я.

— погоди, — сказал он и положил руку мне на плечо. — Вот все слушайте: кто-то его предал.

— Это не я, — сказал Дубарев.

— А я и не говорю, что ты. Я говорю: кто-то. Ведь на него теперь штраф оформляют! Выходит, если завтра я перееду, или ты, или ты, то можно нас предавать?

Я стоял, опустив глаза в землю. Стыдно мне было, стыдно. Почему-то больше других я стыдился Тентелева. Он сказал:

— Ведь вы с ним все дружили. Один я с ним не дружил.

Может, вы все на меня думаете? Скачков, ведь ты на меня думал, верно, Скачков?

— А он и на меня думал, верно, Скачков? — сказал Дубарев. — Он на всех думает!

Тут я не выдержал:

— Вас это не касается! Это меня одного касается!

Пека сказал:

— Нет, так дело не пойдёт. Тентелев прав, чего это мы бросили Саню на произвол судьбы? Ты что предлагаешь, Тентелев?

— А вот что. Все вместе пойдём сейчас на лодочную станцию. Там есть директор, который на Скачкова письмо написал. Мы объясним ему всё и предъявим наши физиономии. Кто, может, не согласен?

— Согласны, согласны!

На всех вдруг нашло весёлое возбуждение. Круг рассыпался. Пека стал подбрасывать свой портфель. Дубарев взбежал на газон и стал осыпать себя листьями.

— Веди нас, Тентелев!

Все нетерпеливо рвались вперёд, а я плёлся за ними.

Да что ж это они? Куда? Да ведь я не хочу туда идти!.. Пусть остановятся. Останови их, Тентелев! Стыдно мне, понимаете, стыдно. Не надо ничего, я сам...

Я повернулся и пошёл в другую сторону.

— Куда это он? — закричали все. — Скачков, ты куда?

Они догнали меня. Я глаз не мог поднять ни на кого.

— Ты чего это, Саня?

— Не надо, — сказал я. — Никто ничего не брал. Это я сам угнал лодку.

В ОДНОМЕСТНОМ КУПЕ

Я зашёл в телефонную будку, чтобы позвонить Тентелеву. Уже набрал номер, но потом передумал. Зачем мне ему звонить? Просто бесполезно. Ни говорить, ни видеть никого не хочу. Ни мальчиков, ни девочек. Ни тётъ, ни дядь. Лучше я посижу в будке. А почему нельзя? Очень хорошо здесь сидеть. Я никого не задеваю, даже ни на кого не смотрю. Мне просто не видно. Стекло чуть повыше моих глаз.

Нет, если кто-нибудь близко около будки проходит, то мне всё-таки видно. Что видно, то видно. Но я согласен даже глаз не поднимать. Чего глядеть-то? Не буду смотреть. Даже могу не слушать. Шум уличный и так, вроде бы, в отдалении — дверь очень плотно закрыта. Но я могу даже уши закрыть руками, мне это нисколько не трудно. Даже удобно. Локти на колени, ладони на уши. Хорошо сидеть. Вроде и не будка, а купе. И я еду, еду...

Дверь вдруг открылась. Эй, кто это открывает дверь на ходу да ещё без стука?

— Тут сидят, — сказали надо мной. — Эй, чего сидишь? Занято, что ли, у тебя?

Я говорю:

— Занято, занято.

Дверь закрылась.

И вот я еду, еду... В одноместном купе...

Кто ещё ехал в телефонной будке, по своей улице, мимо прохожих, напрямик чтобы к батё?..

ДЯДЯ В ШЛЯПЕ

Вдруг дверь так бесцеремонно распахивают, как будто это не купе, а какая-то телефонная будка, и надо мной возникает дядя в шляпе.

Он говорит:

— Ты чего это тут расселся, как царь на именинах? Может, ты на трубку телефонную прицелился? Так это мы мигом! Ну-ка, вылезай, вылезай!..

Ну, вылез. Какую-то трубку. Стою рядом. «Какую трубку, дядя? Сами вы трубка».

Дядя в шляпе опустил монетку, кричит: «Алё, алё!» А потом как трахнет по автомату! Кулачище у него здоровый, волосатый, а он: трах-та-ра-рах! Даже стёкла в будке трясутся. «Ну что вы, дядя! Так ведь и расплющить недолго. Так и диск отвалится. Так и буквы посыплются: а-б-в-г-д...» «Алё, алё!» — кричит дядя, а потом как дверь толкнёт. Ну кто ж так поступает.

Высунул свою шляпу и кричит мне:

— Это ты засорение устроил, да? А вот я сейчас милицию

вызову! И без монетки вызову! — И снова колотит по автомату. Ну кто ж так вызывает!

Не буду, думаю, стоять около дяди. Дядя нехороший. Пойди пойми, что у него в следующую минуту произойдёт. Может, каблук отвалится. Может, шляпа слетит — и прямо под машину. А я буду виноват. Не люблю я таких подозрительных. Прощай, дядя.

Зашёл я за угол. Отсюда хорошо видно, как почтальон пойдёт к нашему дому. У нас почтальон ходит так, так и так. Потом в парадную номер один, из парадной — во двор чёрным ходом, а уж во дворе как начнёт бегать. К нам он заходит в третью очередь.

Я встал у входа в магазин. Как будто жду маму, тут никто не придерётся. Мама за рыбой стоит, за щукой, а я жду. Я — пай-мальчик. Я без мамы никуда не могу отойти, вот потому и стою.

Когда другие стоят и ждут маму, я ни о ком ничего плохого не думаю. А вот сам стою, и мне кажется, что все на меня обращают внимание и в чём-то подозревают. Скорей, мама! Сейчас щуку — ку-ку! — купим и домой пойдём. Я щуку возьму под мышку и понесу, как батон. Нет, я на щуку буду опираться, как на трость. Нет, я щуку на верёвочке поведу. Мы с мамой идём, а рядом — щука.

Эх, я весёлый, правда, я какой весёлый? И что только не лезет в голову. Ох, ух! Я веселюсь в любой момент! Мне не до уныния. Унывать мне не к лицу. Кто ж унывает, получив новую квартиру? Это всё равно что выиграть по лотерее мотоцикл, сесть на него и рыдать. Я весёлый. Я — весё-ёлый! Я сто раз, я миллион раз, я сто миллионов раз весёлый.

БЕЗМОЗГЛАЯ СОБАКА

К витрине коляску подвезли. К ней наклонились, что-то поправили и оставили. Ушли за рыбой. Идите, идите, я ведь здесь. А раз я здесь, то всё в порядке.

Кто это там в коляске сидит? Кто это сидит и сопит? Может, свистулька такая? Может, паровозик? Батюшки, да это же мой знакомый! Мой знакомый ребёныш сидит! С ручками, с ножками. А как зовут, никто, кроме мамы, не знает.

Может, Витя, может, Коля, может, Игорёк. А ему всё равно, кто он. Его хоть поварёшкой назови, он всё равно обрадуется. Ему что приятно — что глазам светло, что всё кругом видно. А раз видно, то и хорошо. Вот он смотрит на небо — а оно синее. Вот он посмотрит на листья — а они жёлтые. Разве ж это нехорошо? Ведь это красиво!

И дышится легко. И языку вкусно. И рукам свободно. Хап, хап! Всё бы им хапать, до всего дотронуться.

Грудняки ещё любят, когда сухо. Когда мокро, они пищат. Ну и правильно! Кому это понравится, когда мокро.

У моего знакомого всё в порядке. Весёлый такой малыш. Вроде меня. Радует, что родился. Ещё бы! Родиться лучше, чем не родиться. Вот лежит он в коляске возле магазина. Тут рыбу продают. Там арбузы. Там трамваи ходят, как красные гусеницы. В небе облака плывут. У моста милиционер свистит. Всё хорошо. Что есть, то и хорошо.

А так кто бы он был? Никто. Где бы он был? Нигде.

Никто, нигде.

Я этих «никто» и «нигде» совсем не понимаю. Как будто я дубина какая-то. До этого момента понимаю, а потом — как отрубило. Как будто у меня дырка в голове. Наверное, и просто мало учились, чтобы такие вещи понимать. Вот буду в классе седьмом или десятом, тогда, наверное, пойму. У меня ещё много таких дырок в голове, пустых, незаполненных клеток. Ведь мозг состоит из клеток. Некоторые говорят — из шариков. Нет, из клеток. Из множества клеточек. И в каждой — своё. Когда все клеточки заполнятся, я буду взрослый человек.

А у грудняка ещё все клетки свободные. Ну, может быть, несколько занято — три или пять.

Ну, что смотришь? Свободные у тебя клетки, пустые?

А он: «Ха-ха-ха!»

Ну, что ты будешь с ним делать. И я смеюсь.

Мы так с ним смеялись, что я даже не заметил, как появилась эта собака. Она была вся из чёрной свисающей шерсти. У неё не было ни глаз, ни зубов, ни ушей, ни лап, а только свисающая сосульками шерсть. Да ещё нос, похожий на блестящую пуговицу. Не собака, а сувенир какой-то. Таких собачек я недолюбиваю. Поговорить не с кем, морды не видать. У них, по-моему, не только морды мало, но и ума. Волос долог, а ум короткий.

Одна мамина знакомая тоже имеет собаку, так она её одевает. То есть не знакомая собаку, а наоборот, собака одевает знакомую. У знакомой и кофта, и шарфик, и шапочка, и носки — всё собачье. Я когда был поменьше, спросил у неё: «Тётя, а у вас причёска тоже от собаки?» Она очень обиделась.

Так вот, эта безмозглая собака была привязана к водосточной трубе. Рядом с нашей коляской. Сначала она сидела и вертела свою шерсть в разные стороны. Малыш её вовсе не видел, так как она вертелась за его спиной. А потом на другой стороне улицы, возле трамвайной остановки, кто-то залаял. То есть, конечно, не кто-то, а что-то... Нет, я не знаю, как тут правильно сказать: кто-то или что-то. Ну, в общем, собака залаяла, совсем другая. Она была с хозяином. Рыжей масти. Собака была рыжей масти, а не хозяин.

Она так сильно залаяла, что «наша» чёрная собака вскочила и вся напряглась. Она так натянула поводок, что чуть водосточную трубу не оторвала.

И вот она стала бросаться в разные стороны на своём поводке и сильно лаять. Нет, я понимаю, собакам нужно лаять друг на друга, потому что они ведь не умеют разговаривать. Но пусть бы она полаяла в другом месте, честное слово. Тут люди ходят. Ребенок лежит в коляске, чего тут лаять?

Мой грудняк не то испугался, не то обиделся, что ему не видно, но он вдруг отчаянно заревел. Так заревел, что даже собака обратила внимание. Она на минуточку замолчала, но потом снова стала кидаться и лаять сильнее прежнего.

Вот наказание-то, вот невезенье: тут и грудняк, тут и рыба, и одна собака, и другая, и прохожие. И от всего этого шум получился несусветный: кто кричит, кто лает. Но больше всех — я. Не лаю, разумеется, а кричу больше всех.

— Замолчи, — кричу. — Замолчи сейчас же!

Это я на собаку.

— Успокойся, маленький, сейчас мама придёт! — Это я грудняку.

— Заткнись, говорю! — Это собаке.

— Ну, будь добренький, успокойся. — Это грудняку.

— У, злыдня лохматая, пустолайка, ау-ау, миленький, да замолчишь ли ты, ну, не плачь, не плачь, швабра ты этакая, глупыш неразумный, мочалка негодная, хороший ты мой, дикая твоя образина!..

Так я кидался — то к собаке, то к грудняку — и крик стоял на весь перекрёсток невообразимый. Прохожие обочивались, увещевали собаку, а она ещё сильнее лаяла, прямо до хрипоты дошла, до чего разозлилась, а малыш тоже до хрипоты дошёл — так сильно ревел. Тогда люди закричали:

— Нашли куда собаку привязывать! Никуда не деться от них!

— А детей зачем оставлять? Кто ж детей без присмотра оставляет?

— А куда ж его деть?

— А собаку куда деть?

— А детей?..

Собаку, детей, детей, собаку...

— А если кирпич с крыши свалится?

— А если собака сорвётся?

— А если дом обвалится?

— А если трах-тара-бах?..

Собака лает, бросается на прохожих, грудняк заливается в коляске, аж покраснел весь, а они спорят. Чего тут спорить? Всё ясно. «Ну, — думаю, — довели вы меня. Ну, спасибо. Сил никаких нет, до чего довели. Это ж разве можно допустить, чтобы так грудняк плакал? Нет, это недопустимо. Это просто ни в какие ворота не лезет. Я этого так не оставлю!»

Подошел я к коляске, взялся за ручку и покатил. Малыш ещё немного повсхлипывал и успокоился. А я качу себе коляску по нашей улице. За спиной собака лает, люди переругиваются. Я потряхиваю коляску легонько, качу её вперёд и напеваю: «Аа-аа-а!.. аа-аа-а!..» Даже сам успокоился. Всю жизнь так шёл бы и напевал. Ну конечно, не с пустой коляской, а чтобы в ней человек лежал. Если б нужно, я бы и бегом её вёз, только бы он не плакал.

ПОЛЕВАЯ КЛУБНИКА

«...Аа-аа-а!..» Дорога дождём прибита, все отпечатки на ней видны. Только что проехала лошадь с телегой. А с двух сторон высокие колосья. И васильки. Тут васильки, там васильки. Они как будто бегают с места на место. Только ты его

взглядом отпустишь, а он уже вперёд забежал. Даже в глазах от них рябит, до чего их много.

Впереди только небо и под ним — колосья. Дорога на взгорок идёт. Колосья набухли водой, потемнели, склонились к дороге. А в некоторых местах полегли совсем. Теперь уж не встанут. Небо после дождя ещё беспокойное, всё переволновалось, разлохматилось. Облака сползают в одну сторону — видно, что-то ещё замышляют.

А ел ли ты полевую клубнику? Ягодка такая, не слыхал? Бледно-рубиновая. На ней мутная поволока, туманчик такой, дымка, ну, понимаешь? Она мелкая ягода, но жуть как ароматная. Она сверху сочная, а дальше мясистая. Она от соцветий плохо отрывается. Оторвёшь, а на соцветии обязательно останется розово-молочная мякоть. Тут где-то она есть, там в поле проплешинка такая, ну, камни, берёзы. И вот там она у меня и есть. Для тебя припасена. Правда, немного.

А ты посмотри, как высоко забрались жаворонки! Значит, дождя больше не будет. Нам он и не нужен, дождь.

А хочешь, поедем к лесу, на край поля. Там, как войдёшь, сразу направо — малиновый куст. Только тебе самому рвать нельзя будет, это я сразу предупреждаю. Малина ягода та-

кая: чуть недогляди — а там червяк. Внутри, в красной пещерке. А зачем тебе червяков, ещё не хватало. Я каждую ягодку посмотрю — и тогда ты её получишь. И можешь сколько угодно совать в рот.

Если заехать подальше в лес, то я знаю, где растёт красная смородина. Мне батя показывал. Мелкая, блестящая, как бусины. Знаю, знаю, тебе бы она понравилась, но у неё, понимаешь ли, косточки крупные, как бы тебе не повредило. И рот от неё вяжет — от кислоты всего передёргивает.

Ну, про черёмуху я уж не говорю. Её — полный лес. Но черёмухи я тебе не предлагаю. Она на любителя. Вот я, например, любитель. Я люблю, а мама не любит. Батя — тот весь в меня, как найдёт черёмуху, так и загребает её своими ручищами. Наестся до того, что у него рот на сторону воротит, да ещё с собой наберёт — испеки, видишь ли, ему пирог с черёмухой. В общем, дело вкуса.

Погоди, вот ты смеёшься, а слёзки зачем?..

А ЧТО Я ТАКОГО СДЕЛАЛ?

Остановился я, чтобы утереть ему влагу, а он, видишь ли, руки ко мне тянет. Чтобы я его взял. Ишь догадался! Посидеть на руках захотелось. Во все стороны позыркать. Да, да. Любопытство разобрало. Скука замучила. Ну, конечно. Одиночество заело. Ишь ты какой.

Он мне улыбнулся, я ему улыбнулся. Я ему пальцем угрозил, а он мне всей пятернёй замахал. Сообразительный! И тянет, и тянет лапки свои, коротышки. И вдруг как сморщится! Скорей, значит, скорей! Почему не берёшь, тянешь резину, сейчас как зареву! Эх-эх, а ты с характером. Да ты просто молодчина! Мы с тобой поладим.

Только я приготовился его на руки взять, как вижу — бегут. Почему-то люди бегут. По той стороне бегут и по этой. А те, кто не бежит, те останавливаются и смотрят на тех, которые бегут.

— Украли, — кричат, — украли!

— Чего украли?

Ну, думаю, час от часу не легче, чего-то теперь украли. У нас такого ещё не было.

— Ребёнка украли!

— Кто, цыгане?

— Да какие цыгане! Вот он, вот!..

Закрутилось всё, завертелось, только что мы были вдвоём, а тут толпа, водоворот, человековерчение!..

— Ах, несчастье какое!

— Ах, счастье какое!

Ничего не поймёшь, что хотят сказать. Галдят кругом, за руки меня хватают... Да зачем за руки-то!.. Каждый будет хватать...

— Да ты что ж это наделал?

— Да разве так можно?

Как? Ну как нельзя-то?

— Да зачем он тебе, зачем?

— Поиграл бы и бросил!..

Кого бросил? Кого бы я бросил? Ничего не понять.

Кто-то схватил ребёнка. А, это мать. В одной руке щука, хвостом чуть до панели не достаёт. Мать плачет, слёзы текут рекой, прижимает его к себе, целует, а он доволен, что взяли наконец на руки.

«Вот видишь, как всё хорошо кончилось!»

— Да ты кто такой?

— Кто, я?

— Да, ты! Чего смотришь? Ты что, ненормальный?

— Я? Нормальный, — отвечаю. — А что?

— Нет, вы слышите, он и в самом деле ненормальный!

— Оставьте его в покое! — кричат из толпы. — Он не виноват. Виновата собака.

— Какая собака?

— Чёрная.

— При чём тут собака? Собака какая-то. Граждане, была собака?

Орут, глазами сверкают, руками и щуками размахивают.

— Где?

— Там! Она была привязана!

— Кто?

— Мать!

— Да помолчите вы! Кто привязал?

— А я говорю — мать виновата!

— Лаять стала!

— Да не мешайте вы своими дурацкими репликами!

— Кто ж детей без присмотра оставляет?

Как без присмотра? А я что, за ним не присмотрел?

В соседнем доме уже окна начали открывать. Машины притормаживают, народ с той стороны улицы, нарушая правила, перебегает.

«Вот что мы с тобой наделали!»

А кругом крик стоит.

— Он виноват!

— Он не виноват!

— Кто, я, что ли? А что я такого сделал? Я бы до угла и обратно.

— Ну, и куда б ты его потом дел? Нет, интересно, куда?

Я говорю:

— А в чём дело? В магазин «Мясо — рыба».

— Куда-куда? Да он и в самом деле чокнутый!..

— Эй, поаккуратней! Он правильно говорит: в магазин «Мясо — рыба».

— Ну, и вы какую-то чепуху мелете.

— Придержите язык.

— Сами придержите.

— Кто, вот этот? Я его знаю, — сказали в толпе.

Дядя в шляпе. Здравствуйте, дядя.

— Он телефон-автомат сломал.

— Когда?

— Давеча.

— Вот видите?

— Кто, я? — кричу. — Да вы сами по нему изо всех сил колотили!

— Заткнись, грубиян. Вместо того чтоб признаться, ты ещё и грубишь. Был бы я твоим отцом, я бы тебя просто выпорол.

«Много вы понимаете, дядя!»

— Ребёнка украл, автомат сломал — да за такие вещи знаете что полагается?

— Вы поаккуратней, он сам ещё ребёнок!

— Хорош ребёнок. Что за фантазии!..

Малыша тем временем положили в коляску, что-то там поправили, подоткнули и повезли. Щука всё по земле волочилась, оставляя мокрый след.

«Так я и не угостил тебя полевой клубникой. Может, никто и не догадается. Ну, прощай».

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Многие стали расходиться, но я всё ещё стоял в кольце и люди вокруг меня спорили.

— Согласитесь, что поступок необъяснимый.

— Ах, оставьте его!

— Ах, бросьте!

Но тут раздался знакомый голос с придыханием:

— Чего к мальчишке привязались, подите все по домам.

— А вы кто такая?

— А я его ростила. Он ничего худого не сделает. Пойдём, Саня. Чего есть, то и говорю. Да! А ты на себя погляди! Воротила! У самого нос красный! Нашёл кого обидеть. Иди свою жену обижай. А нечего младенцев разбрасывать. А то нарожают и разбрасывают. Вот и говори! Ты сам роди, потом и говори. За одним поглядеть не могут. У меня двое инженерами работают да один в армии служит. Саня, пойдём, я тебе конфет куплю. И бубликов куплю. А ты их не слушай.

Я говорю:

— Тётя Сима, я его только прокатил.

— Ага, — говорит тётя Сима, — я знаю.

Я говорю:

— Там собака лаяла, черная такая собачина, клыкастая!

— Ну, конечно, — говорит тётя Сима. — Собака дает, а ветер носит.

— А он как заревёт!

— Кто?

— Ну, про кого мы говорим.

— Да бог ведает. А письма-то всё нет?

Я говорю:

— Письмо будет!

— Ага, — говорит тётя Сима.

— Не сегодня, так завтра!

— Ага, — говорит тётя Сима. — Оно уже идёт. Везут его в почтовом вагоне за семью печатями.

Я говорю:

— Там на оленях сначала, тётя Сима.

— А как же!

— Ну вот, сначала на оленях, потом на машине, а там уж на поезде или по воздуху.

— Вот-вот, на ковре-самолёте.

— А тут уж рукой подать. Вон почта. А вот наш дом. Так это ведь совсем рядом.

— А ты бы поехал домой, а я бы покараулила. Чуть только письмо забелеет, я на трамвай вскочу и тебе привезу. Мне ведь недолго.

Я говорю:

— Тётъ Сима, нет. Я уж дождусь, а вы так приезжайте, без письма.

— Так-то оно так, да ты время без толку проводишь, вот чего мне жаль. Так оно дольше тянется. Луже нет — ждать да догонять.

— Почему без толку, я зуб вылечил.

— Ну и что ж, что зуб. Надо и уроки учить. Приходи, что ли, ко мне уроки учить. Нажарим рыбы...

Всё рыба да рыба, деваться от неё некуда.

КАКИЕ БЫВАЮТ ПИСЬМА

А письма-то всё нет. Я уж весь ящик изнутри рукой ощупал, может, оно где притаилось в уголке, но это ~~срунда~~, конечно. Таким крошечным письмо не бывает. Нам идёт ~~большое-большое письмо!~~ Вот такос. Нет, поменьше. Ну, в общем, чтобы в ящик пролезло. Большое белое письмо. Оно толстое, как книга. И страницы в нём пронумерованы. А ещё с рисунками. Батя любит в письмах рисовать. «Мне — говорит, — легче изобразить, чем написать». Однажды письмо всё было из картинок. Сначала звери всякие: олень, белка, песец. Потом были нарисованы буровые вышки. А в конце — рожцы в профиль, губы у них вытянуты. Это, значит, батя целует меня.

Идёт, идёт такое письмо. Ну и что же, что нет. Будет!

— Михеев, — кричу, — Михеев, ты выйдешь?!

Михеев отвечает в окно:

— Слушай, ты ещё здесь? Вот здорово! А я ведь тебя искал! Я сейчас выйду. Подожди минуточку.

Жду. Жду... Михеева всё нет.

Куркина высунулась из окна, спрашивает:

— Скачков, назови полевое растение из семи букв, в середине «рэ», на конце буква «а».

Я говорю:

— Куриная слепота.

Куркина водой как плеснёт. Вода упала с треском, меня немного забрызгала.

Я говорю:

— Куркина, эй, схватишь!

— Не достанешь, — отвечает Куркина. — А ты что у нас во дворе так долго делаешь? Дежуришь?

— Закрой свою форточку, — говорю.

— А я знаю, что ты делаешь. Ты одного человека ждёшь.

— Молчи, Куркина, никого я не жду.

— Нет, ждёшь, ждёшь, я знаю!

Я говорю:

— Не твоё дело.

— Только напрасно ты ждёшь, Скачков, ты не жди! — говорит Куркина.

Я стал выискивать какой-нибудь камешек.

— Скачков, этот человек на тебя ноль внимания, фунт презрения!

«Ну, — думаю, — тут надо не камешек, а порядочный камень».

Я говорю:

— Куркина, ещё одно слово скажешь — получишь!

А Куркина:

— Ей такие вычеркнутые не нужны.

— Кому?

— Не прикидывайся! Будто не знаю, кого ты ждёшь.

— Ну, кого?

— Полю, Полю!

«Ах, Полю! Ну, конечно, Полю. Куркина, не буду в тебя бросаться, раз Полю».

Я кричу:

— Куркина, а полевое растение из семи букв — это су-репка!

— Сама знаю!

Надоела мне эта Куркина.

— Михеев, — крикнул я, — Михеев!

Он выглянул.

— Саня, ты меня ждёшь? Это замечательно!

— Отвратительно! — кричит Куркина.

— Я тебе хочу кое-что сказать, но мне никак не выйти, меня не пускают.

Куркина кричит:

— Выйти ему, выйти!

— Да замолчи ты, суетливая какая девица, — говорит Михеев. — Саня, может, ты подымешься ко мне?

— Ля-ля, тра-ля-ля! — кричит Куркина.

— Ой, слушай, подымись, это так важно!

— Ой, слушай, подымись, это так важно! — кривляется Куркина.

«Ну конечно, подымусь. В чём дело. Раз это так важно, что мне, трудно подняться?»

Михеев вышел на лестницу.

— Пойдём сядем на подоконник. Поговорим.

— Да-да, пойдём, — говорю, — сядем, поговорим.

— Не отпускают, понимаешь?

— Понимаю.

— Говорят: сиди дома. Веришь, нет?

— Верю.

— Житья никакого не стало!..

Михеев загрустил, задумался.

— Да что ты, — говорю, — Михеев, загрустил-то, ну, и что такого, ты посмотри, я какой весёлый, а, Михеев! А вот я тебя сейчас развеселю!..

Стал я бороться Михеева, а он: «Пусти, пусти!»

— Ну, что, — спрашиваю, — ты хотел сказать?

— Да ты, — говорит, — меня с мысли сбил! Ты хоть знаешь, что сегодня «Спартак» с «Шахтёром» играют?

— Ну, и пусть играют.

— Саня, так ведь это же полуфинал!

— Ну и что?

— Приходи ко мне вечером телевизор смотреть! Слушай, Сумин придёт! Мы знаем как поболеем! А потом ты ему можешь составить план. Ты ведь опытный.

Я говорю:

— Михеев, у меня к тебе просьба.

— Говори, всё сделаю! Ты ведь знаешь, Саня!..

— Ну конечно, — говорю, — знаю. Вынеси мне воды.

— И всё?

— И всё.

Михеев снова задумался.

— Ну, я вынесу. Ты посиди, я мигом.
Я воды напился и говорю Михееву:
— Большое тебе спасибо.
Он и вовсе стушевался.
— Ты, — говорит, — только не уходи, а? Мы потом что-нибудь придумаем... Я попозже выйду. Я выйду!
Я говорю:
— Давай, давай...

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ, БЕСЦЕННЫЙ ДИВАН

Вот люди какие странные: с первого раза ничего не понимают. Ведь я же говорил Сухожиловой и Новожиловой: не забирайтесь с ногами на диван. Это некультурно. Пусть теперь на себя пеняют. Я так разогнался, налетел на них с полного ходу. У Сухожиловой и Новожиловой все жилы затряслись.

Они отбежали на безопасное расстояние, а совсем не уходят. Как волчицы какие-то, и что им в этом диване?

— А что это ты, — говорят, — так развоевался? Это теперь и не твой диван!

Здрате! Диван уже не мой. А что же тогда мое? Ну, нет, диван не отдам. С диваном номер у вас не пройдёт

— Интересно узнать, — говорю, — а чей же это диван?

Сухожилова говорит:

— Ничей, общий!

А Новожилова:

— Казённый!

Или наоборот, я ведь их не различаю.

— Не-ет, — говорю, — ошибаетесь, дорогие жилы, диванчик принадлежит мне, а вовсе он не казённый. Это всё ваши фантазии. А если хотите на казённом попрыгать, то идите в ЖЭК. А вот я вам сейчас объясню, как пройти...

Они и убежали.

Сажу на своём замечательном, бесценном диване. Вдруг смотрю — в окне пятой парадной, на четвёртом этаже какие-то стёкла блестят. Кто-то на меня два окуляра наставляет. «Что, — думаю, — такое, кто это меня вблизи не видел? А если кто не видел, так можно же в любой момент подойти и рассмотреть. Зачем же в бинокль?»

Я замахал, бинокль исчез. И голова спряталась.

— Эй, — кричу, — чего там прячешься? Ты кто, Семёнов, что ли? Эй, Семёнов!

Никто не показывается. Ответа не последовало. «Ну, — думаю, — нехорошо это, неприятно, если меня будут исподтишка в бинокли рассматривать. Я ведь не африканская антилопа. Надо пойти посмотреть».

Взбежал по лестнице на четвёртый этаж, где сидел злоумышленник. Никого нет. Взбежал на пятый. Пошёл на шестой, там уж ход на чердак. Вдруг вижу — стоит голубчик. Опять вооружён до зубов, два пистолета на меня наводит.

— Стреляй, — говорю, — чего стоишь?

— Извольте удалиться.

А сам бледный-бледный. Сейчас совсем в мел превратится. Ох уж, доведёт меня этот Семёнов.

— Ты чего, — спрашиваю, — за мною шпионишь?

— Я не шпионю, я наблюдаю.

— Ну, и что ты наблюдаю? Или как правильно сказать: наблёл? Ну, в общем, чего ты увидел?

Семёнов сник совсем.

Я говорю:

— Да убери ты свои дурацкие пистолеты!

Он послушался, руки опустил. В сторону смотрит.

— Я, — говорит, — знаю, кто тебя предал.

— Та-ак... — говорю. А сам пот со лба утираю. — Значит, знаешь...

— Знаю.

— А ты не ошибаешься, а, Семёнов?

— Нет, не ошибаюсь.

Из окна крыша видна. По карнизу голуби ходят, гуркают. Вон там я стоял, когда батя увидел меня и испугался.

Я спрашиваю:

— Ну, кто?

— Я интригами не занимаюсь! — отвечает Семёнов. — Он будет иметь дело со мной! Можете на меня рассчитывать.

И снова в свою флибустьерскую позу встал.

Я говорю:

— Не надо, Семёнов... Я ведь и сам знаю. Только я тебя очень прошу, пусть об этом знают только двое: ты и я. Ну, ещё можешь сказать Поле. Выполнишь, Семёнов?

Он меня удивлённым взглядом проводил.

ФАЙЗУЛА ЖДЕТ КОРРЕСПОНДЕНТА

«Ну, — думаю, — хватит, пора ехать домой. Одно дело сделано».

Решил напоследок зайти в свою парадную. Дверь открыл — и у меня вспыхнуло перед глазами! Три белых кружка! Я чуть дверцу ящика не оторвал.

«Сане Скачкову».

А в конверте листок в клеточку и на нём печатными буквами строчка: «Скачков, одна девочка хочет с тобой дружить!!!»

Ну, напугала... У меня даже в глазах потемнело. «Вот погоди, — думаю, — выйди, я тебе покажу, как людей пугать!»

А самому весело! Не уйду ещё. Посажу на своём прекрасном диване:

Эх, хорошо мне сидеть! Захочу — покачаюсь! Пружины скрипят изо всех сил. Скрипите, скрипите, пружины! А ну-ка, и я вскочу на него ногами. Мне всегда запрещали, а теперь кто мне запретит? Мой диван! Только мой! Ах, как подкидывает! И-эх!.. И-эх!!!

Идёт Палён через проходные дворы. Спрашивает:

— Ты прыгаешь?

— Прыгаю!

— А ну-ка и я попрыгаю!

Стали мы вдвоём прыгать. Палён вдруг как заведёт:

— Опа, опа, Азия — Европа!..

Я говорю:

— Палён, ну как не стыдно!..

Он перестал.

Я говорю:

— Давай лучше поиграем в крепость.

— А как это?

— А вот я тебя столкну, значит, моя крепость, а потом ты заскакивай и меня толкай. Кто дольше крепость удержит.

Эх, хорошо я придумал! Палён как сумасшедший вокруг дивана бегаёт, тут сунется, там сунется, всё ищет у меня слабое место. Но в моей обороне не так легко слабое место найти.

Наконец запрыгнул Палён, как толкнёт меня, и я полетел вниз. Ничего себе — болезненный! А ещё от физкультуры освобождён.

«Ну, — думаю, — сейчас я тебя атакую!» Но Палёна не просто было атаковать. Я запрыгнул несколько раз, но не удержался. Но и Палён не удержался, полетели мы с ним вдвоём кубарем.

Не заметили даже, как Файзула подошёл. Костюм на нём чёрный, рубашка белая и жёлтые полуботинки. Одеколоном от него несёт. Что такое, не Файзула, а оперный артист какой-то!

Он кричит:

— Ай, как нехорошо! Зачем такие игры играете? Садитесь шахматы играйте. Или нарды. Или кости. Тихо надо играть.

— Почему тихо-то, Файзула? Можно и не тихо.

Это я у него спрашиваю.

— А ты совсем уходи, — Файзула говорит. — Ты мне один показатель испортил? Испортил. Ты мне другой показатель испортил? Испортил.

— Не портил я тебе никаких показателей.

— А кто ребёнка у магазина воровал? Ты воровал. Файзула всё знает. От Файзула не скроешь. Ты домой лучше иди. Сейчас корреспондент придёт, будет про меня газету писать. Фотографировать будет.

То-то, я смотрю, Файзула так **вырядился**. Вот что с человеком слава делает. Совсем испортился у нас дворник. Раньше Файзула тихий, скромный был. В нарды учил нас играть, песни узбекские пел, качели нам построил.

— Зачем тебе газета-то, Файзула?

— Надо газета. Почёт надо. Кишлак буду посылать.

Ну, что ты с ним сделаешь. Ведь пропадёт совсем. У него и взгляд стал другой — глаза блестят. Он и у ворот теперь по-другому стоит — как статуя. Может, он думает, что к нашему дому мраморную дощечку прибьют: здесь жил и работал дворник Файзула. Но ведь этого не будет. Жаль мне его стало. Не замечает человек, как портится.

Я говорю:

— Дощечку-то всё равно не прибьют, Файзула.

— Какую дощечку?

— Ладно, это я так подумал.

— Нехороший ты человек, Скачков. Зачем ребёнка у матери воровал?

— Да я, Файзула...

А, да чего с ним разговаривать! У него одни показатели в голове. Показатели и указатели.

— Пойдём, Палён.

Палён говорит:

— Конечно, пойдём. Тебе куда? Мне в парикмахерскую.

Я говорю:

— Совпадение. Мне тоже в парикмахерскую.

А что, постригусь. Почему не постричься? Всё-таки знакомые парикмахеры. Например, Артур Жанович. Он мою голову знает.

НАША ПАРИКМАХЕРСКАЯ

В парикмахерской только и разговоров что про матч «Спартак» с «Шахтёром». Все галдят, руками размахивают.

— Кухарев забудёт и Скворцов забудёт!

— Ни черта твой Скворцов не забудёт. Кухарев ещё куда ни шло, а Скворцов — нет, не забудёт.

— Да что вы говорите, в матче с «Араратом» Кухарев еле ногами двигал, вот-вот упадет.

Это когда во втором тайме?

— Во втором тайме.

— Ну, значит, и Кухарев не забудёт. Я больше всех рассчитываю на Степанова.

— Успокойтесь, граждане, — сказал Артур Жанович, — так же невозможно работать. Шум, гам — в ушах уже какие-то галлюцинации начинаются. Если хотите знать, забудёт вовсе не Кухарев. И совсем не Скворцов. И уж конечно, не этот пенсионер Степанов. Неужели у вас не дрожит сердце, неужели у вас не трепещет душа, когда на поле выходит Савушкин? Ведь это же бомбардир от бога!

— Савушкин — да!..

— Савушкин — ничего не скажешь.

— А? Да?.. Какая скорость, какой удар! Мне худо сделалось, когда они играли с тбилисским «Динамо», вы помните этот проход Савушкина на двадцать второй минуте первого тайма? Без валидола этот матч невозможно было смотреть.

— Да-а...

— Кто ж не помнит!..

— А? Да?.. Метеор! Ракета! Мои надежды на Савушкина растут от матча к матчу. Это перспективный игрок, блистательный, умопомрачительный! И сегодня он вам это докажет.

— Не-ет, Кухарева вы недооцениваете...

— Да что Кухарев, заладил: Кухарев, Кухарев! Если на то пошло — Степанов!

— Не Степанов, а Скворцов, Скворцов!

— А я говорю — Кухарев!

— А я говорю — Степанов!

— Скворцо-ов!..

— Граждане, граждане, пощадите, — взмолился Артур Жанович. — Ведь мы ж на работе. Просто голова идёт кругом! За целый день наслушаешься столько всякой ерунды!.. Кухарев — игрок с нераскрывшимися возможностями. Скворцов после травмы. Степанов, я вам ещё раз повторяю, немолод, к тому же он курит. Зато Савушкин — какой блеск, какой восхитительный игрок!..

— Савушкин — да.

— Савушкин — ничего не скажешь.

— Кто же против Савушкина?..

Такой у них шёл разговор. Другие парикмахерши на них — ноль внимания, стригут, бреют. Хоть бы, думаю, к Артуру Жановичу не поинтересуйся, у него наситишься. Он то и дело — ножницы в сторону, глаза в потолок: Савушкин, Савушкин!..

КОРРЕСПОНДЕНТ

— А, постриглись, — говорит Файзула. — Это хорошо. Сейчас он придёт. Уже звонил ЖЭК. Садитесь шахматы играйте. Шумно не играйте.

Совсем помешался на этом корреспонденте. Сидит в чёрном костюме среди своего скверика. На столе перед ним фарфоровый чайник и две пиалы. Файзула чай пьёт. Чай он пьёт только зелёный. Я однажды попробовал — это просто горечь. В нём ни крошки сахара. Файзула пьёт эту гадость по девять раз в день.

Голуби вокруг него разгуливают, воробьи на ветках чирикают. Он сидит в сквере, как в родном кишлаке, никто ему не

мешает. Пьёт чай и обдумывает повышенные обязательства. Файзула говорит так: «Чай не пьёшь — откуда силы берёшь?»

Спортом надо заниматься, вот откуда силы.

Вдруг и в самом деле во двор входит человек в очках и светлом пиджаке. За ним почему-то идёт Тентелев.

— Эй, пожалуйста, — кричит Файзула. — Сюда проходите! Здравствуйте! Салам алейкум! — Файзула берёт его руки двумя руками.

Корреспондент садится за столик вместе с нами.

— Это я и есть Файзула Абдурахманов, — говорит Файзула. — Пейте зелёный чай. Вкусный, свежий. Только что заварил. У нас обычай такой: сначала чай пьём, потом разговариваем. Как ваше здоровье? Как здоровье жены?..

— Да я, собственно... — говорит корреспондент, но Файзула его не слушает.

— Как здоровье детей? Папы, мамы?..

— Вкусный чай, — говорит корреспондент.

— Очень вкусный, — говорит Файзула. — Очень полезный!

— Хорошо у вас во дворе, много зелени.

— Очень хорошо! — говорит Файзула. — Много работаем.

По всем показателям. Пятый показатель — зелень.

— Пятый? А первый какой?

— Первый — квартплата.

Корреспондент чай выпил и говорит:

— Я к вам знаете по какому вопросу?

Файзула кивает:

— Знаем, знаем! ЖЭК предупредил.

А в это время другие ребята подходят: Семёнов, Дубарев, Куркина. Что корреспондент должен прийти — все слышали.

— Я вам все данные приготовил, — говорит Файзула и вынимает из кармана пачку листов. — Вот макулатура. Вот зелень. Вот пищевые отходы. Вот работа с детьми. Я с ними очень много работаю, они скажут.

— Да мне не это надо, — говорит корреспондент. — Я не по этому пришёл. Мне нужен Саша Скачков.

Все повернулись ко мне. А Файзула говорит:

— Вот этот Скачков. Но мы за него не отвечаем.

— Который Скачков? — спрашивает корреспондент.

«Ну, — думаю, — это насчёт грудняка». Я говорю:

— Ну, а чего я такого сделал? Прокатил немного его, так я ж только до угла... Ну, чего особенного?..

Корреспондент говорит:

— Какой — этот? Это не Скачков.

— Как не Скачков? — удивляется Файзула.

Ну вот, я уже и не Скачков.

Я говорю:

— Кто, я не Скачков? А кто же я, по-вашему?

Все кричат:

— Скачков! Это Саня Скачков! Мы его все знаем!

Корреспондент даже очки снял.

— Странно, а он совсем по-другому выглядел.

— Он постригся, — сказал Файзула.

Корреспондент снова надел очки и кого-то поискал глазами. Взгляд его упёрся в Тентелева.

— А ты мне голову не морочишь? Ты же говорил, что вы очень просите прийти к вам во двор из-за Скачкова. А его здесь нет.

— Правда, правда, — говорит Файзула, — его здесь нет. Он больше здесь не живёт. ЖЭК за него не отвечает.

— Ничего не понимаю! — сердится корреспондент. — А кому же мне отдать письмо? Вот тут у меня письмо есть для этого вашего Скачкова.

— Какое письмо? — кричу. — Где вы его взяли?

И уже хочу схватить моё письмо, это ведь моё письмо, и я уже всё понимаю: и как оно попало к нему, и кто этот человек, все понимаю.

— Э, нет, — говорит человек, — давайте сначала разберёмся. Я работаю директором лодочной станции...

Файзула восклицает:

— Так вы не корреспондент?..

— Нет. Пять дней назад этот ваш неуловимый Саня Скачков похитил чужую лодку и потерял весло. Ну, мы вашего Саню, конечно, скоро взяли на буксир и на берег доставили. Стали удостоверять личность. Документа у него, конечно, никакого не оказалось, а было в кармане вот это письмо.

— Да отдайте же вы мне его, отдайте! — закричал я. — Моё это письмо!..

Да что он не отдаёт-то! Вот же оно! Я так себе его и представлял.

— А как же оно оказалось в чужом кармане?

Тут мы услышали какие-то крики в стороне. Это Тентелев хотел привести к нам Михеева, а тот упирался.

— Не пойду!.. Не пойду!.. — выкрикивал весь красный Михеев.

Тогда его Дубарев под другую руку поддел.

— Да он ведь мне сам поручал, — хныкал Михеев, — Саня, ты ведь мне поручал смотреть в ящике?..

Я кивнул. Мне хотелось хоть чем-то помочь Михееву.

— Ну, вот видите... Я нашёл там письмо и хотел отвезти его Сане, честное слово, я хотел отвезти!.. А они отобрали... Вы же отобрали...

Я не мог больше тут находиться. Я вырвал письмо у директора лодочной станции, оно у него выскользнуло из рук, он даже внимания не обратил, потому что во все глаза смотрел на Михеева.

А я побежал!..

ПРОЩАЙ, СТАРЫЙ ДОМ!

И он побежал. Ах, как он побежал! Бежать-то, может быть, и не надо было, а в трамвай, в трамвай вскочить, пригнаться где-нибудь на задней площадке и читать письмо, глотать строчку за строчкой.

Да разве ж он и так не знал, что в нём написано? Ведь он его насквозь видел, письмо-то это. Бедь отец едет, едет, может, он уже в дороге!..

А сзади его догоняли и Тентелев, и Дубарев, и Палён, и Семёнов, и Куркина. «Саня, Саня, — кричали они ему, — ты приезжай к нам, ты всё равно приезжай! И мы к тебе приседем!..»

Но уже за его спиной оставалась старая улица, со всеми своими домами, витринами, деревьями, проводами, люками, светофорами...

Жёлтые листья летели косо над ним, как маленькие самолётики.

Прощай, старый дом!

СОДЕРЖАНИЕ

Об авторе этой книги <i>Б. Никольский</i>	2
ВОТ МОЯ ДЕРЕВНЯ.	4
МОИ СТАРЫИ ДОМ.	109

Дорогие читатели!
Присылайте нам ваши отзывы о прочитанных книгах
и пожелания об их содержании и оформлении.

Пишите по адресу:
Ленинград, 191187, наб. Кутузова, 6.
Дом детской книги издательства
«Детская литература».

Для младшего школьного возраста

Аро Владимир Константинович

ПОВЕСТИ

Ответственный редактор Н. Л. Страшкова.
Художественный редактор В. П. Дроздов.
Технический редактор Т. С. Харитонова.
Корректоры Н. Н. Жукова и Л. А. Бочкарёва.

ИБ 5898

Сдано в набор 07.07.81. Подписано к печати 26.10.81. Формат 70 × 100^{1/16}.
Бумага офсетная № 1. Шрифт литературный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,2.
Усл. кр.-отт. 37,7. Уч.-изд. л. 13,54. Тираж 150 000 экз. Заказ № 216. Цена 75 коп.
Ленинградское отделение ордена Трудового Красного Знамени издательства
«Детская литература». Ленинград, 191187, наб. Кутузова, 6. Фабрика «Детская
книга» № 2 Росглаволиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, 193036, 2-я Советская, 7.

Арро В. К.

А 84 Повести./Переизд.;Вступит. ст. Б. Никольского;
Рис. Андр. Пахомова и С. Острова. — Л.: Дет. лит.,
1982. — 222 с., ил.

В пер.: 75 коп.

Повести о пионерах и октябрятах, издававшиеся ранее: «Вот моя деревня»,
«Мой старый дом».

4803010102—101

А-----173—82

М101(03)—82

Р 2

© МОЙ СТАРЫЙ ДОМ. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1976 г.
СОСТАВ, ОФОРМЛЕНИЕ. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1982 г.